

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

VII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН
(КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

1971

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН
(КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

1971

І. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И.Д.Амусин

ОБ ОДНОМ КУМРАНСКОМ РАЗНОЧТИИ: "ЛЮБЯЩИЕ ЙАХВЕ" ВМЕСТО "ВРАГИ ЙАХВЕ"

В кумранской цитате из Пс. 37:20 оказалось следующее разночтение: вместо масоретского выражения "враги Йахве" ('yby yhw h), о которых в тексте данного стиха говорится, что - "они как дым исчезнут", в кумранской цитате читается: "любящие Йахве" ('whby yhw h ; 4Q 171 fr. I,3-4 Col. III,5⁸)¹. Это странное разночтение не привлекло к себе специального внимания. Известный исследователь текста кумранского "Комментария на Псалом 37" Штегеман ограничился примечанием, в котором он отвергает возможность ошибки писца и предполагает, что в данном случае мы имеем дело с сознательным изменением текста («Es handelt sich sicher nicht um einen Schreibfehler unserer Handschrift... Vielleicht liegt eine bewusste Textänderung vor »)². Дж.Странел, суровый критик всего издания Аллегро, в данном случае согласился с предложенным Аллегро чтением и композицией вставной строки 5^a, но не остановился на существовании этого разночтения³.

Между тем трудно себе представить, чтобы столь кардинальное изменение только одного слова, придающее выражению прямо противоположный смысл, было, как думает Штегеман, произведено

сознательно при сохранении в неприкосновенности всего остального текста стиха, находящегося в непримиримом противоречии с измененным словом. Скорее следует думать о существовании иной редакции стиха или о его порче. О существовании отличной от масоретской редакции свидетельствует текст Септуагинты и Вульгаты, в которых, правда, сохранилось слово "враги" (ἐχθροί-inimici), но в остальном, тем не менее, нет полного совпадения с масоретским текстом⁴. В нашем же случае мы имеем, напротив, полное совпадение кумранской цитаты с масоретским текстом, за исключением одного этого загадочного разночтения.

Как мне представляется, материал для понимания механизма возникновения этого разночтения дают опубликованные Миликом и Старки тексты 4QPs 89 и 4QPs^f УП-Х. В 4Q Ps 89,6 читается: 'w'b⁵ в.м. 'wyb⁵, а в 4QPs^f X,11 - 'w'byw в.м. 'wybyw⁶. Как указывает Милик, такое же написание встречается в неопубликованном еще тексте 4Q 4347 (Milik, ibidem, p. 97). Написание ם'ב'ימ в.м. ם'ב'ימ (то-есть, 'алеф в.м. йод) ограничивается пока известными мне тремя указанными случаями, в то время как во всех других кумранских рукописях засвидетельствовано тридцать шесть случаев обычного написания этого слова (с йод).

Старки, следуя Гошену-Готштейну и Милику, объясняет это явление чередованием 'алеф и йод в интервокальной позиции (Starcky, op.cit. p. 370). Вместе с тем, здесь следует указать еще на две особенности кумранской орфографии. С одной стороны, в кумранских рукописях часто практикуется опущение знака 'алеф даже там, где это искажает облик слова, например в 1Qp Hab. XIII,1: h'ra (земля) в.м. h'ra. Показательно также, что в 4QPs^f X,12 наряду с написанием 'w'byw с неожиданным 'алеф выступает ywbw в.м. yw'bw (с пропуском коренного 'алеф); такой же пропуск 'алеф в слове ywbw трижды засвидетельствован в интересующем нас отрывке 4Q 171 col. III,3,4,8⁷. С другой стороны, весьма распространенной особенностью кумранской орфографии является чередование знаков 'алеф и he. Ср., например, hn'ay (1QS УIII,13) в.м. 'n'ay и, наоборот, 'mrwt (1QS УI,26) в.м. hmrwt; ср. также hwrt (1QIs^a XXXI,19) в.м. 'rwt (Is.37:38), hknkh (1Q Is^a XXXVIII,10) в.м. 'knkh (Is.45:4) и др.

Нельзя ли поэтому допустить, что в тексте Ис.37:20, который имел перед собой кумранский комментатор, вм. 'wby было написано 'w'by, и этот 'w'by был фонетически воспринят как ле? Не исключена также возможность, что запись пропущенной строки произведена впоследствии другим писцом на слух, и 'w'by было воспринято как 'whby. Если это предположение может быть принято, то дошедшее написание слова 'לחם должно рассматриваться как фонетико-орфографический вариант слова 'לחם, а не как сознательная замена слова "враги" словом "любящие".

1) См. окончательное издание этого текста: J.M.Allegro, Qumrân Cave 4.I (4Q 158-186). Discoveries in the Judaean Desert of Jordan.V. Oxford, 1968, p.44.

2) H.Stegemann, Der Peßer Psalm 37 aus Höhle 4 von Qumran (4Qp Ps 37), - "Revue de Qumran", N 14, 1963, S. 251, Ann. 78.

3) J.Strugnell, Notes en marge du volume V des « Discoveries in the Judaean Desert of Jordan », - "Revue de Qumran", N 26, 1970, p. 214.

4) Ср. MT: קוֹר קְרוּם - "как краса лугов" гесп. "как тук агнцев" ; LXX + Vulg. : "как только они будут почтены и возвышены" - ἡμεῖς τῶ βασιλευμένῳ αὐτοῦ καὶ ὑψωμένῳ; ut honorificati fuerint et exaltat.

5) J.T.Milik, Fragment d'un source du Psautier, - "Revue Biblique" 73, 1966, N 1, p. 95.

6) J.Starcky, Psaumes apocryphes de la Grotte 4 de Qumrân, "Revue Biblique" 73, 1966, N 3, p.337.

7) Другие многочисленные примеры этого явления см. J.Carmignac, Conjecture sur la première ligne de la Règle de la Communauté - "Revue de Qumran", N 5, 1959, p. 86.

"АВТОБИОГРАФИЯ" ИБН ХАЛДУНА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЕГО ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Жизнь крупнейшего арабского мыслителя, историка и философа Ибн Халдūна (1332-1406) представляет незаурядный интерес как в историографическом аспекте, так и для изучения интеллектуальной жизни средневекового арабского мира в последний период его культурного расцвета. Поэтому изданная в 1951 г. Мухаммадом ибн Тавйитом ат-Тандий уникальная рукопись полной версии автобиографии Ибн Халдūна уже привлекла самое пристальное внимание исследователей его историко-философского наследия (Та'риф би Ибн Халдūн ва рихлатуху гарбан ва шаркан, Каир, 1951 - "Знакомство с Ибн Халдūном и его путешествия на запад и на восток"). К сожалению, сведения, содержащиеся в "Автобиографии", пока использовались лишь в исследованиях частного характера; общая оценка этого сочинения отсутствует, что вполне объяснимо трудностью его более подробного изучения, прежде всего - из-за чрезвычайно значительного объема работы по сопоставлению и взаимному контролю многочисленных автобиографических и биографических сведений.

В известной мере можно признать исключительным для арабской литературы сам этот труд Ибн Халдūна. Хотя по характеристике Х.Гибба "истинный гений арабской историографии проявил себя скорее в биографии, чем в хронике", автобиографическая литература арабского средневековья очень бедна. Сама идея автобиографии "для арабов в их литературе всегда оставалась чуждой" (И.Д.Крачковский), и каждое ее проявление не без основания рассматривается как обособленное и случайное явление. В этом коротком ряду "Автобиография" Ибн Халдūна выглядит наиболее полной и обстоятельной, как по охвату описываемых событий, так и по объему описания.

Тем не менее, несмотря на очень значительный объем рукописи, изложение Ибн Халдūна вряд ли способно вполне удовлетворить современного исследователя, ищущего в автобиографии прежде всего "историю внутренней жизни" в ее сугубо личном аспекте (Г.Мин, Р.Паскал). Основные акценты расставлены Ибн Халдūном совершенно иначе.

Он широко, не боясь повторить уже изложенное им в исторических сочинениях, описывает политические события, с которыми так или иначе была связана его жизнь, и довольно подробно отмечает свое участие в них, не стремясь как-либо оправдать или осудить собственные деяния. Ибн Халдун очень редко выходит за рамки прагматического обоснования своих поступков, еще реже можно отметить склонность к психологической каузальности.

Ибн Халдун не может и не стремится скрыть многочисленные факты, свидетельствующие о его обособлении, скорее идеологическом, чем политическом, в придворных и правящих кругах Туниса и Египта, к которым он принадлежал в силу занимаемого им положения. Однако резкие расхождения с этим окружением, нередко принимающие крайне острые формы, он стремится объяснить не столкновением непримиримых мировоззрений, а злокозненными интригами клеветников и завистников. Между тем его противники были гораздо более откровенны и не лишены понимания истинных причин конфликтов, как о том свидетельствуют многие современники.

Ибн Халдун почти ничего не сообщает о событиях своей личной жизни, не говоря уже об описании своих мыслей, чувств и переживаний. Даже о таком глубоко потрясшем его несчастье, как гибель во время кораблекрушения всей его семьи, известно из других источников. Вместе с тем Ибн Халдун достаточно щедро рассказывает на страницах автобиографии сведения о литературной и интеллектуальной жизни той среды, к которой он принадлежал. Помимо многочисленных стихотворных отрывков (их около 750), которые относятся скорее к традиционным особенностям хорошего стиля, Ибн Халдун воспроизводит 140 страниц писем к нему и другим лицам своего трагически погибшего друга, блестящего литератора, мыслителя и историка Лисан-ад-дина ибн ал-Хатйба, написанных зачастую рифмованной прозой, рассказывает о своей переписке и беседах с другими известными учеными его времени. Не менее детально рассказывает Ибн Халдун о своих учителях, о тех предметах, которые он изучал под их руководством, о своих первых литературных и философских опытах.

Однако неполнота и селективный характер автобиографии явно ощущаются, если приводимые там сведения сопоставить с многочисленными автобиографическими ремарками в "Китаб

ал-‘Ибар” и “Мукаддима”, отсутствующими в “Та’рифе”. Достаточно обширный материал о жизни и карьере Ибн Халдūна содержат другие современные ему источники. К сожалению, наиболее интересные из них – биографии Ибн Халдūна, написанные Ибн ал-Хатībом и Исмаїлом ибн ал-Ахмаром – либо недоступны, либо утрачены, сохранившиеся лишь в экзценциях у ал-Маккарї. Более доступны отдельные сообщения египетских авторов (У.Фисел). В этой связи первоочередной задачей исследования творческой биографии Ибн Халдūна нам представляется сопоставительное изучение трех перечисленных групп источников – автобиографии, автобиографических заметок в исторических и философских трудах и сообщений современников. Вместе с тем такая яркая страница не только биографии Ибн Халдūна, но и интеллектуальной жизни его времени, как его переписка с Ибн ал-Хатībом, уже сейчас доступна исследователю.

Ю.Е. Борщевский

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ ПЕРСИДСКОЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
МУДЖМАЛ АТ-ТАВĀRĪḤ ВА-Л-ҚИСАС (520/II26 г.)
(См. Стори, I, № 103 и указ.литерат.)

За двести лет знакомства европейской науки с “Компендиумом историй и преданий” это сочинение привлекало внимание многих крупных востоковедов,¹ однако, несмотря на ряд ценных работ, памятник этот – один из старейших в персидской историографии – до сих пор не изучен, а его географические разделы (главы XXIII и XXIV) вообще не рассматривались.

Муджмал – самое старое из числа дошедших до нас сочинений по всеобщей истории с выделенным географическим разделом, и лишь одно персидское географическое сочинение старше его: Худūd ал-‘Алам (982–3 г.н.э.). Отсутствие критического текста (издание М.–Т.Бехара, снабженное ценными примечаниями и предисловием, выполнено по дефектной рукописи)² не позволяет прийти к окончательным выводам, но предварительная характеристика указанных разделов вполне возможна.

Гл. XXIII “О протяженности мира, о горах, морях, реках и их очертаниях, о сооружениях, таких как Харамайн, Байт ал-мукаддас и Ка’аба, и описание климатов” содержит описания: а) горы –

коранические легенда и Луккām, Рāхūн и Сарйр; Демавенд и легенды о нем; Тūr и легенды о ней; б) протяженность и площадь земли; в) круглая карта мира и ее описание; г) моря – Индийский океан, Каспийское море, Атлантический океан, Черное море; д) реки – коранические предания о Сайхāн, Джайхāн, Ниле и Евфрате; Нил и легенды о нем; Евфрат, Тигр, Сайхāн, Джайхāн, Аму-Дарья; е) 7 кишвāров и 7 иклīmов; ж) замечательные города и сооружения – Мекка и Касаба (план), Медина (план), Иерусалим (план), Константинополь (упомянутый в тексте план отсутствует), Рūмййа (план), стена Йāджūdж и Мāджūdж, Александрийский маяк (рисунок), Каср-и Машйд, Ирам Зāt ал-‘Имāд, Каср-и Гумдāн.

Гл. XXIV "О городах ислама и о том, что способствовало их постройке". Краткие описания городов: Басра, Вāсит, Багдад, Аурадварра, Куфа, Самарра, Демаск, Каир, Махдййа, Хāрунййа, М.н.к.б., Ахдар-и Маслама, Асадабад, Хамадан; Бахрām Гūr и другие сооружения; Карадж, Бурūdжирд, Исфехāн-и Йахūdййа, Шираз, Рей, Тамйша, Шāдйāх (Нисапур).

Источники раздела: Ибн ал-Факйх, Китаб ал-булдāн; Ибн Русте, ал-А‘лак ан-нафйса; Ахмад б. Касс, Далā‘ил ал-киля; ал-Мукаддасй, Ахсан ат-такасим; ‘Абд ар-Рахмāн ал-Кāтиб ал-Хамадāнй, Хамадāн-наме; Аджā‘иб ал-‘улūм. Упоминание титула труда Ахмада б. Касса в указанной форме снимает, очевидно, сомнения И.Ю.Крачковского в аутентичности заглавия и популярности самого сочинения (см. Собр. соч., IV, с. 236-7).

Географические главы компилятивны и им присущи отрывочность сведений, повторы, нарушения логической последовательности изложения; доступный текст представляется написанным наспех и не отредактированным. Оригинальные сведения касаются в основном Хамадана, где жил неизвестный автор. В целом, географические главы в первую очередь интересны как один из ранних образцов персидской обработки различных арабских географических трудов.

Примитивная круглая карта мира, как и упомянутые планы мечетей и т.п. заимствованы автором из использованных им источников, титулы которых он не называет. Карта эта не изучена специалистами и, вместе с очень кратким ее описанием, представляет самостоятельный интерес. Кроме того, изображения в Муджмал лишний раз подтверждают наличие карт, планов и рисунков в одном или нескольких перечисленных выше источниках автора.

Географические сведения имеются и в других главах Муджмад, причем важно отметить, что они не случайны, а сознательно разыскивались автором в источниках и вводились им в текст повествования. Разделы, посвященные истории иранских царей, например, содержат предания и легенды о возведенных ими постройках, заложенных городах и т.п., свод которых представил бы большой интерес. Подобные сведения имеются и в других разделах.

Муджмад — компилятивное сочинение, причем автор не скрывает своей зависимости от предшественников и даже гордится тем, что все его сведения восходят к древним трудам. Среди его источников более десятка прозаических и поэтических, авторских и анонимных дастанов, данные которых воспринимались автором как исторически достоверные. Такое восприятие было характерно для духа времени и его разделяли не только составители книг, но и читатели, как показано ниже.

Неведомый нам читатель и, очевидно, довольно ранний переписчик Муджмад включил в текст гл. XXIII две сказки, так объяснив свои мотивы: "оба эти рассказа и упоминание об этих шāристāнах не содержались в Муджмад ат-тавāрих, но так как они к нему подходят, то мы их упомянули и вписали, дабы книга стала законченной и принесла /больше/ пользы" (с. 498). Как видим, фантастика не отделялась от реальности и введение сказочных сведений в ткань географического повествования представлялось не только естественным, но даже необходимым.

Первая сказка именуется Зикр-и шāристāн-и заррйн (Рассказ о золотом городе), вторая — Зикр-и шāристāн-и рўйййн (Рассказ о медном городе), причем во второй сказке имеются еще и вставные рассказы. Сказки перекликаются с рассказом о Синдбаде-мореходе, сказкой о Медном городе в "Тысяче и одной ночи" и с одним из рассказов в "Чудесах Индии" Бузурга ибн Шахрийара, они представляют большой интерес для литературоведов и фольклористов и заслуживают самостоятельного исследования.

I) Неполный список ученых, занимавшихся Муджмад (в скобках даты появления основных работ): Анкетиль Дюперрон (1771), Э.Катрмер (1839), Ж.Моль (1841), Ж.Рейно (1845), Т.Нёльдеке (1879), В.Розен (1895), В.Бартольд (1898, 1900), К.Иностранцев (1909), Мухаммад Казвйнй (1930), Мухаммад-Тақй "Малик аш-Шу'ара" Бехār (1939), Забихуллā Сафā (1954).

2) Бехар издал текст по фотокопии парижской рукописи, так что к дефектам оригинала прибавились дефекты фотокопии. К сожалению, вряд ли можно рассчитывать на появление критического издания текста в недалеком будущем. Самая старая и полная рукопись Муджмад, принадлежавшая турецкому ученому М.Ф.Кёпрлю и идентифицированная В.Бартольдом в 1926 г. во время его поездки в Турцию, в 1966 г. была предложена для продажи книготорговой фирмой Харрассовитц (за 14000 марок) и ее нынешнее местонахождение неизвестно: см. *Orientalische Handschriften. Otto Harrassowitz. Katalog 500. Wiesbaden, 1966, S. 38.*

Е.И.Васильева

НОВОЕ СОЧИНЕНИЕ ПО ИСТОРИИ ИРАНСКОГО КУРДИСТАНА
("ТАРІХ-И БАНИ-АРДАЛАН" ХУСРАВА Б. МУХАММАДА БАНИ-АРДАЛАНА)

В Национальной библиотеке Парижа хранится рукопись сочинения курдского автора начала XIX века Хусрава б. Мухаммада б. Манучихра Бани-Ардалана. Рукопись уникальна, не издана и не переведена на другие языки. В каталоге Блюзе^I она названа "Историей курдского племени Бани-Арделан", хотя в действительности речь идет о правящем княжеском роде. В сочинении описывается история большого курдского княжества, существовавшего на территории области Арделан в Иране, известной как собственно Курдистан. В Арделане с XIII по XIX вв. правил знатный род курдских князей, сохраняя почти полную независимость и лишь номинально подчиняясь центральной власти.

После традиционных восхвалений Аллаха, пророка Мухаммада и 'Али, автор сообщает общие сведения о племени бани-арделан и поясняет, почему он избрал историю этого племени темой своего сочинения: "Обстоятельного сочинения о них не написано и поэтому... этот ничтожнейший из рабов Аллаха Хусрав б. Мухаммад б. Манучихр Бани-Ардалан... занялся составлением этого труда /и решил/ записать все, что довелось видеть самому, слышать от просвещенных или встречать в других уважаемых сочинениях" (л. 3б). Таким образом, согласно утверждению Хусрава Бани-Ардалана, до него никто подробно историю правителей Арделана не описывал. Если это так, то более поздние авторы исторических

сочинений, посвященных Иранскому Курдистану - поэтесса Мāх-Шараф-хāнум (поэтический псевдоним Мас'уде) (1804-05 - 1846-47), написавшая "Тāрих-и Курдистāн"², и Мйравā 'Али Акбар Сāдик ал-Мулк (его перу принадлежит история Иранского Курдистана под названием "Хадйке-и Нāсирийе"³) - должны были обращаться к труду Хусрава Банй-Ардалāна.

Отдельные части сочинения Хусрава Банй-Ардалāна весьма неравноценны. Первые 18 листов рукописи представляют компиляцию главы "Шараф-нāме" Шараф-хāна Бидлйсй, посвященной правителям Арделана⁴. Местами автор буквально переписывает "Шараф-нāме" (ср., например, л. 47б и "Шараф-нāме", стр. 151). При описании событий ХУП - первой половины ХУШ вв. Хусрав Банй-Ардалāн использует персидские источники, частично им названные: "Тāрих-и Нāдирй (лл. 41а, 42а) и "Фатх-нāме" Мехдй-бека Шиккā-кй (л. 66а). События второй половины ХУШ и начала ХІХ вв. - до времени составления хроники (1249/1833-34 год) автор описывает как очевидец.

Хусрав Банй-Ардалāн сообщает в своем сочинении много ценных сведений о внутреннем положении в Иранском Курдистане, о положении народных масс, о многочисленных эпидемиях чумы, из года в год потрясавших Курдистан, о бедствиях голодных лет. Так, в середине ХУШ в., по словам автора, "область /Курдистана/, была полностью разорена, а все раййаты разбежались" (л. 47б.). Хроника помогает также реально представить положение арделанского князя, степень его зависимости от центральной власти.

Об авторе хроники известно лишь то немногое, что он сообщает в своем труде. По его словам, он был стар, когда писал свое сочинение, "его день уже сменился ночью". Хусрав Банй-Ардалāн не раз жалуется на бедность, сетует, что "нуждается в пропитании на один вечер".

Хусрав Банй-Ардалāн принадлежал к обедневшей ветви рода правителей Арделана - его дед Ман'учихр-бек б. Мухаммад-бек приходился внуком Сулеймāн-хāну, вали Курдистана (по-видимому, автор имеет в виду Сулеймāн-хāна б. эмира 'Аламеддйна, который правил в 1630-31 - 1655-56 гг.). Автор хроники явно склонен к идеализации прежних правителей Арделана. За редким исключением, они рисуются в хронике справедливыми, исполненными всевозможных

добродетелей покровителями райятов. В высказываниях же автора о правителях Иранского Курдистана, которые были его современниками, чувствуется обида на них, в особенности на сына Амāналлах-хана Великого Хусрав-хана Нāкāма (1824-25 - 1834-35). "Хотя Хусрав-хан был весьма щедр и великодушен, - жалуется Хусрав Бани-Ардалан, - автора этих строк он оставил владеть жалкое существование и голодать" (рук., л. 89б).

Сочинение Хусрава б. Мухаммада Бани-Ардалана принадлежит к произведениям локальной провинциальной историографии и является ценным источником, отражающим прежде всего историю Арделанского княжества и династии Бани-Арделан.

1) E. Blochet, Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque Nationale, I, P. 1907, p. 305, 306.

2) دیوان ماه شرف خانم کردستانی متخلصه به مستوره ،
تصران ۱۳۰۴ ، صفحه ۵-۴ .

О существовании этого сочинения мне любезно сообщил Д.Е. Борщевский.

3) B. Nikitine, Les valis d'Ardélan - Revue du Monde Musulman, 1922, v. XLIX, pp. 70-104.

4) Шараф-хан Ыдлиси, "Шараф-наме". М. 1967, стр. 146-152.

М.И. Демидова

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ДУНЬХУАНСКОЙ КНИГИ

Дуньхуанская книга, представленная многими рукописями на китайском, санскритском, тибетском, уйгурском, согдийском и хотанском языках, а также ксилографами на китайском языке, хранится ныне в коллекциях Китая, Англии, Франции, СССР, Японии и Дании.

Периодизация истории дуньхуанской книги - одна из актуальных проблем дуньхуановедения, которая тесно соприкасается с вопросами датировки книги. Ряд исследований, посвященных датировке рукописей из Дуньхуана, в той или иной степени касается названной проблемы. Среди них работы Л. Джайлаа, Чжэн Чжэнь-до, Фудзиэды Акиры, Л.Н. Меншикова и Пань Цзи-синя.

Уточнению периодизации помогает изучение искусства дуньхуанской книги, непосредственно связанного с историей культуры Дуньхуана в IV–XI вв. В качестве исходного материала берутся, прежде всего, датированные рукописи и ксилографы. Рассматриваются их форма и внешний вид (бумага, почерк, графление и т.д.), особенности датировки и место переписки или печатания книги, ее содержание и художественное оформление.

Датированные китайские рукописи Дуньхуанского фонда Института Востоковедения АН СССР являются важным источником для периодизации истории книги. Изучение искусства этих образцов позволяет выделить пять основных периодов:

Первый период (конец IV в. – 70-е гг. VI в.) совпадает с периодом Лючао. Имевшие тогда распространение в Дуньхуане книги были различными по содержанию, но значительную их часть составляли переводы буддийского канона. Последние представлены в нашем фонде тремя датированными списками, относящимися к 434, 502 и 573 гг. Здесь хранится также фрагмент "Сутры о Вималакирти", который, по-видимому, является частью рукописи Пекинской коллекции, датированной 393 годом.

Все упомянутые рукописи имеют форму свитка. Бумага различна по цвету и качеству: от коричневой, плотной, твердой со слабо различимой сеткой до желтой, тонкой хрустящей с тонкой сеткой. На рукописях почерк архаичный (ли) или почерк, занимающий среднее положение между почерком ли и почерком современного типа кай. Линии графления, намечающие строки и отбивающие поля, грубые. Списки, как правило, датированы одновременно девизом годов правления китайского императора и знаками 60-летнего календарного цикла.

Второй период (80-е гг. VI в. – 70-е гг. VII в.) соответствует времени объединения Китая под властью династий Суй и Тан. Характерной особенностью рукописей этого периода является почерк кай, который получил распространение в северном Китае после объединения страны в связи с употреблением для письма более мягкой южнокитайской кисти. В основных чертах почерк кай сохраняется до настоящего времени.

Почерком кай написано 16 датированных рукописей второго периода. Наиболее ранняя из них относится к 599 г., самая поздняя – к 771 г. В их числе можно видеть буддийские канони-

ческие произведения, стихотворение и документы. Форма книги – свиток или отдельный лист. Качество бумаги указанных образцов много выше, чем в рукописях предыдущего периода. Особенно хорошей тонкой и гладкой бумагой желтого и светло-коричневого цвета отличаются четыре списка 671, 672, 675 и 703 гг., написанные в скрипториях Чанъани. Окрашенная бумага встречается на рукописях сочинений буддийского канона, поэтический текст и документы написаны на неокрашенной бумаге. Графление на рукописях тонкое, бледное. Новое можно видеть и в датировке рукописей второго периода. Обычно дата в них дана под девизом годов правления императора, лишь в редких случаях (чанъаньская рукопись, 703 г.) приведены также даты по 60-летнему календарному циклу.

Третий период (80-е гг. УШ в. – 40-е гг. IX в.) ограничен временем тибетского господства в Дуньхуане. Сохранились три датированные рукописи этого периода, относящиеся к 782, 792 и 803 гг.: сутра и два документа. Форма книги – отдельный лист. Бумага рукописей грубая, коричневато-серая, без какой-либо окраски. Знаки на рукописях написаны тибетским каламовым пером. Графление грубоватое. Особенностью датировки списков данного периода является появление в ней знаков двенадцатиричного календарного цикла, например, на документе 792 г. Два других списка датированы девизами правления китайских императоров.

Четвертый период (50-е гг. IX в. – 50-е гг. X в.), период Гуйцзюнь, соответствует последним десятилетиям правления династии Тан и эпохе Пяти династий. В нашем фонде более 50 датированных рукописей названного периода: произведения Трипитаки, апокрифы, стихи и документы. В них наглядно отражается эволюция формы и внешнего вида книги. Здесь, наряду с прежними формами книги (свитком и отдельным листом), мы встречаем новые – книгу-гармонику и тетрадь. Рукописи чаще всего написаны на нестандартных видах бумаги низких сортов. Графление тонкое, бледное. Большинство книг датировано только знаками 60-летнего календарного цикла. Имеются также списки, датированные лишь девизом правления императора или одновременно девизом правления и знаками циклического календаря. На двух рукописях указано место их написания – дуньхуанские монастыри Лунсин и Лунцюань.

Пятый период (60-е гг. X в. – 30-е гг. XI в.) начинается с объединения Китая династией Сун и длится до завоевания Дунь-

хуена тангутами. Датированные рукописи представлены семью образцами, из которых наиболее ранний относится к 964 г., позднейший - к 1002 г. Они разнообразны по содержанию: произведения буддийского канона, молитвы, документы. Форма книги - свиток и отдельный лист. Качество бумаги улучшено. Так, рукописи 978 и 1002 гг. написаны на коричневой и желтоватой плотной хрустящей бумаге с гладкой поверхностью. Это возрождение производства бумаги высокого качества, очевидно, происходит в связи с объединением страны. Графление в книгах большей частью грубоватое, бледное. Книги датированы девизом правления императора или одновременно девизом правления и знаками 60-летнего календарного цикла. В трех рукописях упомянуты дуньхуанские монастыри Саньцзе, Линту и Баоэнь. На документе 964 г. пять оттисков красной печати с изображением Будды.

Приведенная периодизация подтверждается данными публикаций рукописей других дуньхуанских собраний.

К. Б. Копинг

ТАНГУТСКИЙ ПЕРЕВОД УТРАЧЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛЭЙШУ

Среди хранящихся в ЛО ИВАН тангутских книг имеется ксилограф 叢 秘 ndie¹ mbo¹, который в тангутоведении традиционно переводится как "Лес категорий"¹. Этот ксилограф является переводом китайской энциклопедии типа лэйшу 類書 (энциклопедии сюжетов) - 類 林 лэй линь "Лес категорий" (далее "ЛК"). В настоящее время китайский оригинал "ЛК", по-видимому, утерян. В библиографических разделах династийных историй сохранилось название "Лэй линь", причем указывается несколько книг разных авторов. Это: 1) автор 裴 子 野 Пэй Цзы-е, три цзюани, династия Тан; 2) автор 于 立 政 Юй Ли-чжэн, десять цзюаней, династии Тан и Сун; 3) автор 焦 立 公 Цзяо Хун, восемь цзюаней, династия Мин².

Чжан Ди-хуа в своей работе "Классификация лэйшу" указывает самую позднюю книгу "ЛК" - № 3 (см. выше), однако сопровождает ее пометой 未 見 - не видел³.

Японский ученый Кавасагути Хисао 川口久雄 сообщил нам, что в одном из монастырей Японии обнаружено несколько разделов

(第 5 卷) "ЛК" на китайском языке (заметим, что в тангутском переводе сохранилось сорок разделов "ЛК")⁴. По его же мнению, два фрагмента дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН (ДХ-970 и ДХ-6116), описанные Л.Н.Меньшиковым⁵, являются также фрагментами китайского текста "ЛК". Предположение проф. Кавагути подтверждается текстом тангутского перевода "ЛК". В дуньхуанском фрагменте сохранился двадцать пятый раздел, называющийся "Воздаяние за милость". В тангутском переводе имеется раздел с таким же названием, однако его порядковый номер не 25, а 35. Дуньхуанский раздел включает в себя девять рассказов, а соответствующий тангутский - шестнадцать. Но все дуньхуанские рассказы (за исключением одного - о Хань Сине) вошли в тангутский перевод, причем здесь даже сохранен порядок, в котором излагаются истории. По-видимому, можно предположить, что дуньхуанский фрагмент является частью "ЛК" № I (автор Пэй Цзы-е, три цзюани).

Тангутский перевод "ЛК" состоит из десяти цзюаней (сохранились только цзюани с третьей по десятую), - возможно, он является переводом китайского текста № 2. Во всяком случае, количество цзюаней совпадает. Указания на автора в тангутском переводе нет.

Как и все лэйшу, "ЛК" является собранием рассказов, объединенных по темам в разделы (танг. 類 tin¹, кит. 第 5 卷 5 卷). Четыре-шесть разделов образуют цзюань: каждая цзюань сброшюрована в отдельную тетрадь.

Поскольку первая из сохранившихся цзюаней (третья) представляет собой ксилограф с дефектом, то удобнее начать описание с четвертой цзюани, сохранившейся полностью.

Четвертая цзюань "ЛК" (инв. № I25) представляет собой ксилограф, сброшюрованный "бабочкой" (бабочка 蝶 装). Размер листа 25,2 x 15,5 см, размер текста 18,2 x 12,1 см. Всего 35 листов (70 стр.), на каждой странице семь строк по 15 знаков. Бумага светло-серая, по-видимому, китайская. Сохранность ксилографа хорошая. В настоящее время ксилограф реставрируется.

В конце цзюани указано, что ксилограф отпечатан в 1181-1182 гг. в Ведомстве печати тангутского государства.

На сгибе каждого листа "бабочки", немного ниже верхнего поля, по-тангутски дается название книги 第 4 卷 ndie¹ mbo¹ и китайская цифра 四 sy "четыре" - порядковый номер цзюани.

Здесь же, немного ниже, написаны два, иногда три иероглифа, которые, вероятно, являются именами резчиков досок. В самом низу сгиба дается пагинация на китайском языке. Таким образом, в тангутском ксилографе и нумерация цзюаней, и пагинация — китайские.

Перевод тангутского текста "ЛК" представляет некоторые трудности, главная из которых связана с отождествлением тангутских транскрипций китайских имен с китайскими именами. Особенно трудно отождествлять имена в тех случаях, когда не указаны ни источник, откуда взят тот или иной эпизод, ни эпоха, в которую жил герой рассказа.

В четвертую цзюань входят разделы с 16 по 21:

16 раздел "Мудрые и хитроумные", 11 рассказов — 管仲 Гуань Чжун, 伍員 У Юань, 陽明 Си Пэн, 陳平 Чэнь Пин, 曹操 Цао Цао, 東方朔 Дунфан Шо, 楊修 Ян Сю, 登公王 Дэн гун ван, 簡雍 Цзянь Юн, 王戎 Ван Жун, 田單 Тянь Дань.

17 раздел "/Мудрые/ решения", 5 рассказов — 西吉 Бин Цзи, 黃霸 Хуан Ба, 張舉 Чжан Цзюй, {Фан Шао}, 苻姓 Фу Сюн.

18 раздел "Справедливые чиновники", 21 рассказ — 子產 Цзы-чань, 劉昆 Ло Кунь, 侯霸 Хоу Ба, 孟康 Мэн Кан, 胡威 Ху Вэй, 黃霸 Хуан Ба, 魯恭 Лу Гун, 龐參 Юн Янь, 劉寬 Ло Куань, 天隱之 У Инь-чжи, 謝安 Се Фан-мин, {Ян Дун}, {Тэн Шоу}, {Лю Яо}, 張堪 Чжан Кань, 廉范 Лян Фань, 皇甫嵩 Хуанфу Сун, {Пэй Шу}, {Лю Наво}, {Чу Яо}, {Хуан Цзюй}.

19 раздел "Жестокое чиновники", 7 рассказов — 嚴延年 Янь Янь-нянь, {Сюнь Минь}, {Лю Ин}, 王吉 Ван Цзи, {Сянь Ань}, 苟晞 Гоу Си, {Се Сунь}.

20 раздел "Мудрые и искусные", 10 рассказов — 張安世 Чжан Ань-ши, 王充 Ван Чун, 王固 Вань Гу, 蔡文姬 Цай Янь, 晉明帝 Цзиньский Мин ди, 龐參 Ин Фэн, 王粲 Ван Цань, 楊修 Ян Сю, {Хуань Юань}, 徐禰 Сюй Чжи.

21 раздел "/Народы/ всех стран", 11 рассказов — 東夷 восточные и (夫餘國 государство Фучуй, 馬韓 Махань, 辰韓 Чэнь-хань, 肅慎氏 род Сусэнь, 倭人 люди во, 韓離等十國 Вили и другие — всего десять государств), 西戎 западные хуны (龜茲國 государство Гуйцы, 大宛 Далань, 康居國 государство Канцзюй, 大秦國 государство Дацинь), 北狄 северные ди.

Все рассказы, за исключением входящих в 2I раздел, построены совершенно одинаково: сначала идет имя героя рассказа, указывается откуда он родом (ср. рассказы в дунхуанских фрагментах)⁵, затем излагается сам рассказ. В самом конце рассказа обычно указывается, откуда извлечен эпизод, послуживший основой для рассказа, например, "Хань шу", "Хань Фэй цзы" и т.д.

Тангутский текст "ЛК" представляет интерес, во-первых, как перевод утраченного китайского текста. Во-вторых, учитывая характер текста, можно предположить, что язык "ЛК" является более живым, чем язык уже исследованных переводов (китайская классика и "Сунь цзы"), что, вероятно, даст новые данные для изучения тангутской грамматики.

1) Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. М., 1963, 40.

2) См., например: 藝文志二十種綜合引得. Сер. 引得, 第十號. 北平, 1933, 第四冊, 272.

3) 張條華. 類書流別. 上海, 1958, 57.

4) Проф. Кавагути придает большое значение этой энциклопедии, считая ее одним из основных источников сюжетов как для китайской, так и для японской литературы. Статья проф. Кавагути, посвященная публикации и описанию фрагментов "ЛК", находится в печати.

5) Л.Н.Меньшиков. Фрагмент неизвестной лэйшу из Дунхуана. КСИНА, № 69. Описание рукописей и ксилографов Института народов Азии. М., 1965, 77.

6) Здесь и далее в фигурные скобки заключены не отождествленные имена. Известно, какие тангутские иероглифы передавали те или иные китайские фамилии. Например, иероглиф $\text{𐰚} \text{𐰆}$ мог быть транскрипцией фамилий 王 Ван или 陽 Ян. Если имя не отождествлено и соответствующие китайские иероглифы неизвестны, дается приблизительная русская транскрипция имени.

С.Г.Кляшторный

ТЕМИРСУГСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ

Летом 1970 г. один из отрядов Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР (начальник экспедиции - А.Д.Грач) вел работы на правом берегу р. Улут-Хем (Верхний Енисей), у юж-

ных склонов Уюкского хребта. В долине притока Улуг-Хема, р.Темир-Суг, примерно в 1,2 км от ее устья, расположен могильник из нескольких десятков курганов скифского и кыргызского времени. Среди них тувинским археологом А.И.Самбу была обнаружена стела (1,6 x 0,8 x 0,2) с небольшой рунической надписью и тамгой на одной из узких граней. Начало надписи, ее первая строка, состоит из 9 сравнительно крупных знаков, еще 49 знаков меньшего размера расположены в две строки.

Тамга

1)

Текст:

- (1) bǎg saɣun ǎr atɣm
- (2) saɣun tutuɣ bǎn
ury ŭčŭn bǎŋŭ tikǎ bǎrdim
- (3) kǒk tǎnridǎ kŭn aj azyɣm

Перевод: I(1) Мое геройское (мужское) имя Бег-сангун.

(2) Я. Сангун-тутук, для [своего] мужского потомства воздвиг (этот) памятник.

(3) Солнце и луну на голубом небе я не стал ощущать (т.е. умер).

Содержание надписи трафаретно, и она ничем не выделяется из круга енисейских надгробных памятников УШ-ХП вв. Почетное имя ее героя, состоящее из трех титулов, Бег-сангун-тутук, ранее в енисейской эпиграфике не встречалось, хотя каждый из этих титулов достаточно распространен.

Вопросы датировки памятников Енисея относятся к числу самых трудных, и новая находка не облегчает положение. В.В.Радлов и С.Е.Малов, не находя датирующих моментов в содержании надписей, основывали датировку на палеографических признаках и суммарно датировали этот тип рунического письма УП-УШ вв. или даже У-УІ вв. Но палеографическая датировка письма оказалась ненадежной; благодаря работам Л.Р.Кызласова (1960, 1965) для этой цели был применен археологический критерий. Основная масса памятников вполне основательно датирована Л.Р.Кызласовым УШ-ХП вв.; он же сделал попытку датировать и каждый памятник. В основу датировки Л.Р.Кызласов положил разработанную им типологию тамговых знаков, всегда сопутствовавших эпитафийным надписям.

Тамговые знаки зафиксированы прежде всего как родовые и племенные знаки собственности (ими клеймили скот). Затем они превращаются в родоплеменной символ. Обе эти функции тамга сохранила у тюркских и монгольских народов вплоть до недавнего времени. Однако, по мнению Л.Р.Кызласова, тамги енисейских памятников являются лично-семейными эмблемами крупных феодалов, наследственных владельцев шести феодальных уделов, на которые делилось государство древних кыргызов (по Кызласову — хакасов). При такой постановке проблемы, тамги, выстроенные в типологический ряд, позволяли определить приближенную дату каждого памятника. Естественно, вследствие личного характера каждой тамги, на погребальном памятнике она могла появиться только однажды, что и явилось условием существования всей типологии тамговых знаков по Л.Р.Кызласову.

Между тем, точно такая же тамга, как и на Темирсутском памятнике, ранее была зафиксирована самим Л.Р.Кызласовым на пятом Чаахольском памятнике, расположенном в непосредственной близости к Темир-Суугу и датируемом Л.Р.Кызласовым началом X в. Имя героя Чаахальского памятника — Тюз-бай Кюч-барс.

Таким образом, теперь зафиксированы два памятника, установленные в честь двух разных лиц примерно в одном районе и несущие одинаковую тамгу. Если это совпадение не получит какого-либо иного объяснения, следует вернуться к истолкованию тамг на енисейских памятниках как родоплеменных символов, а усложнение каждого прототипа объяснять естественной сегментацией родовых (большесемейных?) групп. Впрочем, темп такой сегментации может не намного отличаться от темпа смены поколений; тогда датировки памятников по Л.Р.Кызласову сохраняют свое значение. Изменится лишь представление о социально-политической специфике государства древних кыргызов. Вряд ли возможно выделять его из синхронического ряда древнетюркских государственных образований Центральной Азии по степени продвинутости в развитии феодального строя. Ранним формам феодальных отношений в Кыргызском государстве сопутствовала та же архаика родоплеменных связей внутри общества, что и у его соседей.

К.К.Курдюев

ОБ АВТОРСТВЕ И ЯЗЫКЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КНИГ КУРДОВ-ЕЗИДОВ
XI-XII в.

(Предварительное сообщение)

Науке известны две религиозные книги курдов-езидов. Это *Mesheff rez* "Черная книга" и *kitêbî cilwe* "Книга откровения". По мнению значительного большинства исследователей езидизма, эти сочинения написаны в XI-XII веке нашей эры. Что же касается авторства этих книг, то точки зрения исследователей езидизма расходятся. Спор идет о национальной принадлежности их авторов. С.Дамлоджи полагает, что их авторами могли быть либо православные христиане, либо мусульмане-еретики; Нури бек считает, что эти сочинения созданы несторианами. Европейские исследователи не высказывают сомнений в том, что авторами упомянутых книг являются курды. В своей кандидатской диссертации "Езидские тексты" О.Л.Вильчевский полагал, что эти две книги являются либо плодом труда еретиков, либо мистификацией ученого Анастаса Мари, опубликовавшего их в 1911 году в Вене (см. Архив АН СССР, фонд 77, опись 2, № 6). При этом ни один из исследователей езидизма не приводит ни одного серьезного довода в пользу того или иного предположения.

Мнение о том, что авторами названных книг были православные несториане или же мусульмане-еретики, не имеет под собою никаких серьезных оснований. Оно не может быть принято по следующим соображениям. Во-первых, не ясно, почему авторы не-курды писали езидские религиозные книги особым письмом, а не арабским, сирийским, или еврейским. Во-вторых, если эти езидские книги сочинены православными несторианами или же мусульманами-еретиками, то почему их писали на курдском языке. В-третьих, если бы езидские религиозные книги были написаны некурдами, то надо полагать, что как бы они хорошо ни знали курдский язык, в тексте обязательно обнаружилось бы какие-нибудь грамматические ошибки. Между тем наши наблюдения над текстами показывают, что в них нет ни одного случая, который показал бы, что они написаны не носителем курдского языка. Следует также сказать, что Битнер,

осуществивший французский перевод этих книг, Анастас Мари, написавший историю их находки и давший краткое их описание (см. "Antropos", том VI, Wien, 1911), а также другие европейские исследователи не сомневались в том, что они написаны курдами. Таким образом, мнение о том, что религиозные книги курдов-езидов написаны не-курдами, противоречит всей совокупности данных.

Из истории изучения этих езидских книг известно, что первоначально они были переведены на арабский язык, а затем с него начались переводы на английский, французский и другие языки. В нашем распоряжении имеются два варианта курдского текста этих книг. Это вариант, опубликованный Анастасом Мари (фотокопия текста, написанного особым алфавитом), и вариант, переведенный с арабского языка курдским ученым Шакром Фатахом на курдский язык в его книге "Езиды и их религия" (Сулеймани, 1969). Сравнение этих двух вариантов показывает, что местами они расходятся. Это, очевидно, объясняется либо не точным переводом курдского текста с арабского, или же тем, что, может быть, арабский перевод был сделан с какого-то другого курдского текста. Какой из этих двух вариантов является более ранним или же ближе стоящим к оригиналу, предстоит еще выяснить. Затруднение состоит далее в том, что ни в одном из этих двух вариантов не указан год их написания. Однако, поскольку текст Анастаса Мари написан особым алфавитом, отличным от арабского, сирийского и еврейского, постольку мы в праве считать его оригиналом или же одним из вариантов первоначального текста. Этот текст интересен еще и тем, что по нему можно установить диалектную принадлежность языка религиозных книг курдов-езидов.

Никто из исследователей езидизма не сомневается в том, что язык этих сочинений является курдским. Существовало предположение, о том, что они написаны на северном диалекте курдского языка курманджи. Основанием для этого служит, во-первых, то, что езиды говорят на курманджи, во-вторых, то, что эти книги по содержанию отражают религиозные воззрения современных езидов. Однако наши наблюдения над языком текста обеих книг, вариант, опубликованный в журнале "Antropos"), показывают, что они написаны не на курманджи, а на южном диалекте курдского языка - сорани. В них обнаруживаются характерные грамматические особенности, которые присущи диалекту сорани и отличают его от курманджи. В частности, в текстах выступают энклитические местоимения,

особый показатель определенности — еке, нейтральные падежные и изафетные формы $1/\hat{e}$, словом — все то, что отличает сорани от курманджи.

Интересно также отметить, что изданные Анастасом Мари тексты по содержанию совпадают с фольклорными религиозными текстами езидов на курманджи. В частности, по содержанию имеющиеся фольклорные езидские тексты "О сотворении мира" (их два варианта: один записан Лазо Казаряном, а другой мною) почти полностью совпадают с текстом "Черной книги". Если учесть этот момент, то мы должны предполагать, что религиозные воззрения езидов, их представление о сотворении мира, зафиксированные в "Черной книге" и в фольклорных текстах, имели широкое распространение среди соранцев, которые, вероятно, еще в XI—XII веке продолжали придерживаться верования своих древних предков. Иначе трудно объяснить причину отражения религиозных воззрений езидов в текстах книг, написанных на сорани.

Народное предание курдов связывает написание езидских религиозных книг с именем духовного главы езидов шейха Ади (умер в 1162 году н.э.), а курдская историческая традиция — с именем его племянника шейха Хасана (шейх Шамса) (см. Шахр Фатах, Езиды и их религия, стр. II—12). По сведениям арабских авторов шейх Ади бен Мусафр — выходец из района Меривана, т.е. из местности, населенной соранцами (Роже Леско, Езиды, стр.32—37). Если принять эти сведения во внимание, то станет ясным, почему религиозные книги курдов-езидов написаны на южном диалекте курдского языка сорани.

Н.Д.Миклухо=Маклай

О ПЕРСИДСКИХ ПЕРЕВОДАХ АБУ ИСХАКА ИБРАХИМА АД=ИСТАХРИ

В известном био=библиографическом своде персидской литературы Стори зарегистрировано четыре персидских перевода Масалик ад=Мамалик — знаменитого географического труда ад=Истахри (X в.). Самый распространенный из них в некоторых (правда, поздних) рукописях приписывается некоему Ибн Саваджи. Однако, как установил И.Афшар, Ибн Саваджи (он жил на рубеже XII—XIII вв.) был не переводчиком, а лишь переписчиком одной из рукописей этого перевода, сам же перевод, по мнению И.Афшара, был сделан много раньше — в XI—XII вв.

Два других персидских перевода труда ал=Истахри относятся к XIII в. Один из них был сделан в Средней Азии в первой половине XIII в. (переводчик — ‘Али б. Абу ас=Салам), другой, по=видимому, в Иране во второй половине XIII в. (переводчик — Мухаммад б. Ас‘ад б. ‘Абдаллах).

Четвертым персидским переводом труда ал=Истахри Стори считал перевод, представленный текстом Готской рукописи (описана в каталоге Перча). Имя переводчика и дата перевода в тексте этой рукописи отсутствуют. Текст вступления к сочинению в Готской рукописи значительно отличается от аналогичного текста в арабском оригинале и в упомянутых выше его персидских переводах. Текст рукописи не издан. Однако еще в 1818 г. Козегартен опубликовал отрывок текста Готской рукописи, содержащий начало вступления к сочинению, а также три отрывка текста из главы, посвященной описанию Фарса (Перса).

Много позднее де=Гуе в своем издании арабского оригинала труда ал=Истахри опубликовал в полном виде текст из Готской рукописи, содержащий вступление к сочинению. Кроме того, де=Гуе к своему изданию текста ал=Истахри дал разночтения по ряду рукописей и в том числе по Готской рукописи. В связи с этим в издании де=Гуе приведено значительное число отрывков текста из разных мест Готской рукописи.

Сравнение отрывков текста из Готской рукописи, опубликованных Козегартеном и де=Гуе, с текстом персидского перевода, приписываемого Ибн Саваджи (см. выше), с полной очевидностью свидетельствует, что здесь мы имеем дело с одним и тем же текстом, иначе говоря — с одним переводом. Оба текста (исключая только текст со вступлением к сочинению) совпадают или буквально, или почти буквально (см. Kosegarten . De Mohammede ebn Batuta.... Jena , 1818, стр. 30–31; ср. Масалик ва Мамалик, изд. И. Афшара, стр. 106, 120 и 121; см. Istakhri , BGA , I, стр. 5, 9, 10, 14, 19, 20, 24, 25, 26, 30 и др.; ср. Масалик ва Мамалик, изд. И. Афшара, стр. 10, 12, 16, 21, 23, 26, 27, 32, 33 и др.).

Из этого следует, что Готская рукопись содержит не особый, четвертый персидский перевод труда ал=Истахри, как полагал Стори, а лишь особую редакцию хорошо известного нам перевода, приписываемого Ибн Саваджи.

О принадлежности Готской рукописи к особой редакции этого перевода свидетельствует ее текст вступления к сочинению, отличный, как мы говорили выше, от обычного текста.

В связи со сказанным укажем еще на одно обстоятельство. Судя по известным мне рукописям перевода, приписываемого Ибн Савадхи, можно говорить о существовании по крайней мере трех редакций этого перевода. Первую редакцию представляет текст перевода, изданный И.Афшаром; вторую редакцию — текст одной Ташкентской рукописи перевода (СВР I, № 69I) и текст одной рукописи, использованной в издании И.Афшара (Масалик ва Мамалик, изд. И.Афшара, стр.3, примечание); наконец, третью редакцию представляет текст Готской рукописи, о которой здесь шла речь.

Все эти редакции различаются между собой по их тексту вступления к сочинению.

Какую из этих редакций следует признать старейшей, пока сказать трудно. Этот вопрос сможет решить только специальное исследование.

В.В.Полосин

ЭТНОНИМ "БУЛГАРЫ" В АРАБСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Сообщения арабских географов и историков о народах Европы поныне вызывают у исследователей много затруднений путаной этнонимической номенклатурой. Так, с булгарами в востоковедной литературе связывают несколько этнонимов, почерпнутых из арабских текстов (булғār, булкār, бурджāн, бургаз, бургар). При этом не все они признаются специалистами одинаково полноправными эквивалентами этнонима "булгары". Поэтому путанице в арабских источниках соответствует почти столь же неустойчивое наименование булгар в исследовательской литературе.

А.П.Ковалевский, например, отмечал следующие варианты этнонима "булгары" в арабских источниках: بلغار у Ибн Фадлāна (волжские булгары), بلكار у Ибн Русты (волжские булгары), برشتر у ал-Мас'ūdī (волжские и приазовские булгары), برجان у него же (дунайские булгары). Четыре приведенные формы отражают, по мнению А.П.Ковалевского, "разницу местных диалектов", причем диалектными признаками названы: чередование звонкого "г" с глухим "к" в формах "булғār" и "булкār"; перенесение ударения с последнего слога на первый и замена звуков "л" и "р" в племенном названии "булғār" соответственно на "р" и "з" в форме "бургаз"; конкретные диалектные признаки в форме "бурдж/г/āн" не указаны (I,34-35).

Такое толкование, выводящее из формы "булḡār" еще три диалектных варианта - "булḡār", "бурḡāz" и "бурдж/г/ān", представляется неубедительным.

Прежде всего из числа диалектных форм нужно исключить **برغزر** и параллельный ему этноним **بلغزر**, также встречающийся во многих рукописях. Эти две формы, подобно словам **الله** и **الرحمن**, орфография которых канонизирована правописанием коранического текста, отражают особенности ранней арабской палеографии, когда согласная буква алиф еще не употреблялась для передачи долгого "а". В подтверждение этого можно сослаться на этноним "абхазы", также встречающийся в арабских источниках в палеографических разновидностях: **أبخزر** (П, 895-896) и **أبخاز** (Ш, 157, 184).

Таким образом, мы имеем четыре написания: "булḡār", "булḡār", "бурḡāz" (вместо архив. **برغزر**) и "бурḡān", в которых место третьей согласной занимают три разные буквы арабского алфавита. Особенность этих букв заключается в том, что все три могут быть использованы для передачи звука "г". При этом **غ** передает (как правило, но не всегда) арабский гортанный звук "г", а **ك** и **ج** нередко употребляются для передачи иноязычного "г" в словах, заимствованных из других языков. Такая практика свойственна современному арабскому языку, знакома она и древним арабским авторам (ср. **انكلترة** "Англия" у ал-Калкашанди, **جیلان** "Гилян" у ал-Мас'ūdī, **جرجان** "Гурган" у него же, **غرناطة** "Гранада" у ал-Мукаддаси и т.д.). Возможно, что выбор той или иной буквы арабского алфавита для передачи иноязычного "г" зависел от разных факторов (напр., употребление **ك** более естественно для писателей или переписчиков-персов, а **ج** - для арабов, и т.п.).

В согласии с отмеченной взаимозаменяемостью букв **ك - غ** находится рукописная практика: **بلغزر = بلغار = بلکار = بلغسر** (**برغاز = ?**); **برغزر = برغادما** (**برغاز = ?**); **برجاس** (**برجاز = ?**).

При таком положении достаточно было двум авторам или даже двум переписчикам выбрать разные буквы для передачи звука "г" в одном и том же иноязычном этнониме, чтобы через некоторое время обе формы могли начать самостоятельное существование, т.е. воспринимались бы как наименования двух разных народов. Такую недобрую "шутку", как показал Маркварт (IV, 66), сыграла орфография с этнонимом "башкиры" в арабских источниках. Хорошее

правило сверять вновь изготовленные копии сочинений с другими списками, предохранявшее нередко арабские рукописи от появления грубых искажений, в данном случае – при сверке иноязычных этнических названий – могло скорее повредить тексту и вызвать недопонимания. Так случилось, например, с автором "Фихриста" Ибн ан-Надймом, который в перечень тюркских народов включил как две самостоятельные единицы بلغر и بلغار (У,20)! Какая же судьба могла ожидать этнонимы с большими палеографическими различиями?

Если палеографический анализ продолжить дальше, то естественно предположить, что برجان есть ни что иное как برجار, т.е. برغار или даже برجاز т.е. برغاز, ибо ن и ز старых рукописей можно различать скорее по смыслу слова в контексте, чем по форме написания (см. подробно I,53 примеч. I9,63,64). Сведения же о бурджанах чрезвычайно стары и были записаны по крайней мере уже Хишамом ибн ал-Калби.

Чтение "бурджар" подкрепляется некоторой рукописной традицией, в том числе и европейскими источниками, именовавшими царство дунайских булгар Бургарией. Однако есть основания отложить рассмотрение варианта с чтением "бурджар", разработка которого не обещает особых трудностей, до всестороннего рассмотрения варианта с чтением "бургаз". Главные из этих оснований следующие: 1) название тюркского народа "бургаз" упоминается в "Фихристе" (список с автографа!) Ибн ан-Надйма (X в.); 2) ряд арабских рукописей помещает на территории расселения дунайских булгар народность, называемую бургазами; 3) на этой же территории поныне существует город с названием Бургас; 4) племенное название "буркас" (неогузского происхождения) сохранилось среди туркмен.

Если наше предположение верно, то ошибка переписчика не только вызвала к жизни (на несколько сотен лет!) никогда не существовавший народ "бурджан", но и способствовала косвенно тому, что реально существовавших бургазов принимали за вымысел переписчиков.

Таким образом, установление орфографических (а не диалектных) различий оставляет нам для дальнейшего рассмотрения только два этнонима "булджар" и "бургаз". В них уже можно видеть реальные следы двух различных диалектов. Этнонимом, из которого развились обе диалектные формы, следует считать название кочевого народа бургар, упомянутого в церковной истории Захарии Ритора (ок.555 г.). Бургары населяли прикаспийские области Кавказа.

Привлечение сообщения Захарии Ритора дает ключ к пониманию этногенеза волжских и дунайских булгар и облегчает лингвистическую трактовку вариантов этнонима "булгары" (замена "р" на "л" в одном случае и "р" на "з", в другом, легко объясняется исторической фонетикой тюркских языков и может быть подтверждена примерами). С другой стороны, следует отметить, что если *برجان* = *برغان* и если *بلغار* = *بنجر*, а гидроним Булгару-чай (в Азербайджане) связан с этнонимом "булгары", то первые упоминания бургазов и булгар в арабских источниках привязываются именно к району расселения бургаров у Захарии Ритора. Этим еще раз подкрепляется мысль о происхождении булгар и бургазов из бургаров, а также устанавливается район, из которого началось движение этих племен на север и запад. Булгары позже основали государство Волжских булгар, а бургазы дошли до Дуная, где создали государство Дунайских булгар, постепенно растворившись в местном населении. Память о бургазах сохранилась в топонимии и гидронимии Болгарии (г.Бургас и Бургасский залив).

I. Ковалевский А.П. Чувши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.

II. *Annales quos scripsit Abu Djarfar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M.J.de Goeje, Prima series. Lugduni Batavorum, 1879-1890.*

III. *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi... /ed. M.J.de Goeje/. Lugduni Batavorum, 1894, (BGA, VII).*

IV. Marquart J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.*

V. *Kitab al-fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von G.Flügel..., Bd. I. Leipzig, 1871.*

М.Б.Руденко

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ РУКОПИСИ ПЕРСИДСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ
ВЕРСИИ "БАХТИАР-НАМЕ"
(Рукопись ИВАН'а , В I277)

В 1918 году в Азиатский музей поступили персидские рукописи с Кавказского фронта. Одна из них (рукопись ИВАН'а, шифр В I277)^I наряду с другими сочинениями содержала неизвестную

исследователям персидскую поэтическую версию "Бахтиар-наме"², впоследствии описанную крупнейшим советским востоковедом Е.Э.Бертельсом³. В сочинении, как отмечает Е.Э.Бертельс, в главе *سبب نظم کتاب* имеется лакуна в 100 байтов, в которых, по-видимому, содержались некоторые сведения об авторе поэмы - Панахи.

Е.Э.Бертельс устанавливает, что рукопись принадлежала правителю Азербайджана - Джиан-шаху Кара-коюндю (1437-1467) и что в лексике поэмы "Бахтиар-наме" встречаются туркизмы (*یرغو*, *اوتاق*)⁴. Говоря о языке сочинения, Е.Э.Бертельс отмечает интересную особенность орфографии поэмы "Бахтиар-наме" - систематически выписанные изафеты, после конечного согласного через "ی", что, как тут же указывает Е.Э.Бертельс, не наблюдается в рукописях азербайджанского происхождения⁵. самого поэта - Панахи Е.Э.Бертельс склонен считать турецким⁶.

Благодаря рукописи В 1277 впервые удалось установить факт существования поэтической персидской версии "Бахтиар-наме". Между тем, в Отделе рукописей ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Шедрина в коллекции А.Хаба уже с 1868 года хранится другой более полный список этого сочинения, обнаруженный нами при работе над описанием курдских рукописей⁷. Сочинение это, озаглавленное "*هنا کتاب بختیار*", переплетено вместе с поэмой выдающегося курдского поэта ХУП века - Ахмеда Хани - "Мам и Зин". В тексте поэмы на полях и между строк выписаны в ряде случаев курдские переводы отдельных персидских и арабских слов.

При работе над критическим текстом одной из глав поэмы "Бахтиар-наме", по обоим рукописям, мое внимание привлекли следующие моменты, отмеченные мной в рукописи ИВАН⁸а, В 1277:

- 1) систематически выписанные изафеты после конечного согласного через "ی";
- 2) частые случаи нарушения размера;
- 3) необычное для персидской орфографии написание: *کوشتن* вместо *کشتن* (в значении "убивать");
- 4) употребление слов в этом значении, в котором они не известны в персидском, но засвидетельствованы в курдском: *پُر* в значении "очень"; *تاوان* - в значении "вина".

Все отмеченные явления представляют норму для курдских рукописей, в которых непременно выписываются изафеты, *کشتن* пишется через "و", а размер постоянно нарушается, так как

метрика курдского стиха, основанного на силлабо-тонике, не укладывается в рамки аруза, основанного на чередовании долгих и кратких слогов.

Обращают на себя внимание и некоторые общие моменты для обеих рукописей; и та и другая представляют конвалют, и обе содержат, наряду с другими, произведения курдских поэтов - в рукописи В I277 на л. I44а есть переписанное той же рукой, что и "Бахтиар-наме" стихотворение Ахмеда Хани, (از بومه درى)⁸, не отмеченное Е.Э.Бертельсом. Все это позволяет высказать предположение о том, что рукопись В I277 тоже курдского происхождения (курдское происхождение рукописи из коллекции А.Жаба сомнения не вызывает).

Что же касается принадлежности ее Джихан-шаху, то это несколько не противоречит ее курдскому происхождению, т.к. Джихан-шах правил не только Азербайджаном, но и Диярбекиром - районом, густо заселенным курдами. Кроме того, следует учитывать, что рукопись переписана в Амадии - центре Курдистана.

1) А.А.Ромаскевич, Персидские рукописи, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии наук с Кавказского фронта Известия Российской Академии наук, 1918, стр. 394.

2) До 20-ых годов нашего столетия была известна лишь прозаическая версия "Бахтиар-наме", дошедшая до нас и в литературной, и в лубочной обработке, см. Th. Noeldeke, Über die Texte des Buches von den Zehn Veziren... , ZDMG , 45, pp. 97-143; Е.Э.Бертельс, Бахтиар-наме, Л., 1926; А.А.Гвахария, О поэтической версии "Бахтиар-наме", Труды Тбилисского Государственного Университета, 91, 1960, стр. 125-131.

3) Е.Э.Бертельс, Новая версия "Бахтиар-наме". Известия АН СССР, 1929, стр. 249-276.

4) Там же, стр. 256.

5) Там же, стр. 255.

6) Там же, стр. 251.

7) М.Б.Руденко, Коллекция А.Д.Жаба (Курдские рукописи), Труды Государств. Публичной Библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, т.П (У). Л., 1957, стр. 169 ; А.А.Гвахария, О поэтической версии, стр. 125-126; М.Б.Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний, М.-Л., 1961, ИВЛ, стр.45.

8) М.Б.Руденко, Описание.... стр. 91, № 14.

О ТИБЕТСКОМ ЭКВИВАLENTE ТЕРМИНА "VAIBHĀṢIKA"

0.1. Сравнительный анализ санскритского и тибетского текстов Абхидхармакошабхашьи Васубандху (5 в. н.э.) представляет исключительный интерес, поскольку он дает возможность не только определить ряды терминологических соответствий, но и установить принципы перевода самого поливалентного технического инструментария Абхадхармы.

0.2. Разработка методики интерпретации абхидхармических текстов имеет самостоятельное значение и предполагает предварительную "жесткую" коллокацию соответствующих контекстуальных блоков, представляющих семантическое поле данного технического термина или системы терминов.

0.3. Под техническим термином мы имеем в виду термин, который специализируется по значению в системе, устанавливаемой *śāstrakāra* (автором шастры) для описания определенной области объекта. Функциональное значение термина в этом случае отождествляется формально, через набор структур, образующих избранную систему. Вопрос о том, передает ли тибетский термин техническое значение своего санскритского эквивалента, зависит от двух условий: 1) представляет ли перевод ту же самую формальную систему, что и оригинал, и 2) понимает ли тибетский абхидхармист заданные структуры, образующие данную систему. Если перевод удовлетворяет этим двум условиям, то техническое значение термина передано адекватно, и что бы этот термин ни означал на другом семантическом (внеабхидхармическом) уровне, для данного блока (набора блоков) это не представляется релевантным.

0.3.1. В некоторых случаях, однако, оказывается, что тибетский перевод технического термина несет на себе еще и дополнительную функциональную нагрузку, которая, как правило, "снята" в его санскритском оригинале. Примером может служить тибетский перевод термина *Vaibhāṣika* -*bye-brag-tu smra-ba*, связанный на метафизическом уровне с другим санскритским термином - *Vibhajyavāda*.

I.0. Проблема *Vibhajyavāda* - одна из наиболее сложных и неразработанных в истории образования и филиации философских

систем и школ Хинаяны. Так, до сих пор не представляется возможным определить, является ли Vibhajjavāda общим названием всех школ Хинаяны, (как это можно было бы предположить на основании некоторых палийских текстов: Atthasālinī, Mahāvamsa и др.) или это название определенной группы школ, или даже отдельной школы.

I.O.I. Mahāvibhāṣā, Большой комментарий на санскритскую Абхидхарму, написанный во 2-м в. н.э., противопоставляет Vibhajjavāda "истинное учение" (yuktavāda) Вайбхашиков, что явно свидетельствует о том, что в ранней санскритской традиции термин Vibhajjavāda понимался не как "учение, проводящее различие / между sāsata и uccheda, т.е. вечностью и уничтожением /", "аналитическое учение", а как "учение, отличающееся / от истинного /".

I.O.2. Однако более поздние источники, сохранившиеся в тибетских переводах, в частности работы Бхавьи (7 в.) и Винятэвы (8 в.) о филиации школ Хинаяны (bstan-'gyur, Mdo, т. 90, I2, I3), связывают Vibhajjavāda с системой панреализма Вайбхашики (Сарвастивады), что находит подтверждение и в тибетском переводе Абхидхармакошабхашы (bstan-'gyur, Mdo, т.т. 63-64; B.B. т.20, вып. I,2).

I.I. Семантика набора bye-brag-tu smra-ba = Vaibhāṣika (B.B. т.20. I, стр. 35,79) обнаруживает определенную двусмысленность, благодаря которой этот тибетский технический термин репрезентирует неявную связь, раскрываемую в санскритской Абхидхарме только на метафизическом (внесемантическом) уровне.

I.2. Тиб. bye-brag = khyad-par, что соответствует санскр. viśeṣa, различие, особенность. Отсюда Vaiśeṣika, название одной из систем классической индийской философии, передается тиб. bye-brag-pa (B.B. т.20, 2, стр. I7I), и поэтому буддийские лексикографы постоянно подчеркивают, что "это - чужое философское учение (phyi rol-pa'i grub-mtha'. Дхармакирти, стр. 284) и его нельзя смешивать с bye-brag-tu smra-ba, одним из истинных (т.е. буддийских) учений".

I.3. Но bye-brag также = phye-ste (от гл. 'byed-pa, разделять), соответствующее санскр. vibhajya, разделение, различение. Отсюда bye-brag-tu smra-ba = rnam-par phye-ste smra-ba (bstan-'gyur, т.63, fol.280b.), что и является тибетским переводом санскр. технического термина Vibhajjavāda (АКВ. V,24, стр. 296).

1.3.1. Неявная (семантически) связь первого значения со значением *Viḥvāṣā* (комментария в специфически-буддийском смысле) проявляется при анализе другого набора с *bye-brag* : *rtogs-par byed-ra* = санскр. *vyutpāda* или *vyutpatti*, "исследование происхождения (значения)".

2.0. Таким образом, хотя термин *bye-brag-tu amra-ba* передает, прежде всего, значение своего санскр. оригинала *Vaibhāṣiṇa*, он несет еще и дополнительную функциональную нагрузку, которая может стать основной при интерпретации отдельных текстовых блоков (напр., АКВ, У, 24-26; *batan* - 'gyur.т. 63, fol. 279 б - 284 б).

В.И.Рудой

К ВОПРОСУ ОБ "АБХИДХАРМИКЕ" В БРАХМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

0.1. Изучение таких позднебрахманских источников, как "Шаддаршана-самуччая" (Обзор 6-ти систем) Харибхадрасури, "Сарва-даршана-санграха" (Компендиум всех систем) Мадхавачарьи (14 в.) и др., имеет определенное значение для выяснения того места, которое занимала Абхидхармика в ортодоксальной историографии индийской философской традиции.

0.2. Под Абхидхармикой в широком смысле мы понимаем две философские системы Хиняны: Вайбхашику и Саутрантику, сложившиеся на основе санскритской Абхидхармы и комплекса текстов, группирующегося вокруг нее.

0.3. Весьма показателен тот факт, что позднебрахманская традиция обнаруживает вполне удовлетворительное знакомство с Мадхьямикой и Виджнянавадой, основными философскими системами Махаяны, тогда как теория Абхидхармиков деформируется и либо сближается с некоторыми концепциями эпистемологической школы Дигнаги-Дхармакирти, либо интерпретируется в духе Нъяя-Вайшешики.

1.0. Согласно большинству брахманских текстов, онтология Абхидхармики является реалистической, т.е. обе школы признают существование внешних объектов, независимых от сознания, и различаются между собой только в теоретико-познавательном плане.

1.0.1. Вайбхашика считает, что внешние объекты "даны" непосредственно в чувственном восприятии, тогда как согласно Саутрантике мы воспринимаем наши собственные идеи, имеющие форму объекта (*sākārajñāna*), но поскольку разнообразие форм наших идей может быть обусловлено лишь существующими вне нас объектами, то внешний мир обладает бытием, независимым от нашего сознания. Как говорит Мадхавачарья, "взаимодействие объекта и органа чувства порождает /состояние/ сознания, которое получает форму объекта (*svakārgāvamānaka* , т.е. образ). На основании этого образа сознание делает вывод (*anumeyatorapattēh*) о существовании объекта" (Сарва-даршана-санграха. Калькутта, 1872, стр.22).

1.1. Эту концепцию Саутрантики (*bāhyārthānumeyavāda*) можно условно назвать репрезентативным реализмом в противоположность *bāhyārthaprameyavāda* - презентативному реализму Вайбхашики, если не продолжать эти терминологические параллели слишком далеко.

1.2. Хотя теория Абхидхармики Мадхавачарьи не находит подтверждения в буддийских источниках, она не может быть просто отвергнута, т.к. если некоторая теория является ошибочной, то у этой ошибочности должно быть свое основание.

1.3. Нам представляется, что такая позднебрахманская интерпретация Абхидхармики основывается на непонимании ее центральной концепции, *Sarvāstivāda* , т.е. учения о том, что "все существует". В этой формуле под термином "все" (*sarva*) имеются в виду не эмпирические объекты внешнего мира, а дхармы, мгновенные или длящиеся очень короткий промежуток времени элементы-субстанции, из которых складывается весь поток как объективного, так и субъективного бытия.

2.0. Не умея последовательно разрешить проблему общего и единичного, Вайбхашики полагали, что любой форме субъективного бытия, напр., понятию или категории, с необходимостью должен соответствовать коррелят в объективной действительности, и в этом смысле "все" для них существует реально (*dravyasat*) и тем самым, дано в непосредственном восприятии.

2.1. Согласно Саутрантике, ряд форм бытия есть лишь "название" (*prāṇāptisat*), "имя", которым в объективной реальности ничто не соответствует, они суть концепты и, как таковые, могут быть постигнуты лишь разумом (*manovijñāna*).

2.2. Отсюда вытекает, что буддийские школы Вайбхашика и Саутрантика различаются не как презентативизм и репрезентативизм, а как реализм и номинализм в пределах одной и той же системы гипотетического дуализма, гипотетического потому, что Абхидхармика признает два вида реальности, объективной и субъективной, не ставя вопроса об их соотношении.

Э.Н.Темкин

БХАМАХА И ЕГО ТРАКТАТ О ПОЭЗИИ

I Начало теоретического осмысления поэтической практики в Индии теряется в первых веках нашей эры. От этого начального периода до нас дошли только имена некоторых авторов и немногочисленные цитаты из утраченных сочинений.

По мнению большинства исследователей самым ранним из дошедших до нас сочинений по теории литературы считается трактат Бхамахи "Kāvyālaṃkāra". Однако относительно датировки этого сочинения мнения исследователей значительно расходятся. И если Уордер относит Бхамаху к 3-5 вв., то Кане не сомневается, что Бхамаха жил и писал не ранее 8 в.¹

Наиболее надежные результаты по установлению верхней границы жизни Бхамахи получил Д.Туччи. Он убедительно показал на материале пятой главы трактата, что Бхамаха жил до Дхармакирти². Нам представляется, однако, что материал трактата еще далеко не исчерпан. Он содержит свидетельства, которые позволяют идти дальше и предположить, что Бхамаха был современником Дигнаги.

II Сочинение Бхамахи, несомненно, относится к тому раннему периоду развития теории литературы, в котором стилистический прием рассматривается как главный объект изучения. Большинство исследователей считает, что для Бхамахи главное в поэзии - это словесное украшение (alaṃkāra), что для него поэтический текст прежде всего и главным образом характерен своей "украшенностью".

Однако, если рассматривать учение Бхамахи об аламкаре в общем контексте его трактата, нетрудно убедиться в справедливости наблюдения В.Рагхавана, писавшего о том, что у Бхамахи мы можем обнаружить истоки учения о поэтическом высказывании (ukti)³. Главы трактата, в которых рассматриваются "украшения" и погрешности художественного текста, дают основание считать,

что для Бхамахи аламкара – это не только прием, но и особый вид высказывания, в основе которого лежит особое, присущее поэту, восприятие и видение объекта. Секрет художественного для Бхамахи – в особых свойствах поэтического высказывания, которое он рассматривал в тесной связи с общим смыслом и содержанием художественного текста.

III Исследователи отмечали, что трактат Бхамахи несет на себе следы несомненного влияния логиков и грамматиков. Пятая и шестая главы трактата, посвященные в сущности, роли и значению логически и грамматически правильного высказывания в произведении словесного искусства, подтверждают указанные наблюдения. Вместе с тем эти наблюдения сами по себе еще не дают точного ответа на безразличный для истории литературной критики вопрос о том, какого рода философские концепции легли в основу самого раннего памятника по теории литературы в Индии. Выяснение этого вопроса было бы важно и для объективной оценки роли и значения научного творчества Бхамахи в развитии науки в художественной литературе.

В исследованиях, посвященных Бхамахе и его сочинению немало места отведено спорам о том, к какой религиозной общине он принадлежал, и почему-то странным образом в тени оставался вопрос о характере его мировоззрения. Более того, в работах о Бхамахе можно встретить утверждения, что Бхамаха был безразличен к вопросам мировосприятия⁴. И хотя сведения о жизни и личности Бхамахи отсутствуют, а в трактате нет никаких прямых свидетельств о философских взглядах Бхамахи, тем не менее его сочинение дает основание утверждать, что Бхамаха не только не был равнодушен к мировоззренческим проблемам, но, напротив, последовательно разделял и защищал позиции признания объективной реальности и ее познаваемости.

1) A.Warder, the date of Bhāmaha, the Journal of Oriental Research, Madras, vol. 26, p.106; P.V. Kane, History of Sanskrit poetries, Delhi, 1961, p. 128.

2) G.Tucci, Bhāmaha and Dinnāga, the Indian Antiquary, 1930, p.145.

3) V.Raghavan, Bhoja's śṛṅgāra prakāśa, Madras, 1963, p.107.

4) A.Warder, цит. соч., p.96.

МЕСТО ЖИТИЯ МИЛЕСА В СБОРНИКЕ МАРУТЫ МАЙФЕРКАТСКОГО

Сборник Маруты Майферкатского (IV–V вв.) является одним из первых произведений сирийской литературы¹. Он содержит жизнеописания простых людей – ремесленников, дворцовых чиновников, священников, которые стали жертвами "великих" гонений на персидских христиан в IV веке и тем самым приобретает значение редкого и очень ценного источника по истории Сасанидского Ирана. Он освещает некоторые стороны политических взаимоотношений Ирана и Константинополя, указывает на важные тенденции социально-экономической и идеологической жизни Ирана, сообщает ценные сведения о нормах уголовного права, о порядке судопроизводства, об административной структуре сасанидского государства. Кроме того, сборник имеет также важное значение с точки зрения изучения классического периода сирийского литературного языка.

Однако сочинение Маруты Майферкатского до сих пор по настоящему не исследовано ни в текстологическом, ни в филологическом, ни в историческом аспектах. Работы Р.Доваля, И.Лабура, Н.Пигулевской, Г.Виснера затрагивают только частные вопросы. Между тем сборник Маруты Майферкатского нуждается в детальном филологическом анализе, без которого содержащиеся в нем исторические сведения не могут быть использованы в достаточной степени. Для подтверждения достоверности этих исторических сведений необходимо решить важные филологические вопросы, связанные с проблемами авторства, датировки и определения составных частей сборника. При рассмотрении этих проблем ценный материал предоставляет житие Милеса, которое занимает особое место в сборнике, отличаясь от других частей по жанру, стилю и содержанию². С учетом этих отличий легко устанавливается, что труд Маруты Майферкатского – традиционный сборник, составленный из многих источников, исходящих от разных авторов. Действительно:

а) Житие Милеса начинается своеобразным предисловием, которое свидетельствует о том, что оно является самостоятельным сочинением; другие разделы сборника за редкими исключениями не имеют предисловия. Предисловие жития Милеса представляет собой похвальную речь, посвященную святым мученикам, в которой автор

возвеличивает своих героев и жалуется на то, что не в состоянии по достоинству описать их доблести. Из содержания предисловия выясняется, что оно относится не к одному святому, а к целой группе. Таким образом, в сборнике, наряду с циклами мученичества Симеона Бар-Саббаэ и адиабенских мучеников, выделяется и цикл Милеса, который содержит: предисловие, житие Милеса, мученичество Баршеби³ и мученичество Даниила и Варды⁴. Последние два мученичества связаны с житием Милеса только следующими хронологическими ссылками: "И в это время, когда был увенчан Милес, жил в Персии главный монах по имени Баршебия"⁵; "через два года после убийства блаженного Милеса были схвачены Даниил священник и Варда монахиня"⁶.

б) Рассказ о Милесе является житием и не соответствует жанровым особенностям сборника, в который включены только мученичества. Разница между этими жанрами очень четко выражена в нашем сборнике. В мученичествах, как правило, рассказ начинается с момента возникновения конфликта между мучеником и мучителями. При этом, обычно не дается никаких биографических сведений о мученике. Житие – это биография, которая отражает основные факты жизни героя, обогащая их свойственными жанру необходимыми подробностями. Таковы, например, жития Ефрема Сирина, Иакова Нисибийского, Раввулы, Маштоца и др. Житие Милеса в этом отношении ничем не отличается от них. Авторы житий часто связывают своих героев со знаменитыми личностями времени. Так, например, Ефрем встречается с Василием Великим и Иаковом Нисибийским, Мар-Евгений – с Милесом и Иаковом Нисибийским, Маштоц – с Акакием и Раввузой. В этом литературном средстве можно усмотреть влияние евангелий и апокрифических христианских произведений, в которых постоянно подчеркивается связь между миссионерами и учениками Христа. Эта особенность свойственна и житию Милеса. Последний общается с Аммонием, учеником знаменитого пустынноика Антония, и с Иаковом Нисибийским. В мученичествах же подобное обстоятельство отсутствует.

в) Мученичества сборника содержат реалистический рассказ о мучениках, а житие Милеса насыщено всякими чудесами, при полной достоверности фактической стороны изложения. В остальных частях сборника нет ни одного описания чуда, тогда как в житии Милеса их более десяти. Так, Милес проклятием разрушает город, разрывает дракона, вызывает паралич, на расстоянии исцеляет

больных, молитвой изгоняет демона и т.д. Описания чудес опять-таки диктуются требованиями жанра, потому что обычно герою жития приписывается проповедническая, апостольская деятельность, а это само по себе предполагает чудесные деяния для убеждения язычников в правильности и всемогуществе христианского учения⁷. Изобилие чудес в данном случае обусловлено по-видимому не только спецификой жанра, но и личными литературными вкусами автора. Трудно допустить, что правдивые описания мученичеств Симеона Бар-Саббаэ, Густазада, Поси, Тарбо, Теклы и фантастический рассказ о Милесе принадлежат одному и тому же автору.

Для датировки жития Милеса следует вновь обратиться к жанровым отличиям жития и мученичества. Автором жития обычно является современник, часто ученик героя, а мученичества могут создаваться позже, на основе устных преданий, потому что для них не важны точность и последовательность описываемых событий. По-видимому, житие Милеса тоже создано современником, в середине IV века, сразу после смерти Милеса (341 г.), так как есть основания думать, что оно является источником жития Мар-Евгения, составленного его учеником во второй половине IV века⁸. В начале V века житие Милеса оказалось в составе сборника Маруты Майферкатского, поскольку Милес, как и прочие герои сборника, стал жертвой "великих" гонений на персидских христиан.

I) Assemani Ev., *Acta sanctorum martyrum orientalium et occidentalium*, Romae, 1748, I, pp.1-210, (=ASM); Bedjan P., *Acta martyrum et sanctorum*, t.2, Paris, 1891, pp.57-396, (=AMS).

2) ASM, pp.60-80; AMS, pp.260-275.

3) ASM, pp.93-95; AMS, pp.281-284.

4) ASM, pp.103-104; AMS, p.290.

5) AMS, p.281.

6) AMS, p.290.

7) Cp. Марк, XVI, 17-18.

8) Bedjan P., *Acta mart. et sanct.*, t.3, Paris, 1892, pp. 376-481.

К ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА ОДНОЙ АРАБСКОЙ РУКОПИСИ XII ВЕКА

Рукопись С 2387 поступила в Институт востоковедения АН СССР в 1939 г. от С.А.Алимова из Астрахани. Первое печатное упоминание о ней принадлежит В.И.Беляеву¹, который отметил, что эта дефектная анонимная рукопись представляет выдающийся интерес и является биографическим словарем хорезмского происхождения XII в.; что она относится ко времени жизни автора, если не является его автографом. Им было установлено также, что автор сочинения был младшим современником аз-Замахшарī (ум. 538/II44 г.), жителем Хорезма и приверженцем му'тазилитства. Материалы этой рукописи, относящиеся к биографии аз-Замахшарī, были использованы Б.З.Халидовым².

Детальное исследование рукописи позволяет дополнить и уточнить ее характеристику, раскрыть ее анонимность. Она не имеет начала и конца, в четырех местах прерывается лакунами; насчитывает 193 листа большого формата, содержит 277 биографических статей, главным образом о передатчиках хадисов, аскетях и ученых. Из 29 глав словаря сохранились последние 10 глав, т.е. около одной трети. Следовательно, сочинение в полном виде могло занимать до 600 листов и включать примерно 800-900 биографий.

В словаре были обнаружены также материалы, касающиеся автора, который довольно часто говорит от I-го лица, ссылается на свои собственные "записи", "извлечения", "сборники /стихов/", книги по мусульманскому преданию. Он сообщает, что знаменитый аз-Замахшарī в свое время "учился немного адабу" у его деда по матери; в свою очередь наш автор в 533/II38-39 г. явился к аз-Замахшарī, намереваясь стать его учеником, но какие-то обстоятельства этому помешали.

Мы узнаем также, что учиться нашему автору довелось в Хамдане и Хорезме (т.е. Гургандже). В 545/II50-51 г. он совершил паломничество в Мекку и Медину, а по пути побывал в Рее, Багдаде и Асадабаде. Он всюду усердно собирал хадисы и изучал традиционные мусульманские науки; придерживался, судя по содержанию ряда биографий, ханифитского мазхаба и му'тазилитских воззрений.

Большую часть своей жизни автор, очевидно, провел на родине, знал хорезмийский язык, тесно общался с учениками аз-Замахшарӣ, занимавшими видное положение в обществе. Он состоял в переписке с ас-Сам'анӣ и пользовался полученной от него информацией. Свой биографический словарь он составил (по примеру ас-Сам'анӣ?) после 568/II72 г.³, т.е. в конце XI/XII в., уже написав ранее по меньшей мере 6 сочинений. По-видимому, перед нами автограф, так как исправления текста производят впечатление авторской правки.

Узнав сравнительно много о жизни и трудах этого человека, мы остаемся в неведении относительно его имени из-за дефектности рукописи. Однако сопоставление этих сведений с данными справочников позволяет установить и его имя. У К.Брокельмана зафиксирован традиционалист XI/XII в. Абӯ-л-Карам 'Абд ас-Салām б. Мухаммад б. ал-Хасан б. 'Али ал-Хиджӣ ал-Х'аризмӣ ал-Андарасфāнӣ⁴. Судя по этому имени, его обладатель, подобно автору нашего биографического словаря, был хорезмийцем и совершил хадж. Ему принадлежат два сочинения по мусульманскому преданию. Одно из них дошло до наших дней (рукописи находятся в Мосуле и Принстоне); год его написания (564/II69 г.) позволил ученым впервые датировать время жизни автора. Другое сохранилось лишь в рукописи персидского перевода XV в.⁵; для нас оно важно тем, что носит название ал-Мустаксā, в точности совпадающее с названием одного из цитируемых в нашей рукописи сочинений автора. Возникает предположение, что 'Абд ас-Салām б. Мухаммад ал-Андарасфāнӣ и есть автор рассматриваемого биографического словаря.

Это предположение переходит в уверенность в свете еще одного свидетельства рукописи. Ч.Стори в особом примечании поясняет, что нисба ал-Андарасфāнӣ возникла как искажение от названия селения Андарастāн, расположенного в 1 дне пути от Гурганджа и упомянутого у ал-Истахрӣ. А наш автор рассказывает, что юный аз-Замахшарӣ "написал моему деду письмо... с извинением за то, что не пришел из Замахшара в Андарасбāн" по причине своего физического недуга⁶. Отсюда с очевидностью следует, что в Хорезме существовал населенный пункт Андарасбāн⁷, где жили предки автора и где рос он сам; значит, и нисбу происходившего из него человека правильно писать ал-Андарасбāнӣ (в иранской форме - ал-Андарасфāнӣ). Вся сумма данных непротиворечиво свидетельствует в пользу атрибуции биографического словаря автору, имя которого известно

из рукописей других его сочинений.

1) В.И.Беляев, Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР, - Ученые записки ИВ АН СССР, т. VI, 1953, стр. 66-67, 76.

2) Б.З.Халидов, Замахшари (о жизни и творчестве), - Семитские языки. вып.2 (ч.2). Материалы Первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г., М., 1965, стр.542-556.

3) Дата смерти Абу-л-Му'аййада б. Ахмада ал-Маккй, о котором в словаре пишется как о покойном. О нем см. C.Brockelmann, *Geschichte der Arabischen Litteratur*, Supplementband I, Leiden, 1937, S.623, N 8c, S.642, N 16a.

4) C.Brockelmann, *Ibid.*, Bd I, Weimar, 1898, S.365, N 10; Supplementband I, S.624.

5) Storey C.A., *Persian Literature. A bio-bibliographical Survey*, vol. I, London, 1935, p.177-178.

6) Известно, что аз-Замахшарй рано лишился одной ноги.

7) Фонетическое превращение топонима Андарастāн в Андарас-бāн, очевидно, исключено. Возможно, что форма Андарастāн была неудачно выбрана издателем текста ал-Истахрй (на основании лишь одной из рукописей, см. ВГА, I, стр. 302) вместо правильного чтения Андарасбāн; менее вероятно, что в Хорезме было два селения со столь сходными названиями.

Л.И.Чугуевский

ЗАЕМНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ДУНЬХУАНА

Зафиксировано два типа дуньхуанских документов о получении зерна под проценты у монастырей. Один из них представляет собой записи, в которых фиксировалась выдача зерна из склада одному или нескольким лицам за день¹, второй - это долговые обязательства, оформленные в виде контрактов с каждым заемщиком в отдельности. Если первый тип заемных документов дает нам в основном представление только о ссудном проценте и сроках займа, то второй - довольно полно раскрывает сущность ростовщичества, показывая как эта форма кредита опутывала мелкого собственника земли. Последний тип документов характеризует отношения местного населения не только с монастырями, но и с отдельными монахами, а также отношения между самими крестьянами. Долговые обязательства

составлены, как правило, по определенной форме, с установившейся терминологией и стереотипными юридическими формулами. Это дает возможность реконструировать почти полный текст таких документов по сохранившимся фрагментам. Ниже предлагается реконструкция документа, фрагмент которого хранится в дуньхуанском фонде ЛО ИВ АН СССР (фрагмент Дх-1374, описание рукописи см. № 1613). Документ датируется нами первой половиной IX в.

- 1 [В день, месяца и года составлено соглашение в том, что деревни] крестьянин Ю И-ну из-за отсутствия зерна на семена, ныне у
- 2 [такого-то лица (или монастыря) берет займы пшеницы в количестве] 12-ти даней, (которые) сам согласился вернуть не позднее осени, 30-го числа 8-ой луны.
- 3 [В случае нарушения срока возврата количество долга-пшеницы - считать возросшим вдвое и кредитор может] по своему усмотрению сразу же забрать имущество или скот должника, чтобы возместить стоимость пшеницы.
- 4 [Если должника] не окажется, то пусть тогда младший брат и другой поручитель возместят. Если в этот период
- 5 [будет обнаружено "эньшэ" (恩赦 - "императорская амнистия"), то оно не может] отменить срок (возврата). Из опасения, что люди не поверят нашей договоренности мы, обе стороны, решили [приложить ?]
- 6 свои пальцы, составив данную бумагу.
- 7 Владелец пшеницы
- 8 Заемщик пшеницы, Ю И-ну, лет 32
- 9 [Поручитель, младший брат, лет] 25
- 10 [Поручитель? ...] лет 60

Среди дуньхуанских рукописей, хранящихся в коллекциях Стейна и Пелльо, имеется более трех десятков долговых обязательств, составленных по типу реконструированного выше контракта. За исключением одного документа все они относятся к периоду тибетского господства в Дуньхуане (781-848). Во всех случаях условия, на которых был предоставлен заем, следующие: а) в случае неуплаты ссуды в срок сумма долга возрастает вдвое; б) если должник не

выполнит оговоренных контрактом условий, то кредитор получает право забрать у него любое имущество или движимость, чтобы компенсировать долг и проценты; в) в случае исчезновения должника ответственность за выполнение условий долгового обязательства ложится на поручителей. В трех случаях сделана дополнительная оговорка, что при определении имущества должника, которое кредитор назначит в счет компенсации долга и процентов, заемщик не должен вступать в спор. Дважды (включая и наш документ) сделано объявление о том, что условия долгового обязательства останутся в силе даже в том случае, если будет обнаружено "эньшэ".

Несколько документов свидетельствуют о том, что практиковалось возмещение процентов путем отработки.

Кроме документов о займе зерна, сохранилось более 20 контрактов о займе тканей. Их структура такая же, как и у реконструированного выше контракта; по времени составления они относятся к более позднему периоду — ко второй половине IX-X вв.

Документы о займе свидетельствуют не только о широком распространении ростовщичества в его кабальных формах, но также содержат много важных сведений для изучения быта и структуры дуньхуанской сельской организации.

Если в долговых отношениях крестьян с монастырями нарушение сроков ссуды предусматривало автоматическое увеличение долга вдвое и немедленное отторжение определенной части имущества должника в пользу кредитора, то в отношениях крестьян с отдельными монахами и между собой чаще всего соблюдалась формула "сян вань шэн ли" (郷原生利), т.е. взимание дополнительных процентов в соответствии с существовавшим местным обычаем. Ссылка на местный обычай и оговорки об "императорской амнистии", которая не может служить основанием для изменения условий договора, показывают, что нормы обычного права соблюдались строже, чем те официальные установления, которыми государство пыталось регулировать уровень ссудного процента.

I) Об этом типе документов см. Л.И.Чугуевский, Китайские документы о выдаче зерна под проценты в эпоху династии Тан (Из дуньхуанского фонда ЛО ИВ АН СССР). — "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока", У, Л., 1969, с.34-36.

АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ ШАМИЛЯ ИЗ АРХИВА
акад. Б.А.ДОРНА

Коллекция документов (общее количество – 68 ед.) поступила от полковника И.А.Бартоломея, который захватил их в качестве трофея на Кавказском фронте в 1849 и 1853 гг. В 1853 г. они были адресованы акад. М.И.Броссе в Академию наук, а затем были переданы в Азиатский музей, где и хранились до 1951 г. В 1951 г. вместе с личным архивом акад. Б.А.Дорна документы были переданы на хранение в Архив АН СССР (ДО ААН, ф.776, оп.4, № 25).

Дагестанская коллекция является важнейшим источником по истории движения горцев Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Суммарное описание этого собрания было сделано Б.А.Дорном в 1874 г.¹, но собрание не привлекло к себе особого внимания (автором данного сообщения сданы в печать две статьи, в которых публикуется ряд документов собрания)².

Значение коллекции определяется прежде всего тем, что это – канцелярский архив, захваченный в доме вдовы наиба Мухаммада Мирзы Анзорова в ауле Автур. Он содержит переписку более трех десятков лиц, в числе которых фигурируют наибы Чечни – мичиковский Шу айб, наибы Большой Чечни – Сухайб и Талгик, наибы Малой Чечни – Са адулла, Атабай, Дуба, наибы Нур-Али и Килик, Мухаммад Амин и Хаджи-Яхья, Даниял-султан Елисуйский и Абакар Гумбетовский и др.

Переписка относится к 1845–1850 гг. Это был период упрочения власти Шамиля в Чечне, но в эти же годы заметно усилилась активность русских войск, стремившихся вырвать Чечню из-под власти Шамиля. По письмам удастся в деталях восстановить ряд событий. Так, письма на лл. 18, 19, 20, 27, 27 об., 61об. сообщают о совещании наибов в ауле Шали и о подготовке предстоящего наступления.

В коллекции содержится 9 писем Шамиля, которые дают возможность ознакомиться с типом официальных декретов Шамиля о назначении наибов, смещении их и объеме их функций. Из девяти писем – семь датированных, они относятся к периоду апр. 1845 – сент. 1850 гг., шесть из них адресованы наибу Дубе, одно – Хаджи-Яхье, одно – Мухаммаду Мирзе и последнее – жителям вилаетов Калай и

Арстхой (Аршты). К Шамилю адресовано 8 писем (от Дубы, Мухаммада Мирзы, Данияла Елисуйского, одно коллективное, в четырех не указаны отправители). В письме от Данияла Елисуйского (л. 43) сообщается о переходе на сторону Шамиля лезгинских аулов Рутул и Ахты.

Наибольшее количество писем связано с именем Мухаммада Мирзы Анзорова – кабардинского князя, перебежчика от русских, который активно поддерживал Шамиля в его планах вторжения в Кабарду в 1846 г. Когда поход Шамиля не удался, Анзоров последовал за ним и оставался верен ему до своей смерти (был убит в сражении 19 июня 1851 г.). Мухаммад Мирза был назначен Шамилем наибом вместо гехинского наиба Атабая. В коллекции есть документ, подтверждающий это назначение и скрепленный подписями свидетелей и печатями наиба Атабая и Мухаммада Мирзы. Этот "байан" (разъяснение) представляет собой образчик официального декрета или договора, касающегося взаимоотношений Шамиля и соседних народов, примыкавших к движению горцев. Шамиль, закрепившись в 1843–1846 гг. в Чечне и Дагестане, строит планы расширения движения путем вовлечения в него соседних народов и территорий. Этот документ, как и все письма Шамиля, характеризуют политику и действия его по отношению к перебежчикам (мухаджирам) из Кабарды – черкесам – и к будущему своему наibu (а позже и мудиру) Мухаммаду Мирзе. К Мухаммаду Мирзе адресовано 22 письма, в том числе одно от Шамиля, одно от Дубы, два от Мухаммада Амина, три от Абакара, два от наиба Килика, по одному от других 13 лиц. Сам Мухаммад Мирза отправил 4 письма (к Шамилю, Абакару, Дубе, Хаджияву Эфенди). Десять писем других лиц, не адресованные непосредственно Мухаммаду Мирзе, также связаны с его именем (письма Шамиля к Дубе на лл. 8, 10, 11, 71, жителям вилайетов Калай и Аршты – л. 13, декрет о назначении Мухаммада Мирзы – лл. 22/23, письмо Мухаммада Амина к жителям Калай и Аршты – л. 45 и др.).

В лице Мухаммада Мирзы и его мухаджиров-черкесов Шамиль приобрел верных помощников; в свою очередь, Мухаммад Мирза пользовался большим доверием и расположением Шамиля. Назначенный Шамилем в августе 1846 г. наибом, он становится вскоре его главным наибом – мудиrom. В марте 1849 г. Мухаммаду Мирзе были выделены земли, лежащие за Аргуном к западу от Варанды, Вашендороя, Закана и Тумсоя (письмо Шамиля к Дубе – лл. 10 и об.). Все письма Шамиля связаны с именем Мухаммада Мирзы. В письмах к

жителям Калей и Аршты (л. I⁵), к Дубе (лл. 8 и II), к Хаджи-Яхье (л. I²) он говорит о подчинении Мухаммаду Мирзе и оказании ему помощи.

1840–1850-е годы – это период, когда завершилось оформление военно-теократической власти Шамиля³. Шамиль ввел новые законодательные установления, выработанные в соответствии с законами шариата, так называемые низамы. Низамы касались многих сторон жизни имамата: организации вооруженных сил, регламентации судопроизводства, налоговых обложений, штрафов и наказаний. Шамиль установил единоличное управление сотников и наибов. Военная, судебная и административная власть сосредотачивалась в их руках. Есть такой низам и в настоящей коллекции (л. 58), в нем предусмотрены обязанности и взаимоотношения наибов.

Упомянутый декрет о назначении Мухаммада Мирзы (лл. 22/23) свидетельствует также о том, что в имамате сохранился институт рабов, существование и жизненный режим которых были обусловлены "Книгой" (Кораном), хотя часть крестьян была освобождена Шамилем от крепостной зависимости⁴.

Финансовую базу имамата составляла "общественная" (шариатская) казна. В нее поступали сборы с населения, в том числе и с обрабатываемой земли, как в натуральной, так и в денежной форме, доходы с земель, принадлежащих мечетям; другим источником государственного дохода была военная добыча, одна пятая которой шла в государственную казну "бейт-ал-мал". Документы коллекции дают представление и об этой стороне жизни имамата, обогащая те немногие скудные сведения, которые имелись до сего времени в нашем распоряжении.

Арабские документы коллендии приобретают большое значение в связи с углубленной разработкой советскими историками проблем движения горцев под руководством Шамиля.

I) B.A.Dorn. Über die im Asiatischen Museum befindlichen Briefe Schamil's und seiner Anhänger. – Bull. de l'Acad. imp. des sciences de St.-P., 1874, col. 287–292, то же – Mém. As., 1876, t. 7, pp. 45–52.

2) См. Р.Ш.Шарафутдинова. Арабские письма Шамиля из архива акад. Б.А.Дорна. – В сб.: Памятники письменности Востока. Текстологические исследования, вып. 3. – Р.Ш.Шарафутдинова. Арабский документ из архива акад. Б.А.Дорна. – Там же, вып. 4.

3) Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1967, стр. 43.

4) Н.А.Смирнов. Юридикализм на Кавказе. М., 1963, стр. 107.

О.П.Щеглова

ПЕРСИДСКАЯ ПОЭЗИЯ XIX в. В ЛИТОГРАФСКИХ ИЗДАНИЯХ
(по материалам ЛО ИВ и ЛГУ)

Изучающий литературу XIX в. на персидском языке так или иначе должен обращаться к литографским, приближенным по времени к жизни авторов изданиям.

Литографированные книги сохранили нам плоды творчества многих талантливых поэтов, произведения которых переизданы в печатном виде, и в большой степени творчество мало известных в свое время и забытых теперь стихотворцев.

Ленинградские собрания (ЛО ИВ и ЛГУ¹) содержат значительный материал для исследований по данной теме. Имеются издания всех известных поэтов, о которых идет речь в работах Брауна, Бертельса, Рипки и других исследователей этого периода. Есть диваны Саба (ум. 1238/1822), Набата (ум. 1244/1828-29), Висаля (ум. 1262/1846), Ка'анй (ум. 1270/1854) в нескольких изданиях, Фуруги (ум. 1274/1858), Йагма (ум. 1276/1866-67), Мулла Хадй Сабзавари (ум. 1295/1878), единственного иранского философа XIX в. по определению Рипки, и др.

Диваны этих и других известных поэтов были собраны и подготовлены к изданию образованными персами, часто поэтами. Как правило, они помещали в книге и свои стихи. Например, диван Ка'анй, признаваемого самой крупной фигурой в иранской поэзии XIX в., вместе с диваном Фуруги, собрал, снабдил примечаниями и издал Джалал ад-Дин Каджар, автор известной "Наме-и Хусраван". В конце он поместил свои стихи. Переписали диван переписчики Мухаммад-Риза Калхур, прославившийся своим неподражаемым настиком, и Мухаммад-Исма'ил Гуллайганий. Издателем дивана Йагма является "министр науки, промышленности и торговли" в начале правления Насир ад-Дин шаха, второй (после Хидайата) директор Дар ал-Фонун, редактор первых иранских газет, в частности, - "Илмийе", автор книг по истории и астрономии И'тизад аз-Салтане. Диваны Сурӯша (ум. 1286/1869-70) и Партоу Исфаканий

(ум. между 1301-1304/1884-87) издали поэты Муштарӣ и Самар ал-Ансарӣ, поместившие здесь свои стихи. Диван Партоу Исфահанӣ снабжен предисловием Зукā' ал-Мулка -старшего, известного ученого и редактора содержательной газеты "Тарбийат". Переписал рукопись для литографии Мир Бакир Барагāнӣ (ум. в конце 20-х годов XX в.), подготовивший для литографского камня не один десяток рукописей и нередко сам выступавший в роли издателя.

Надо отметить, что собрания ЛО ИВ и ЛГУ совпадают лишь частично, в основном они дополняют друг друга. Наиболее богато собрание ЛО ИВ, оно содержит произведения 69 поэтов XIX в. Однако более одной трети этого числа составляют персоязычные поэты, жившие в Индии. (Персоязычная поэзия Индии - тема специального исследования, находящегося за пределами данной заметки). В университетском собрании хранятся произведения 42 поэтов XIX в. Индийских персоязычных поэтов здесь 5. Общее число совпадающих изданий в собраниях ЛГУ и ЛО ИВ 15. Творчество ряда авторов представлено либо только в собрании ЛО ИВ, либо в ЛГУ. Так, лишь благодаря университетской коллекции нам доступны: диваны Муллā Хадӣ Сабзаварӣ (ум. 1295/1878, Нишāтӣ=хāна (ум. 1262/1845-46), Фатх=Али=шāха Кāджāра (ум. 1250/1834), Сафӣ=Али=шāха (ум. 1316/1898-99), Даулат=шāха Кāджāра (XIX), Машрақӣ Гаффарӣ (ум. 1299/1881-82) и др.; поэмы Али=Ризāйи Кирмāнӣ (XIX), Хумāйи Ширāзӣ (ум. 1290/1873-74); подражания "Гулистāну" - "Анджуман=и дāниш" Вакāра Ширāзӣ и "Шāх=нāме" - "Салār=нāме" Адībа Кирмāнӣ (ум. 1329/1911).

В ЛО ИВ и ЛГУ хранятся диваны мало известных провинциальных поэтов, о некоторых из которых есть краткие упоминания в специальной литературе, чаще об их существовании говорят каталоги литографированных изданий. Назовем некоторых из них. Асадал-лāх Гāлиб (род. в 1255/1840), тебризский поэт, его поэма "Ишк=нāме" издана Ризā=Кули=хāном Хидāйатом в приложение к своему сочинению "Адждал ат=таварих". Мирзā Ахмад Накиб ал=Мамāлик Ширāзӣ (ум. около 1300/1882-83), ширазский поэт, есть его поэма "Баде=йи бйхумār" социального содержания. Мухаммад=хāн Даштӣ (ум. 1319/1881-82), поэт из Бушира, по свидетельству Ю.Марра, очень популярный в своем округе. Мирзā Джайхун (ум. 1302/1884-85), йездский поэт, хранится его диван, содержащий, кроме стихов, также подражание "Гулистāну" Са'дӣ под названием "Намакдāн".

Произведения провинциальных поэтов дошли до нас в литографских изданиях, выпущенных либо провинциальными печатнями либо бомбейскими литографиями.

О творчестве поэтов Исфахана и Йезда мы можем судить, кроме того, по двум поэтическим сборникам, изданным соответственно в Исфахане и Йезде уже в XX в. — "Дәниш-нәме" (ЛО ИВ) и "Тухфе-йи Фәтихийе" (ЛГУ).

"Дәниш-нәме" (Исфахан, 1342/1924) включает в себе подборки, в основном газелей, исфаханских поэтов XIX в. — Губара (ум. 1322/1904), Джаләл ад-Дин Сәнә (XIX), Заргара Исфаханӣ (ум. 1270/1853), Нийәза Исфаханӣ (ум. перв. пол. XIX в.), Шейха Асадал-ләха Дивәне (ум. 1334/1916). Кроме того, издатель каллиграф Джа-мәл ад-Дин Қуддӯсӣ в приложение поместил газели современных изданию поэтов хамаданского общества "Дәниш" и исфаханского общества "Дәнишкаде".

"Тухфе-йи Фәтихийе" (Йезд, 1331/1912—13) представляет собой сборник касыд разных йездских поэтов, обращенных к правителю Йезда сардару Фәтиху Бахтийәри. В библиографии Мущара книга отсутствует.

Другой сборник из университетского собрания "Маджмӯ'е-йи ма'рифат" (Тебриз, 1306/1887 и Тебриз, 1330/1911) дает возможность ознакомиться с творчеством поздних суфийских поэтов Абӯ-л-Қасима Захаби — "Каусар-нәме", Мухаммад-Хәшима Дарвиша Ширәзи — "Дивән" и Абд ал-Карима Занджәни, касыды и газели.

В заключение хочется отметить, что и в ЛО ИВ и в ЛГУ хранятся лубочные издания стихов поэтов революционного периода в Иране (1906—1911), которые могут дать дополнительный материал к тому, что уже известно из работ Брауна и других авторов о новой поэзии нового времени.

1) В ГПБ поэзия XIX в. представлена диваном Абӯ-л-Қасима Набатӣ, который имеется также в ЛО ИВ. При изучении фонда ЛГУ были использованы материалы дипломной работы Р.Рахимова "Каталог литографированных изданий в собрании ЛГУ".

П. И С Т О Р И Я

К.В.Васильев

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ (X-УШ вв. до н.э.)

В период Западного Чжоу, в условиях, когда государственная жизнь делала первые шаги, а государственная власть не имела еще достаточно сил для всесторонней интенсивной эксплуатации обширных подчиненных территорий и их населения, сумма казенных владений была ведущим источником государственного дохода. Весьма важной статьёй последнего были поступления с царских земель. В западночжоуских эпиграфических текстах, обращенных к чиновникам, осуществлявшим верховный надзор и управление этими землями, они носят название цзе-тянь 藉田 ("поля цзе"). Так, в надписи на сосуде, отлитом в годы правления Сюань-вана (827-782 гг. до н.э.), сказано: "Приказываю тебе стать сыту 司土 ("надзирателем земель") и управлять полями цзе". Если судить по датированной началом Западного Чжоу надписи на "Лин-дине" 令鼎 : "Ван величественно участвовал в земледельческих работах "цзе" на поле Цитянь 謀田 ", то термин "цзе" должен был определять своеобразие труда на царских землях. В цитированной надписи на первый план выступает обрядовая сторона этого труда, который здесь включает сакральную пахоту вана и сопровождается жертвоприношениями и ритуальной стрельбой из лука.

Было высказано мнение, что поля "цзе" создавались на землях, бывших ранее коллективным владением земледельческих общин и посвященных местным божествам земли и посевов. Однако сакраль-

ная пахота вана в эпоху Чжоу была связана с весенними жертвоприношениями цзяо 郊, обращенными к Хоу-цзи, легендарному предку чжоуского правящего рода, выступавшему в роли высшего покровителя земледелия и подателя плодородия. Поэтому нет никаких оснований, чтобы в обрядовой стороне земледельческих работ на полях "цзе" видеть реликты местных общинных традиций. Очевидно, она являлась элементом государственного культа Хоу-цзи. Поскольку с точки зрения официальной западночжоуской идеологии власть вана выступала как фактор, обеспечивающий благополучие всего народа, то с помощью его участия в ритуале в честь Хоу-цзи стремились обеспечить плодородие не только казенных, но и всех остальных полей страны. Нет свидетельств, которые могли бы подтвердить и то мнение, что поля "цзе" появились в результате присвоения центральной властью прав на коллективные общинные угодья. Как нам представляется, казенные владения могли возникать вследствие оккупации государством любых свободных земель. О распространенности этих владений свидетельствуют надписи, обращенные к чиновникам, ведавшим ими. Так, из текста указа Сю-вана (нач. IX в. до н.э.): "Вслед за предками и покойным отцом стань главным надзирателем земель в восьми военных поселениях Чэнчжоу" — следует, что казенные владения были созданы на территории одного из центров расселения чжоусцев в бывших иньских землях. Упоминает "смотрителей царских полей" и надпись на колоколе "Цзо чжун" 柶鍾, найденном в ходе раскопок на исконно-чжоуских землях в пров. Шаньси.

Полю вана, о котором идет речь в надписи на сосуде "Ян гуи" 揚毀 (сер. IX в. до н.э.), присущи черты своеобразного территориально-хозяйственного комплекса: "Ян, будь надзирателем ремесленников, управляй смотрителями поля Лянтянь 量田, а также смотрителями царского жилища, а также /смотрителями шатров/¹ /смотрителями фуража/², а также надзирателями преступников, а также мастерами ремесленников". По мнению Сиракава Сидзуки все перечисленные здесь чиновники во главе с Яном управляли разными отраслями хозяйства домена Лянтянь. Здесь наряду с земельными угодьями был расположен "путевой дворец" вана, а также обслуживавший его штат ремесленников и работников, привлеченных к участию в принудительном труде в пользу государства. "Дворцовый" уклон хозяйства Лянтяня, по-видимому, и явился причиной того, что во главе его был поставлен не "надзиратель зе-

мель", а "надзиратель ремесленников". В источнике, отразившем западножоускую историческую традицию, упомянуто и третье поле вана, называвшееся Цяньму 千畝 ("Го юй", I, 6). Обработка этих полей представляла одну из повинностей, которую земледельцы отбывали в хозяйстве вана. Об этом свидетельствует приписываемое Конфуцию высказывание, являющееся частью древнего исторического текста, сохранившегося в составе "Го юй": "Прежние ваны управляли землями, обрабатывали поля "цзе" силами крестьян, выравнивали их повинности в соответствии с тем, далеко или близко они жили" ("Го юй", У, 18). Контекст подтверждает, что в этом высказывании имелись в виду ваны периода Западного Чжоу. Отмеченная древним автором необходимость регулировать раскладку государственной барщины среди земледельцев в зависимости от расстояния между местом их жительства и полем вана, указывает на то, что для обработки каждого такого поля привлекалось повинностное население с обширной территории. В период Чуньцю в малых владениях к работам на царском поле привлекалось все трудоспособное население. Это видно из следующего свидетельства "Цзо чжуань", относящегося к VI в. до н.э.: "Все жители владения Юй участвовали в земледельческих работах "цзе" на рисовом поле правителя" ("Цзо чжуань", 18-ый год Чжао-гуна).

Таким образом, термином "цзе" в древности обозначали не только ритуальную пахоту, связанную с государственным культом Хоу-цаи, но и способ организации земледельческих работ, требовавший одновременного участия большого числа работников. Обширное хозяйство царских полей велось руками подневольных земледельцев, которые в период отбывания трудовой повинности попадали в распоряжение ведомства "надзирателя земель". К сожалению, то обстоятельство, что мы располагаем небольшим числом разобщенных и разновременных известий, крайне ограничивает возможность уточнения социальной сущности работ на полях "цзе". Можно лишь высказать предположение, что отношение земледельцев к хозяйству вана, по-видимому, выходило за пределы простых публично-правовых повинностей.

1) Толкование Чэнь Мэн-цзя.

2) Толкование Сиракава Сидзуки.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕЧАТИ В ТУРЦИИ
(конец XIX – начало XX века)

Турецкая конституция 1876 г. декларировала "свободу печати в рамках закона" (ст. 12). Хотя действовавшее тогда законодательство отрицало эту свободу¹, фактически в период подъема борьбы за конституцию (лето – осень 1876 г.) судебно-полицейские преследования издателей и журналистов несколько ослабли. Вместе с тем, готовясь к восстановлению режима личной власти, султан Абдул Хамид II принимал меры к тому, чтобы превратить печать в послушное орудие Порты. По его указанию в январе 1877 г. началась подготовка проекта закона о печати. Парламент, который в мае того же года обсуждал представленный ему законопроект, исключил из него внесенную по требованию султана статью о запрещении всех юмористических и сатирических изданий и смягчил наказания газет за выступления, в которых власти могли увидеть "смущение умов" или "разрушение норм морали"². Поэтому закон не был подписан и введен в действие.

После разгона парламента, когда в стране 30 лет господствовал режим "зулума", печать Турции находилась под гнетом цензуры и полиции. В книгоиздательском деле цензура осуществлялась через "Комитет инспекции и контроля" (Энджумен-и тефтиш ве муайене, создан в 1881 г.), который решал вопросы об издании любых сочинений и переводов, организовывал проверку иностранных книг в турецких таможах и почтовых отделениях, инспекцию библиотек и книжных магазинов. С 1897 г. заключения этого комитета в части издания книг повторно рассматривала и окончательно утверждала "Комиссия по изучению сочинений" (Теткик-и мюэлефат комисйону), состоявшая из особо доверенных лиц, а в 1903 г. была создана специальная комиссия для перепроверки намеченных к публикации книг по вопросам мусульманской религии³.

Цензуру периодики осуществлял "Департамент по делам печати" (Матбуат мюдюрлюгу), имевший специальные органы и штаты для проверки газет и журналов на турецком, арабском, армянском, греческом, болгарском, сербском, а также на западноевропейских языках⁴. Законом для журналистов были разработанные Департаментом "Правила", которые предписывали им в своих периодических из-

даниях: "отдавать предпочтение сообщениям о драгоценном здоровье султана", не помещать "сомнительных" фельетонов и статей с продолжениями (дабы не вызывать нездоровое любопытство); избегать многоточия, которое может "нарушить спокойствие умов", персональной критики влиятельных лиц и публикации петиций султану или Порте с жалобами на действия местных властей; не упоминать о мятежных провинциях, а особенно о покушениях на правителей государств и, наконец, молчать о существовании самих "Правил"⁵. Кроме того усилиями цензурных органов были составлены списки книг, которые запрещено было издавать, переводить на местные языки и ввозить в пределы империи, а также перечень запрещенных слов (социализм, революция, смута, свержение, свобода, динамит и т.д.); собственных имен (Мурад, Мидхат, Армения, Македония) и даже грамматических примеров (типа "я беден", "мы несчастны" и т.п.).⁶

Целям усиления правительственного надзора за печатью служили и законы о типографиях 1888 и 1894 гг. Они до мелочей регламентировали условия работы всех печатен, строго определяли правила издания и распространения книг и газет (продавцам газет, например, разрешалось выкрикивать только ее название, но не заголовки статей). Закон 1888 г. обязывал владельца типографии дать полиции расписку в том, что он не напечатает произведений, "затрагивающих священные права падишаха и интересы империи", а закон 1894 г. вводил контроль над ввозом книг из Египта и других автономных областей империи; перечень книг, подлежащих конфискации в таможнях; ограничения в торговле печатными изданиями и более суровые наказания. Указом 1898 г. все типографии и литографии были поставлены под надзор полиции.⁷

За малейшие нарушения законов и постановлений, по доносам агентов полиции, газеты, журналы и типографии облагались штрафами, закрывались. Многие десятки прогрессивных журналистов бежали из страны, многие были сосланы или заточены в тюрьмы. Резко сократилось количество издаваемых книг и органов периодики, юмористическая и сатирическая печать 30 лет находилась под запретом. Прогрессивные тенденции в турецкой журналистике, возникшие в годы буржуазно-либерального движения 60-70-х гг., поддерживала главным образом вольная пресса зарубежных организаций младотурок.

В первые месяцы младотурецкой революции 1908 г. журналисты явочным порядком отказались подчиняться цензуре и добились либерализации режима печати. Воспользовавшись поддержкой прессы в борьбе против феодально-султанского режима, младотурки после захвата ими власти старались установить над ней свой контроль. Будучи враждебны "начинающейся пролетарской борьбе империи оттоманов", ⁸ они с самого начала старались задуть местную социалистическую печать, родившуюся вскоре после революции.

После ожесточенных прений парламент 29 июля 1909 г. принял новые законы о печати и о типографиях ⁹. Закон о печати ничего не говорил о цензуре, но требовал от издателей, чтобы они посылали по 2 экз. каждого номера газеты (журнала) министру внутренних дел или (в провинциях) губернатору, а также местному прокурору. 30 из 37 статей закона предусматривали различные меры наказания (штраф, арест, приостановка или запрещение издания, тюрьма) по суду или в полицейском порядке. Используя туманные формулировки закона о наказаниях за публикацию "необоснованных или надуманных сообщений", статей, "вредных для общественной морали", и т.п., военные трибуналы младотурок уже с 1909 г. начали расправляться с оппозиционной печатью. В 1912 г. были закрыты все социалистические издания. С марта того же года для получения разрешения на право издания политической газеты или журнала необходимо стало внести залог: 500 лир в Стамбуле, 100 - в провинции. Без разрешения командования военным было запрещено выступать в печати, а издателям было предписано сообщать в прокуратуру имена тех военнослужащих, от которых они получали информацию. В ноябре 1913 г. правительство получило от меджлиса полномочия прерывать по своему усмотрению издание "нежелательных" газет и журналов. В сентябре 1914 г. цензура была восстановлена официально ¹⁰.

Таким образом, законодательство и политика правящих кругов Турции в вопросах печати были прямой противоположностью их деклараций, официально выраженных в конституциях 1876 и 1909 гг. Поэтому короткие периоды относительного прогресса книгопечатания и прессы в 1876 и 1908 гг. сменялись их длительным упадком и захирением, отрицательные последствия которых были особенно ощутимы в политической жизни Турции.

1) Подробнее об этом см.: А.Д.Желтяков, История турецкого книгопечатания и периодики от реформ "низам-и джедид" до конституции 1876 г. - "Туркологич.сб.", 1970, М., 1970, стр.264-276.

2) Стенограмму парламентских прений по проекту этого закона и его текст см.: S.R.Iskit, *Türkiyede matbuat rejimleri*, I, İstanbul, 1938, ss. 130-166, 699-706.

3) S.R.Iskit, *Türkiyede matbuat idareleri ve politikaları*, İstanbul, 1943, s.116-117.

4) *ibid.*, 108-114, 118.

5) Paul Fesch, *Constantinople aux derniers jours d'Abdul Hamid, P.*, 1907, p.52-54.

6) *Türkiyede sansür eğlenceleri*, s.1., 1907, s.5-43 (араб. шр.).

7) Тексты названных документов см.: S.R.Iskit, *Türkiyede matbuat rejimleri*, s.849-867.

8) В.И.Ленин, *События на Балканах и в Персии*, т.17, стр.223.

9) Стенограмму парламентских прений и тексты законов 1909 г. см.: S.R.Iskit, *Türkiyede matbuat rejimleri*, ss. 167-377, 707-715, 868-870.

10) Дополнения к закону о печати 1909 г. см. там же, стр.716-724.

С.Г.Кляшторный, В.А.Лившиц

ТЮРКО=СОГДИЙСКИЙ ПАМЯТНИК ИЗ ЮЖНОЙ ГОБИ

В 1948 г. палеонтолог И.А.Ефремов зарегистрировал сведения о турецкой надписи на юге Гоби, близ хребта Сэврэй. Наличие надписи подтвердил в 1968 г. академик Б.Ринчен. В 1969 г. С.Г. Кляшторный обследовал памятник – монолит крупнозернистого трещиноватого мрамора, прямоугольный в сечении (0,7 x 0,45 x 0,7 м), одна из сторон которого зашлифована и послужила основой; на нее нанесены 7 строк согдийского и 7 строк древнетюркского рунического письма. Впоследствии памятник не раз повреждался – сколота его верхушка, а вся лицевая грань покрыта крупными щербинами, вследствие чего текст надписей совершенно испорчен.

Обе надписи расположены строго симметрично, занимая равные по площади части лицевой грани. Рунические знаки расположены необычно далеко друг от друга. Создается впечатление, что это сделано именно для сохранения симметрии и одинакового числа строк. Судя по начертаниям согдийских букв, надпись может быть отнесена не ранее чем к концу VШ-IX вв. Рунический дуктус очень

близок к тому, который представлен на Селенгинском памятнике (середина УШ в.). Поэтому палеографически памятник может быть датирован временем Уйгурского каганата в Монголии (745-840 гг.).

Памятник расположен у выхода из широкой межгорной долины, открытой на юг, на обычном пути тюркских и уйгурских походов за Великую стену. Вблизи памятника не обнаружено следов погребальных сооружений, что исключает мысль об эпитафии и заставляет предположить иное назначение стелы. Именно в палеографически близкой к нашей стеле Селенгинской надписи содержится указание на сооружение уйгурскими каганами триумфальных памятников. Так, разгромив татар, каган Баян=Чор приказывает "сочинить на плоском камне" его "вечные письма".

Остатки текста как будто подтверждают аналогичное назначение Сэврэйской стелы. От согдийской версии сохранилось лишь следующее:

(1) (.....)s(r)δ (nwkr) [β ? γ [γ]
('wy)γ (wr) γ (') [γ 'n]

(2) (rtu pyštr 'kw 'y) [n] ('δ t) [r] (γ 'n s 'r)
[.....]

(3) (p 'r)s 'r (')kw 'w(y)[γ wr γ ' γ '] (n 'YK)
[.....]

(4) (pyš)tr (.....) wδ (y) []

(5) (..... γ ' γ 'n s 'r) w 'nkw ptyš[kwy...]

(6) (.....t) δ r(nt) [r](tpy)[štr]

(7) (.....pc.....) []

(1) год. Тогда господин уйгурский каган,

(2) и затем к Иналь-тархану

(3) Затем [он обратился] к уйгурскому кагану, де мол:

(4) Потом там

(5) к кагану он так обратился

(6) они И затем

(7)

Тюркский текст:

(1) p s² (?) nt.....

(2) t²mr¹ ms² t¹n²

(3) k on nčl¹ a: b muj¹ / γ a ? /

- (4)igü(z?).....s²ur¹j.....ü.....
 (5)kü/1/ t¹r¹
 (6)nl qutl/γ/b¹
 (7) inī.jγlaγ/r/

Перевод:

- (3) десять (?) мятеж/ный/
 (4) род (?)
 (5) Кю/ль/-тар/кан/
 (6) /ы/нал Кутлу/γ/
 (7) Инги Яглага/р/

Судя по сохранившимся фрагментам надписей, это памятник, установленный одним из уйгурских каганов или одним из его военачальников. Наличие наряду с тюркским текстом согдийского (билингва?) позволяет считать, что памятник был установлен не ранее конца 50-х – начала 60-х годов VIII в., когда манихейство, под влиянием согдийцев, стало официальной государственной религией. Это привело к появлению значительного числа согдийцев в окружении кагана.

Упоминание в конце тюркского текста родового имени уйгурских каганов (Яглакар), а перед ним – имени (?) Инги, как будто позволяет более точно датировать памятник и определить, о каком уйгурском кагане идет речь в сохранившейся части согдийского памятника. Слово inī является точной передачей китайского ин-и (*ienpie), (консультация С.Е.Яхонтова), которое входило в титул одного из уйгурских каганов, Мэуя (Бёю?), полученный им в 762 г. от китайского императора за помощь, которую каган согласился оказать Танской империи в борьбе с продолжателями восстания Ань Лу-шаня, Шы Сы-мином и Шы Чао-и. Возможно, что именно об обстоятельствах, связанных с этим походом, и повествует Сэврайская стела.

Е.И.Кычанов

ИЗ ИСТОРИИ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII века

Раскопки советских археологов (А.П.Окладников, Э.В.Шавкунов, М.В.Воробьев, В.Е.Ларичев и др.) наглядно показали, что в

период раннего средневековья (УШ-ХШ вв.) в Приморье были города и много крупных поселений. Край был заселен и цивилизован. Монгольское нашествие (ХШ в.) опустошило эти районы. Но в последующие века, судя по более поздним источникам ("Ляодун чжи" и др.), они, кажется, не были столь мало населены, т.е. не были такими, какими застали их позднее первые русские землепроходцы. В чем же были причины запустения этих районов? Указать на одну из них мы и попытаемся в нашем кратком оообщении.

В конце ХУІ в. Нурхаци, сын Таши, одного из вождей цзяньчжоуских чжурчжэней, начал борьбу за подчинение соседних племен. В 1616 г. он принял титул хана и основал государство Хоу, позднее Цзинь. В 1636 г. государство было переименовано в Дай Цин, а правящая династия стала называться маньчжурской, по имени главного племени цзяньчжоуских чжурчжэней, создавших это государство, а населявшие его чжурчжэньские племена постепенно все стали именоваться маньчжурами. С 1618 г. маньчжуры регулярно нападали на соседний Китай. Появление в сердце Маньчжурии нового государства не могло не отразиться на судьбах северных и северо-восточных соседей маньчжур, предков удэгейцев, нанайцев, орочонов и др. племен, известных маньчжурам как воцзи, варка, хурха и т.д.

При Нурхаци основной удар маньчжуры нанесли по племенам воцзи, заселявшим район между Японским морем и рекой Уссури. В июне 1607 г. тысячный отряд маньчжур напал на воцзи и угнал в плен 2 тыс. чел. В октябре 1609 г. маньчжуры повторили нападение и снова угнали 2 тыс. чел. В декабре 1610 г. после нового похода девять старейшин воцзи вместе с семьями были увезены в Маньчжурию, а в плен угнано 10 тыс. воцзи. Походы повторялись в 1611, 1614 гг., и снова тысячи воцзи были угнаны в центральные районы Маньчжурии. В 1615 г. маньчжуры решили нанести воцзи решающий удар - они осадили крепость воцзи Эхэкудунь и после упорных боев взяли ее. Пятьсот семей "знатных" воцзи и 10 тыс. пленных были увезены в Маньчжурию. Во время похода 1617 г. маньчжуры разграбили и обескровили последние уцелевшие племена воцзи.

На варка, живущих по Уссури и в районе слияния Сунгари и Амура, маньчжуры впервые напали тоже в 1607 г. Захватив экономический и культурный центр варка крепость Фэйю, они стали грабить соседние местности. Многие варка искали спасения в Корее; в 1609 г. более тысячи варка были выданы корейцами маньчжурам.

Сын Нурхаци Тай-цзун совершил семь походов против варка - в 1629, 1631, 1633, 1635, 1636, 1637 и 1638 гг. - и только по данным его хроники более 15 тыс. варка были насильно переселены в Маньчжурию. В 1628 г. корейцы отмечали, что варка "рассеяны почти полностью" маньчжурами.

Хурха, заселявшие берега рек Муданьцзян и Сунгари, впервые были атакованы маньчжурами в 1611-12 гг. Захватив крепость хурха Чжакута, маньчжуры тысячу человек хурха убили, а 2 тыс. угнали в плен. Затем маньчжуры совершали походы против хурха в 1619, 1625, 1634, 1635 и 1639 гг. Много хурха было истреблено, много переселено в Маньчжурию. В 1640 г. хурха присоединились к восставшим против маньчжур солоням. К этому восстанию примкнули и цилеми (килер-орочены). Восстание было подавлено, 7 тыс. пленных угнано в Маньчжурию. Походы против хурха были продолжены в 1642-43 гг.

В 1616 г. маньчжуры вышли к южному берегу Амура у впадения в него реки Урцзянь и на 200 лодках начали поход вниз по течению реки, захватив и разорив 36 поселений по ее обоим берегам. Зимой того же года они по льду перешли Амур и в ходе боев заняли 11 укреплений "евдящих на собаках" (нанайцев). 40 племенных старейшин нанайцев с их людьми были переселены в Маньчжурию. Поход на Амур 1635 г. был прямо нацелен на захват и угон местного населения. В указе о начале похода говорилось: "у населения этих земель язык одинаков с нашим и все, кто будут привезены [в Маньчжурию] будут полезны нам".

Каковы же были цели и результаты этих походов маньчжур? Исторические хроники двух первых маньчжурских императоров, которые послужили источником для нашего сообщения - "Цин Тай-цзун маньчжоу шилу" и "Цин Тай-цзун шилу" - свидетельствуют о том, что маньчжуры никогда не занимали территорий разгромленных племен Приамурья и Приморья. Они нуждались не в землях, а в людях и угоняли в Центральные районы Маньчжурии пленных, в первую очередь мужчин, превращая их или в рабов или вливая в ряды своей армии. Пленные и добыча - в первую очередь, меха, скот - вот что было истинной целью грабительских походов маньчжур в эти районы. Маньчжуры привозили из походов такое количество мехов, что в хронике часто записывали "без счета", "очень много" и т.п. Несмотря на упорное сопротивление местного населения, районы Приморья и Приамурья в первой половине XVII в. были опустошены маньчжурами. Взяты и уничтожены крепости местных племен, поселения, вероятно,

полугородского типа, административные и культурные центры, у оставшихся в живых забраны их основные богатства — меха и скот, а сами люди в большом числе насильно переселены в центральные районы Маньчжурии и влиты в войска, начавшие вскоре завоевание Китая. Уцелевшее население разбросалось или расселилось в наиболее труднодоступных местах. Грабительские походы маньчжур за полвека опустошили и без того к тому времени не очень населенный край, разорили до тла и обескровили местные племена, загубив, в первую очередь, наиболее культурные и социально-развитые из них. В этом и была одна из важных причин последующей слабой заселенности и запустения районов Приморья и Приамурья в новое время.

А.Г.Дундин

К СТОЛЕТИЮ ПУТЕШЕСТВИЯ Ж.ХАЛЕВИ

Мировая слава Жозефа Халеви больше связана с его работами в области ассириологии и шумерологии, которые, как кажется, имеют теперь только историческое значение. Но его труды по сабеистике в значительной мере сохранили свое значение, хотя прогресс сабеистики за это время не уступает прогрессу ассириологии, а может быть и превосходит его.

Сто лет назад Парижская академия надписей командировала в Йемен молодого семитолога Ж.Халеви, "чтобы разыскать и скопировать сабейские или хымьаритские надписи, имеющиеся в этой стране". Эта поездка и может служить точной датой рождения сабеистики как самостоятельной отрасли востоковедения. Результатом ее явилось обнаружение 685 надписей, из которых лишь 15 было известно раньше; общее число известных текстов увеличилось почти в 10 раз.

Главное обстоятельство, способствовавшее успеху Ж.Халеви и научному значению его поездки — то, что это была специальная научная экспедиция с четко поставленной целью, для чего был подобран ученый, получивший наилучшую по тому времени специальную подготовку, воодушевленный своей задачей и имевший возможность и желание посвятить ей все свои силы.

На протяжении последующих ста лет это благоприятное стечение обстоятельств не повторилось: специалисты-сабеисты смогли посе-

тить лишь окраинные области распространения древней Йеменской культуры, а удачливые путешественники, побывавшие в ее центрах, лишь по возвращении могли ознакомиться с достижениями сабеистики и задачами, стоящими перед ней.

Это не умаляет научного подвига Х.Халеви: в очень тяжелых условиях, безоружный и беззащитный, скрываясь под личиной Йеменского еврея и скрывая свои истинные цели, постоянно опасаясь разоблачения, он объехал большую часть Йемена (от Адена до Наджрана), впервые обнаружил и обследовал громадное число древних городищ, все это - в труднейших природных условиях гор и пустынь Йемена, верхом или пешком, часто страдая от болезней. Достаточно сказать, что до сих пор никому не удалось повторить многие из маршрутов Халеви, побывать в таких важнейших городах, как ад-Байда (древний Намк), Харам и множество более мелких.

Второе условие, определившее успех Х.Халеви - то, что он сумел найти себе надежного и деятельного помощника среди местного населения. Хаййим Хабш, медник и ювелир из Сан^{са}, ставший проводником и сотрудником Халеви, должен по праву разделить с ним славу этого путешествия. Он не только сопровождал ученого, находил ему безопасные пристанища и необходимую информацию о древностях, но и копировал, наравне с ним, древние надписи, а зачастую и сам обследовал памятники, если Халеви не мог их посетить.

Х.Халеви в своем отчете не упомянул Хабшу, и мы знаем о его участии в экспедиции только благодаря Э.Глазеру, который через 15 лет нашел Хабшу в Сан^{са} и привез его путевые записки. Но не следует слишком строго осуждать Халеви: о нравах этого времени свидетельствует уже то, что и сам Э.Глазер не упомянул имени не только тех йеменцев, которые были его проводниками и информаторами, но и тех, кто по его поручению самостоятельно изготовлял эстампажи древних надписей (например, знаменитого минейского "списка родов").

Наконец, третье обстоятельство, обеспечившее первостепенное значение материалов Х.Халеви - Х.Хабшу в развитии науки - их немедленная и полная публикация. 21 июля 1871 г. Х.Халеви сделал сообщение о своем путешествии на заседании Академии - а уже в течение 1872 г. был издан отчет о путешествии, полный текст надписей и их "частичный и предварительный перевод". Для сравнения укажем, что материалы коллекции Э.Глазера не изданы полностью и

сейчас, через 80 лет после его путешествий. Даже наиболее важные и значительные тексты, как надписи G1 1000 A и B (RES 3945, 3946) или царские декреты из Сирваха (C1H60I, RES 3951), были изданы лишь через несколько десятков лет.

Надписи Ж.Халеви - Х.Хабшуша сразу же стали общим достоянием и вызвали бурный расцвет сабейстики¹. На их основе было окончательно установлено значение знаков южноарабского алфавита², издана первая грамматика, первые труды по истории и истории культуры и т.д. Ж.Халеви открыл одно из важнейших государств древнего Йемена - Ма^син. До сих пор его тексты составляют большую часть известных минейских надписей. Все дальнейшие исследователи и путешественники шли по следам Халеви: они направлялись к памятникам, уже открытым, и составляли себе представление об их значении по надписям, привезенным и опубликованным Ж.Халеви. Многие из важнейших открытий Э.Глазера заключались в том, что он изготовил полные и отчетливые копии и эстампажи с текстов, частично скопированных уже Ж.Халеви - Х.Хабшумем. Но до сих пор многие исследователи - М.Тавфик, А.Фахри и др. - в своих маршрутах лишь следуют по путям, впервые пройденным Ж.Халеви.

Ж.Халеви работал 100 лет назад, когда методика и техника археологии и эпиграфики лишь зарождались. Он не мог использовать не только фотографию, но и простейшее эстампирование, и снимал копии, зачастую - тайком. Добавим, что в это время не было известно чтение некоторых знаков, не говоря уже об их вариантах; палеография еще не существовала. Более того, на основе нескольких десятков известных текстов нельзя было даже приобрести элементарной начитанности. Естественно поэтому, что материал Халеви сейчас не отвечает научным требованиям. Может быть, именно поэтому многие тексты до сих пор остаются не дешифрованными. Однако даже в этих условиях копии Халеви - Хабшуша поражают своим высоким качеством; личный опыт работы с такими копиями убедил меня, что скептическое отношение к материалам Халеви, сложившееся после путешествий Э.Глазера, во многом несправедливо, и многие исправления и изменения текста, предлагавшиеся исследователями, оказываются не оправданными. О качестве работы Ж.Халеви свидетельствует тот факт, что экспедиция, работавшая в 1944-45 гг. на родине Беракиш (древний Йасил), обнаружила лишь три новых надписи.

Заслуги Халеви в области сабеистики не ограничиваются сбором и публикацией нового материала. Он же впервые привлек обширный материал иноязычных нарративных источников, от данных Геродота о религии арабов до сведений о преследовании христиан Наджрана. Он же установил синхронизацию хымъяритской эры; предложенная им дата оспаривалась многими учеными на протяжении десятков лет, но в конце концов оказалась правильной.

Работы М.Халеви в области сабеистики до сих пор сохраняют свое значение; это — лучшая характеристика его роли в истории сабеистики.

1) О нем достаточно красноречиво свидетельствует даже простое сравнение числа работ, вышедших в 60-е и в 70-е годы прошлого века.

2) Сам М.Халеви в своем издании еще неправильно определяет знаки $\pm$ и z .

Ю.А.Петросян

УСТАВЫ ТАЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЩЕСТВА "ЕДИНЕНИЕ И ПРОГРЕСС" КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МЛАДОТУРЕЦКОГО ДВИЖЕНИЯ

В работах историков, занимавшихся изучением младотурецкого движения конца XIX — начала XX в.в., не использовался до настоящего времени такой ценный источник, как дошедшие до нас уставы тайных организаций общества "Единение и прогресс", создание которого в 1889 г. стало важнейшей вехой в истории младотурецкого движения.

Первый из этих уставов был обнаружен в виде рукописи турецким историком А.Б.Кураном в архиве историка и политического деятеля конца XIX века Махмуда Джелаледдина-паши. Ныне этот документ хранится в архиве Института истории турецкой революции Анкарского университета. Публикуя текст устава, видный турецкий историк Т.З.Туная не высказал определенного мнения относительно его датировки¹. Изучение текста устава позволяет нам высказать мнение о том, что этот первый из обнаруженных до настоящего времени уставов младотурок действовал, во всяком случае, не позднее 1895—1896 г.г. Основанием для этого утверждения слу-

жит тот факт, что изданная в 1313 г.х. (1895-1896г.) в Париже от имени общества "Единение и прогресс" брошюра под названием "Отечество в опасности" имела на титульном листе следующую пометку издателей: "Это рисале, присланное нашему обществу одним из патриотов, печатается в соответствии со ст. 21 нашего устава"². Между тем, именно в ст. 21 устава, найденного в архиве Махмуда Джелаледдина, говорится о том, что общество "Единение и прогресс" должно "обеспечивать издание газет и различных брошюр и листовок (saire evrak...) для их распространения в Османской империи с целью оказания воздействия на общественное мнение как в Европе, так и в Османской империи"³.

Устав содержал 39 статей, в которых определялись цели общества "Единение и прогресс", права и обязанности его членов, регламентировались строгие конспиративные правила организации и деятельности ячеек общества, определялись источники финансирования и статьи расходов общества. Особый интерес для историка представляют статьи 1-5, в которых, в сущности, изложена политическая программа общества - восстановление режима конституционной монархии, обеспечение экономического и культурного развития страны⁴.

Другим важным источником для исследования деятельности младотурецких организаций является "Основной регламент Османского общества прогресса и единения"⁵. Текст этого документа, напечатанного типографским способом в Каире в 1907 г., опубликован Т.З.Туная на основе экземпляра "Регламента", хранящегося в Стамбульской муниципальной библиотеке⁶. В нашем распоряжении был другой экземпляр, полученный в 1961 г. во время научной командировки в Румынию от вдовы одного из основателей первой тайной организации младотурок - Ибрагима Темо⁷. В публикации Т.З.Туная имеется, как видно из сравнения текстов, неточность, искажающая смысл важного программного положения. В тексте ст.5 вместо слов "idare-i meşrute" (конституционное управление) напечатано "idare-i mes'ude" (режим благоденствия).

В "Регламенте" 1907 года 41 статья, в которых довольно детально определяются организационные принципы построения общества, регламентируются права и обязанности его членов, функции руководящих органов общества. Статьи 2-5 носят программный характер. В них более четко, чем в первом уставе младотурок, формулируются политические цели общества - речь идет о требовании восстановления конституции 1876 г. При этом "Регламент" 1907 г.,

в отличие от программных документов младотурок конца XIX в., прямо говорит о "революции с целью установления справедливого конституционного управления вместо нынешнего режима произвола и деспотизма..."⁸

Важным документом, содержащим ценные сведения о направлении деятельности младотурок накануне революции 1908 г., является "Устав внутренней организации" османского общества прогресса и единения". Его текст опубликован Т.З.Туная по экземпляру, напечатанному в 1908 г. и переданному Т.З.Туная отставным генералом Дж.Т.Егильмезом¹⁰.

Этот "Устав" имел 67 статей, в которых особенно подробно регламентировалась конспиративная деятельность первичных ячеек общества, подчиненных центральному комитету "внутренней организации". Среди положений устава внимание историка особенно привлекают статьи, определяющие цели и принципы организации групп феодалов ("жертвующих собой") из числа добровольцев, готовых "жертвовать жизнью во имя священных целей общества" (статья 48). Этот раздел устава является важным свидетельством подготовки организаций младотурок к активной борьбе против феодально-деспотического режима. Сама организация групп феодалов была, скорее всего, подсказана младотуркам опытом иранской революции.

Уставы тайных младотурецких организаций являются одним из важнейших источников, предоставляющих в распоряжение исследователей ценный документальный материал для изучения истории младотурецкого движения и анализа процесса эволюции политической программы и тактики младотурок.

1) T.Z.Tunaya, Türkiye'de siyasi partiler, İstanbul, 1952, s.s. 117-122.

2) ۱۳۱۳ 'وطن تملک' (Handwritten note)

3) T.Z.Tunaya, Türkiye'de siyasi partiler, s.120.

4) Более детальный анализ этого устава, равно как и других, упоминаемых в настоящем сообщении документов, содержится в находящейся в печати книге автора, посвященной истории младотурецкого движения.

5) Так стала называть себя после раскола младотурецкого движения, произошедшего на конгрессе в Париже (1902 г.), группа младотурок во главе с Ахмедом Ризой. Новая организация восприняла основные программные установки общества "Единение и прогресс".

6) T.Z.Tunaya, Türkiye'de siyasi partiler, s.s. 123-126.

7) عثمانلى ترقى و اتحاد جيمعنى نظامنامه اساسى،
مصر، ۱۳۲۳.

8) Ibid., s.3.

9) После объединения эмигрантской организации младотурок "Османское общество прогресса и единения" с тайным салоникским "Османским обществом свободы" (сентябрь 1907 г.) было организационно оформлено существование заграничной ("внешней") и внутриимперской ("внутренней") организаций общества со своими руководящими центрами (см. текст соглашения об объединении: A.B.Kuran, İnkılâp tarihimiz ve İttihad ve Terakki, İstanbul, 1948, s.238).

10) T.Z.Tunaya, Türkiye'de siyasi partiler, s.s. 129-135.

М.Пиотровский

СОСТАВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КАХТАНИТСКОГО ПРЕДАНИЯ

Историко-эпическое предание кахтанитов (южных арабов) дошло до нас в составе сочинений об аравийской древности, общеполитических трудов, в виде отдельных рассказов и упоминаний в художественной, дидактической и религиозной арабской литературе. Оно представляет собой сложное и пестрое явление как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания и идей.

Предание типологически несопоставимо с племенными преданиями бедуинов ("Аййам ал-араб"). В частности, потому, что его композиционная основа — история хамьяритской династии.

Для предания характерно восхваление прошлого Йемена, что противоречит мусульманскому отрицанию язычества, его истории и культуры, а также противостоит коранической идее о том, что причинами гибели древних царств (в том числе и йеменских) явились их грехи и непокорность Аллаху.

Материал предания распадается на ряд циклов, основные из которых посвящены жизнеописаниям хамьяритских царей — "тубба" — основателя Самарканда, победителя персов и китайцев Шаммара Йур'иша; царицы Савской — Билкис; завоевателя Африки — Ифрикийаса; покорителя маадитов, сирийцев и согдийцев, Ас'ада ал-Камила, насадившего в Йемене иудаизм и др. К ним примыкают циклы о муд-

рецах (Дукман), пророках (Худ, Шуайб), а также циклы о заселении Аравии (арабы коренные и арабы арабизованные), о выселении кахтанитских племен на север и т.д.

В кахтанитском предании слились различные слои и влияния. Оно содержит несомненные следы и элементы древней йеменской традиции: а) фольклорно-сказочный материал южноарабского происхождения; б) достоверные историко-культурные и географические реалии.

Среди материалов предания можно выделить ряд заимствований из посторонних источников. В жизнеописаниях почти всех "тубба^с" включены мотивы романа об Александре. В легенды о Шаммаре Йур^с-ише вошли эпизоды из истории Одената Пальмирского. Заимствованием из христианских проповедей является и очень распространенный в "хымьяритской" поэзии мотив Ubisunt.

Характерной чертой кахтанитского предания является его политическая тенденциозность. Оно утверждает превосходство кахтанитов над другими арабами (аднанитами) и в религиозной, и в светской сферах.

Важное место занимают легенды о йеменских пророках, предшественниках Мухаммада, рассказы о том, что большинство царей Йемена верили в Аллаха. Ас^сад ад-Камил якобы поклонялся Ка^сбе и предсказал появление Мухаммада. В уста пророка вкладываются высказывания, в которых превозносились мудрость и благочестие йеменцев, их исконная вера в единого бога.

Постоянно подчеркивается, что кахтанитам традиционно и издревле принадлежала царская власть над всеми народами. Описания дальних походов йеменских царей и границ хымьяритского государства сводят великие мусульманские завоевания на уровень подрежаний, а создание халифата оказывается лишь восстановлением кахтанитской державы.

К политическим тенденциям следует также отнести стремление переносить в древность политические союзы омайядского времени. Эта тенденциозность предания связана с его политической функцией "идеологического оружия" в борьбе между кахтанитами и аднанитами в халифате.

Поэтому сложение кахтанитского предания следует датировать временем особого накала этой борьбы, то есть периодом 2 пол. УП - I пол. УШ вв.

Можно определить круг людей, которые принимали участие в оформлении и распространении предания. Это - политики, ученые

и литераторы южноарабского происхождения:

а) Йазид б.Муфәрриг (как утверждают, он составил "жизнеописание и стихи тубба") и другие представители хымьяритской знати, прежде всего в Сирии;

б) Йеменцы-мухаддисы города Химс (Ка'б ал-Ахбар);

в) Йеменцы-мухаддисы Фустата (Ибн Лахи'а);

г) Вахб б.Мунаббих;

д) 'Абид б.Шарйа.

Таким образом кахтанитское предание представляет собой результат трансформации и отбора Йеменской эпической традиции в интересах политической борьбы кахтанитской племенной группировки в халифате.

Оно мало пригодно для использования в качестве исторического источника о древнем Йемене, однако дает важный материал для оценки характера идеологической борьбы в раннем халифате и является интересным памятником средневековой арабской культуры в начальный период ее формирования.

В.А.Ромодин

СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ ЭПОХИ ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ. НОВЫЕ
ДАННЫЕ О ТАЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ
В АФГАНИСТАНЕ

В марте 1909 г. афганский эмир Хабибулла-хъан (1901-1919) обрушил жестокие репрессии на членов раскрытой двумя предателями тайной организации сторонников реформ, введения конституции и борьбы за завоевание независимости. Семь участников этой организации были казнены и окшло 60 брошены в тюрьму¹. В Афганистане этих первых провозвестников освободительных идей XX века называют "старые конституционалисты" ("машрутахъахъан-и қадим"). Их история, - в частности, характер и состав организации - мало изучены.

Некоторые новые данные о них содержатся в опубликованной в 1967 г. в Кабуле книге "Афғанистән дар масйр-и та'рих", написанной видным афганским историком Мир Гулām Мухаммад Губаром². Автор (род. в 1895 г.) был младшим современником первых афганских конституционалистов, знакомился с воспоминаниями участников

движения и близких к ним людей, с некоторыми уникальными записями, находящимися в руках частных лиц. Заботливо собранные Губаром сведения о первых героях и первых жертвах эпохи национального пробуждения в Афганистане несомненно послужат одним из важных источников для изучения ее ранних этапов, в частности, состава "старых конституционалистов". Воспроизводим здесь список имен членов "тайной национальной партии" (как называет Губар их организацию) из книги "Афганистан дар масйр-и та'рих" (стр. 718, 719) в транслитерации, а также даем перевод сообщаемых автором о некоторых из них сведений (с небольшими сокращениями):

1) Да'д Мухаммад-хон Кабули, эмирский гулам-бача-йи хасс, сын Джан Мухаммад-хана — бывшего казначея, растерзан придворными в Джалал-Абаде;

2) Мухаммад Усмэн-хон, сын Мухаммад Сарвар-хана Парвэни, казнен в Джалал-Абаде расстрелянием из пушки;

3) Джавхар Шех-хон Гурбанди, эмирский гулам-бача-йи хасс, умерщвлен в Джалал-Абаде челядью эмира;

4) Мухаммад Айуб-хон, сын Тадж Мухаммад-хана Попальзэи, был привязан в Джалал-Абаде к жерлу пушки /и расстрелян/ ...

Лица, которые были по приказу эмира казнены в Кабуле Му'-йном ас-салтане / расстрелянием из пушек:

5) Мулла Мухаммад Сарвар-хон, преподаватель медресе Хабибийа, сын Мавлави Ахмад Джан-хана Алькозэи ...

6) Са'дулла-хон Алькозэи;

7) Абд ал-Кайум-хон Алькозэи, чиновник таможи.

Члены партии, которые были осуждены и заключены в тюрьму:

8) Гулам Мухаммад-хон Майманаги, придворный художник эмира (впоследствии профессор);

9) Тадж Мухаммад-хон Пагмэни, сын 'Али Мухаммад-хана Балуча;

10) Мирза Мухаммад Хасан Рэким Кабули, писец дафтар-и котва-ли (канцелярии начальника полиции);

11) Мирза 'Абд ар-Раззак-хон Кабули;

12) Мир Замен ад-дин-хон Бадахшэни, придворный чиновник-экспедитор (*مامور بارچاگانی*);

13) Мухаммад Анвар-хон Бисмил, сын Нэзира Мухаммад Сафдар-хана, заведующего информацией (*امین اطلاعات*);

14) Ахмад Кули-хон Кызылбаш Чандавули, чиновник связи (*مخابرات*);

- 15) 'Абд ал-Ваххāб-хāн, полковник /командир/ части /в/ Мазари Шарифе;
- 16) Падшāх Мир-хāн Логарй, эмирский придворный гулāм-бача;
- 17) Низāм ад-дин-хāн Ургундйвāl (ارغندی وال), придворный гулāм-бача;
- 18) Казй 'Абд ал-Ахад-хāн Сулеймāн-хель Ургундйвāl;
- 19) Мир Сәйид Кāсим-хāн Лагмāни, известный /по прозвищу/ как Мир Сāхиб;
- 20) Мирзā Гийāс ад-дин-хāн, сын Мастāн-шāха Кāбули;
- 21) Хāфиз 'Абд ал-Кāйўм-хāн Кāбули, сын Хāфиза Маджзуб Шāири;
- 22) Мухāммед Ибрāхим-хāн, кабульский часовых дел мастер;
- 23) 'Абд ал-Маджид-хāн, кабульский часовых дел мастер;
- 24) 'Абд ар-Рахмāн-хāн Кандахārй, брат Мавлавй Мухāммед Сарвар-хāна (умер в тюрьме);
- 25) Шйр 'Али-хāн Бāракзāй;
- 26) Муллā Мухāммед Акбар Ахундзāде Исхāкзāй;
- 27) Джалāl ад-дин-хāн Кандахārй;
- 28) Кāкā Саййид Ахмād-хāн Лодй;
- 29) 'Абд ар-Рахмāн-хāн Мухāммедзāй, сын сардара 'Абд ал-Ваххāб-хāна;
- 30) Хāбибулла-хāн Мухāммедзāй, сын 'Абд ал-Ваххāб-хāна;
- 31) Мухāммед Расўл-хāн Мухāммедзāй, адъютант;
- 32) Амир ад-дин-хāн;
- 33) Мавлавй Музаффар-хāн Балўчи Харотй¹;
- 34) Доктор 'Абд ал-Гāнй-хāн Панджāбй;
- 35) Мавлавй Наджāф 'Али-хāн, брат доктора 'Абд ал-Гāнй;
- 36) Мухāммед Чирāг, брат вышеупомянутого доктора;
- 37) Мавлавй Мухāммед Хусайн Панджāбй².

/Затем Мир Гулāм Мухāммед Губār сообщает имена еще 6 человек, прощенных эмиром и освобожденных от тюремного заключения/;

- 38) Мавлавй Гулāм Мухйй ад-дин-хāн, по тахаллусу "Афгāн" - из афганцев с границы, преподаватель школы Хāбйбийа; 39) сардар Хāбибулла-хāн Тарзй Мухāммедзāй; 40) Хāджй Мирзā Мухāммед Акбар-хāн Йўсуфй, конторщик кабульского /завода/ Мāшйн-хāне;
- 41) Хāджй 'Абд ал-'Азйз-хāн; 42) Мухāммед Аслам-хāн Сйгāнй, придворный мйр-шйкār эмира; 43) Сāхйбзāде 'Абдулла-хāн Муджаддāй.

/Далее приводятся имена двух предателей, выдавших эмиру тайную организацию/: 44) Устāд Мухāммед 'Азйм-хāн ,техник

военного завода, возвышенный эмиром в воздаяние за "заслуги" в чин "биргид" (бригадный генерал) в регулярных войсках и
45) Мулла Минхадж ад-дин-хан, учитель шахзаде Мухаммад Кабир-хана, щедро награжденный эмиром.

1) Abdul Ghani, A Review of the Political Situation in Central Asia, Lahore, 1921, p.75.

2) Мир Гулам Мухаммад Губар известен советским читателям по русскому переводу его книги "Ахмад-шах основатель Афганского государства", опубликованному в Москве в 1959 г.

3) Му'ин ас-салтане - титул Инаяталлы-хана, старшего сына эмира Хабибуллы-хана.

4) Видимо, это Музаффар-хан из Лахорского Колледжа "Исламийа", умерший в Афганистане в тюрьме от холеры. См. Abdul Ghani, A Review of the Political Situation in Central Asia, Lahore, 1921, p.75.

5) После освобождения в апреле 1919 г. из тюрьмы всех оставшихся в живых конституционалистов новым эмиром Амануллоу-ханом, Мухаммад Хусайн занимал пост директора лицея "Хабибийа".

О.И.Смирнова

РУНИЧЕСКИЕ МОНОГРАММЫ НА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ МОНЕТАХ^I

До сих пор не дано сколько-нибудь удовлетворительного объяснения происхождению особых знаков на согдийских и древнетюркских монетах, хотя эти знаки уже давно привлекают к себе внимание нумизматов. Имеющиеся на монетах сопроводительные к знакам надписи позволяют их считать родовыми клеймами или тамгами, до известной степени аналогичными русским княжеским знакам.

В настоящее время новые нумизматические материалы из раскопок В.А.Булатовой на Кувинском городище /южная Фергана/ дают возможность вновь поднять этот вопрос. Среди находок В.А.Булатовой оказалось два экземпляра неизвестного до сих пор типа монет с одинаковыми знаками и тождественными односторонними надписями согдийским полукурсивом (полевые шифры: Кува 63, № 14 и 68, № 5). Еще одна такая же монета оказалась среди монет с го-

роdiща Варахша Бухарского оазиса (собрание ИААН УэССР, инв. № 738). Все три монеты, отлитые, как и торгешские, по форме китайских, - небольшого размера (д 15, 16 и 17 мм), небрежной отливки (при почти ювелирной работе мастера-изготовителя образца) и к тому же плохой сохранности, что значительно затрудняло работу с ними.

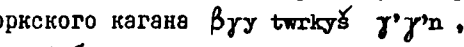
Одинаковые знаки на монетах представлены двумя вариантами: на кувинских монетах и на бухарской. Надписи, сопровождающие знаки на этих монетах, состоят из трех слов, в чтении и интерпретации первого из которых нет уверенности: 'lpw ('lpw ?) ʔ' ʔ'n twtwʔ т.е. "Алпу-хакан (или Хакан-тысячник) тутук" или "тутук Алпу-хакана (хакана-тысячника)". В первом случае монеты были выпущены хаканом, во втором - его тутуком, т.е. тюрками, а, следовательно, и знаки на них должны быть тамговыми знаками хакана или его тутука. В настоящее время можно считать установленным, что тамговый знак торгешей , помещаемый ими на своих монетах, воспроизводит вариант рунического (эт) орхонских надписей. Естественно встал вопрос, нельзя ли найти какую-либо параллель среди тех же рунических писем для знака на новооткрытых тюркских монетах из Ферганы и Бухарского оазиса. А.С.Аменжолов обратил наше внимание на сходство первого варианта знака с руническим (эш) в издаваемой им надписи на гальке из собраний Минусинского музея. Второй же вариант того же знака - бухарский - оказался зафиксированным в рунической надписи на гальке из Таласса (ЭК, вып. I, 1963, стр. 23, X, стк. I и 2; о знаке см. также статью: О.Н.Тун , САУ , vol. XI, № 4, 1966, р. 241-263). Предложенное отождествление тем вероятнее, что бухарский вариант знака воспроизведен в свою очередь на монетах одной из засырдарьинских серий с изображением мужчины и женщины, явно-выраженного монголоидного типа, и полукурсивной согдийской надписью stwʔcs' (?) ʔ'ttwnh , содержащей тюркский женский титул хатун в согдийском передаче ʔ'ttwnh . Но на этих монетах указанный знак сочетается с другим в виде тупоугольного треугольника вершиной влево , в качестве параллели для которого А.С.Аменжолов предложил руническое (й), обращенное влево в надписях на тувинских памятниках (енисейская группа). Тот же бухарский вариант знака отмечен нами на уникальной пока монете с изображением хищника из клада, найденного

близ станции Келес под Ташкентом. На данной монете он сочетается уже с другим, третьим, знаком, тождественным, на наш взгляд, с руническим $\left(\text{н}^{\text{I}} \right)$, обращенным влево и встречающимся в надписях той же группы памятников. Из сказанного очевидно, что указанные сочетания знаков на рассматриваемых тюрко-согдийских монетах образуют своеобразные рунические монограммы (типа известных тюркских тамг), одна из которых $\Delta \times$ представляет (читая справа налево) сочетание рунических $\times$ и 4 (äш + й), другая $\times ($ - сочетание рунических $($ и $\times$ (н + äш).

В том что тюрки на своих монетах помещали отдельные рунические письма сомнений быть не может. Так, среди монет торгошей имеется несколько экземпляров, на которых их основной тамговый знак дополняется справа руническим М (рʏ). Последний наносился на разных монетах и после их отливки (вырубался или процарапывался). К руническому М (рʏ), судя по монетам, в свою очередь восходят разные варианты тамгового знака на монетах домусульманских правителей Пайкенда, на которых он сочетается с наложенным на него руническим У (ч) и снабжен такой же дополнительной подставкой, как знак У на монетах пенджикентских царей: У и У (монеты не опубликованы). Таково же, по-видимому, происхождение таких знаков как у-образный родовой знак самаркандских ихшидов (царей), находящий себе близкие аналогии среди вариантов рунического У и У (с^{I}) (ЭК, вып. I, I, стк. 3 и X, стк. 3 и 5), и н-образный знак на бухарских монетах

X , один из вариантов которого X едва ли не тождественен с известной рунической тамгой X . Не может быть также сомнений в том, что S -образный знак на одной из групп тюрко-согдийских монет (КМП, табл. XII, № 742) должен быть отождествлен с руническим S (ä), обращенным вправо в орхон-енисейских надписях, а знаки на усрушанских монетах находят себе близкие параллели среди вариантов рунического C , известных по таласским памятникам и т.д. Некоторые из знаков на согдийских монетах (их стилистические варианты), как известно, помещались и позднее во второй половине VIII в.) на среднеазиатских монетах общекалфатского типа, в том числе знаки самаркандских ихшидов и бухарских князей. В свою очередь и Пайкандский тамговый знак продолжает воспроизводиться (в середине VIII в.) на монетах местных арабских данников, но уже в несколько измененном (осложненном) виде: на лицевой стороне X , при этом он сопровождается (на обороте) искаженным текстом символа мусульманской веры, опущенные слова которого

придают ему еретический смысл: "Нет Аллаха, нет ему сотоварища!" Второй вариант того же знака воспроизводится на монетах Абу-Муслима с надписью, фиксирующей принудительный курс дирхема: "120 в дирхеме". В свою очередь знак на фельсах аббасидских чиновников Баджа (149/766-767 гг.), воспроизводит руническое (ät) в варианте, засвидетельствованном в надписи Тонькука: . Знак помещался под надписью с оборотной стороны (КПМ, № 911-915), в то время как над ней нанесен второй , представляющий, на наш взгляд, стилистический вариант рунического (ч), снабженного снизу дополнительным кружком. К его же вариантам должны быть отнесены известные тюркские тамги и .

Изложенное говорит об определенных связях между руническими письменами и родовыми знаками на тюркских и согдийских монетах и может свидетельствовать о том, что тюрки в качестве тамговых (родовых) знаков употребляли рунические письмена, варьируя их форму. Но могло иметь место и обратное явление, и тамговые знаки все же сыграли свою роль в создании древнетюркского письма, как это предполагалось исследователями прежде. Так, стилизованное руническое äт на монетах тургешей, содержащих титул верховного тюркского кагана , могло или передавать первую букву названия тюрков или, наоборот, будучи тамговым родовым знаком тургешей, быть использовано тюрками при создании рунического алфавита соответственно своему содержанию. Если мы правы, двойные знаки (н + äш), (äш + й) могут оказаться своеобразными монограммами представителей разных родов (племен). Для первого из них такое объяснение находит себе подтверждение в двойном изображении (женщины и мужчины) на монетах соответствующей серии. Но это лишь предположение, и символику или чтение одинарных и двойных тамг предстоит установить.

Встречающиеся варианты знаков на среднеазиатских монетах общекалифатского чекана говорят об их устойчивости в качестве элемента монетного типа. Данный факт свидетельствует также о том, что знаки эти не были простым украшением и их появление на монетах не носило случайного характера. Многообразие ряда рунических письмен известно, и если изложенное подтвердится, намечающиеся связи между руническими письменами и родовыми знаками (тамгами) на среднеазиатских монетах б.м. помогут в сво

очередь, проследить пути расселения тюркских и других кочевых племен. Для этого необходимо, прежде всего, установить время появления соответствующих тамговых знаков на монетах и проследить хронологическую последовательность разных их вариантов, что потребует пересмотра большого материала, накопившегося за последнее время и его археолого-нумизматического исследования.

I) Доложено на заседании Туркологического кабинета 20.XI. 1970 г.

И.Ф.Фихман

РАБЫ В ВИЗАНТИЙСКОМ ОКСИРИНХЕ

Данная работа, представляющая собой опыт локального, хронологически отграниченного (конец III в. – середина V в.) исследования, ставит перед собой задачу рассмотреть на основе изучения оксиринхского папирологического материала только два, правда исключительно важных вопроса: численность рабов и их роль в производстве.

Решение этой задачи сопряжено с большими сложностями. Из-за многозначности терминов, обозначавших рабов, трудно безошибочно выделить тексты, упоминающие рабов. В ряде текстов говорится о рабах без указания их числа. При определении динамики численности рабов необходимо учитывать неравномерность распределения папирологического материала по векам (V век плохо представлен), изменение характера документации и т.д.

Собранный материал – были приняты во внимание только тексты, упоминающие определенных рабов, принадлежавших жителям города – показал, что рабов было очень мало (всего 52, в том числе 26 под сомнением) и что их число неуклонно сокращалось. На первый взгляд эта тенденция не выступает очень ярко, если исходить из подсчета всех упоминаний: 9 в конце III века, 10 в IV веке, 6 в V веке, 20 в VI веке и 7 в первой половине V в. Картина резко меняется, если отбросить сомнительные данные: 8 в конце III века, 9 в IV веке, 1 в V веке, 7 в VI веке и 1 в первой половине V в. скачок вверх в VI веке по сравнению с V веком объясняется разницей в числе дошедших до нас документов от соответствующих веков).

Но, может быть, это местная специфика Оксиринха, которому всегда была свойственна малочисленность рабов? Для получения ответа на этот вопрос необходимо обратиться к оксиринхским папирусам римского времени (до конца III века). Из рассмотрения этого материала вытекает, что, хотя рабы и в римском Оксиринхе не являлись основной составной частью населения города, их было все же гораздо больше чем в византийское время: 181 раб против 52, а если взять только бесспорные цифры: 170 против 26.

Но и эти данные не дают полной картины динамики численности рабов, поскольку не учтены вольноотпущенники — бывшие рабы. Материал, касающийся вольноотпущенников показывает, что они были относительно неплохо представлены в римском Оксиринхе (59 человек) и фактически отсутствуют в документации византийского Оксиринха.

Сводные данные свидетельствуют о резком снижении численности рабов и вольноотпущенников в византийском Оксиринхе сравнительно с римским: 56 и 240 или, если взять только бесспорные цифры: 29 и 229. Таким образом в византийском Оксиринхе рабы и вольноотпущенники составляли только около 1/8 числа рабов и вольноотпущенников, засвидетельствованных документацией римского времени. Правда, сама документация византийского Оксиринха сократилась по сравнению с римским, но все же не до 1/8, а только до 3/5. Факт очень значительного сокращения численности рабов в византийский период не подлежит сомнению.

С большой точностью можно определить и рубеж, когда рабство сдает свои позиции. Достаточно сопоставить III век (целиком) — 81 раб и вольноотпущенник с IV веком — 9 рабов. Правда, тенденция к снижению замечается уже в III веке (сравнительно со II веком), но это снижение не сопоставимо с катастрофическим падением числа рабов в Оксиринхе в IV веке: 110 (II век) — 81 (III век) — 9 (IV век).

Как известно, важно не само по себе наличие рабов, пусть даже в большом количестве, а их участие, их удельный вес в производстве. Хотя и в римском Оксиринхе рабы не играли ведущей роли в производстве, папирусы этого периода упоминают небольшое число рабов и вольноотпущенников с указанием профессии (10 человек), в то время как от византийского Оксиринха до нас не дошло ни одного упоминания о рабе-ремесленнике и только одно упоминание о вольноотпущеннике с указанием профессии.

Все приведенные выше цифры, конечно, не окончательны, новые публикации внесут, возможно, отдельные изменения в соотношения данных по векам, быть может, кое-какие документы без достаточных оснований исключены (или, наоборот, включены) при подсчетах, но общая тенденция, которая установлена на основе обработки всего материала, накопившегося за 70 лет, прошедших с начала массовой публикации оксиринкских папирусов, вряд ли будет подвергнута ревизии.

Э.Я.Ханин

ПО КАКОМУ ПРИЗНАКУ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ?

Дискриминация разнообразных групп отверженных — явление в мировой истории довольно распространенное. Несмотря на это, изучено оно, к сожалению, еще далеко не достаточно, как в конкретном, так и в общетеоретическом плане, что объясняется множеством разнообразных трудностей. Однако при любом предпринимавшемся до сих пор анализе истории данного феномена в странах Европы, Америки или Африки перед исследователями проблемы, по крайней мере, почти никогда не возникали осложнения, связанные с выявлением признаков, по которым там осуществлялась дискриминация париев: практически всегда это были четкие расовые, национальные, религиозные или какие-либо иные столь же очевидные и легко устанавливаемые различия между отверженными и основным населением страны.

Не то в Японии. Местные парии никогда не отличались от остальных жителей японских островов ни в расовом, ни в национальном, ни в религиозном отношении. Даже их профессиональные отличия никогда не были достаточно значительными. Но вместе с тем, какая-то грань между так называемыми "презираемыми" и "благородными" в обществе всегда существовала.

Наиболее распространенным, превратившимся даже в традиционное, было мнение о том, что основным признаком изоляции и дискриминации японских париев стали внедрившиеся на определенном этапе исторического развития религиозные представления об "осквернении" париев грязью смерти, крови и т.п.

Однако это суждение не способно объяснить сути проблемы и ответить на поставленный вопрос, поскольку сами по себе представ-

ления об "осквернении" никогда не создавали твердо обусловленной и четко выраженной социальной границы между париями и "народом". В состав "людей второго сорта" в Японии всегда входили, составляя среди них большинство, также и представители таких профессий, которые ни в малейшей степени не могли "осквернить" человека: например, строители, паромщики, грузчики, артисты, ремесленники, изготавливавшие изделия из соломы и бамбука, и даже парии, занимавшиеся исключительно сельскохозяйственным производством — наиболее достойным и почитаемым в феодальном обществе видом деятельности. И все же они, наряду со скотобойцами, кожевниками и палачами (то есть с людьми уже заведомо "оскверненными"), включались в единое социальное объединение, презираемое и дискриминируемое. И если они воспринимались "оскверненными", то лишь весьма опосредствованно: их могли полагать "оскверненными" уже по самой принадлежности к той социальной группе, отдельные представители которой занимались убоем скота, кожевным производством и т.д.

Таким образом, религиозные представления об "осквернении", бесспорно сыгравшие значительную роль в процессе развития явления дискриминации в Японии, все же нельзя полагать основой принципа сегрегации японских париев. Линию социального размежевания определяли другие условия.

Невозможно также национальные и даже расовые отличия, очевидно, характерные для какой-то части представителей низших социальных групп в далекой древности, считать основой признака сохраняющейся в течение многих веков дискриминации японских париев. Не дают ответа на поставленный вопрос и политические акты феодальных властей, связанные с формированием последнего, существующего до наших дней объединения японских париев (так называемых буракумин). В наши дни презрение к буракумин определяется, в основном, лишь традицией, происхождением. Несмотря на это, дискриминация париев сохраняется как весьма устойчивое явление.

Рассмотрение даже этих частных аспектов проблемы убеждает в том, что определение границ социального отчуждения отверженных в Японии возможно лишь в результате достаточно полного исследования истоков образования данного явления, а также условий его воспроизводства. В связи с этим ответ на, казалось бы, простой вопрос превращается для японского варианта явления сегрегации в чрезвычайно сложную задачу. По поводу этого вопроса мы счи-

таем целесообразным сделать здесь некоторые общие замечания.

Дискриминация японских париев никогда не осуществлялась по какому-либо одному признаку, например, национальному, профессиональному или религиозному (в связи с представлениями об "осквернении"), хотя в разные периоды истории они и сыграли определенную роль в процессе развития данного явления.

В отличие от многих других стран, где дискриминация париев осуществлялась на "готовой" базе какой-либо внешней, чужой общности (отличающейся по расовому, национальному или иному вполне очевидному признаку), в Японии в силу определенных закономерностей развития эксплуататорского, антагонистического общества это явление выкристаллизовывалось путем постепенного внутреннего процесса социального размежевания. Именно поэтому внешние признаки дискриминации японских париев никогда не были особенно четкими и неизменными. Линия раздела всегда определялась подспудными процессами, находившими свое выражение в менявшихся предрассудках и традициях.

В Японии дискриминация отверженных явилась закономерным и логическим результатом постепенной трансформации возникших в далекой древности низших социальных групп (бэ-но тами, сэмин, дзэкко и томобэ) в объединения "классических" париев (сандзё-но тами, каварамоно, эта, хинин и буракумин). В процессе такой эволюции элементы явления дискриминации (профессиональные и локальные ограничения, презрительные предрассудки, превратившиеся в социальную традицию и т.д.) накапливались постепенно, причем все развитие было не только крайне медленным, но и непрямолинейным. Именно в связи с этим содержание признаков сегрегации в какой-то мере постоянно изменялось.

Признак дискриминации — это та основа (по существу имеющая произвольный характер), с которой обычно связывается комплекс отрицательных, презрительных предрассудков, совершенно необходимых для поддержания явления (а часто — и целенаправленной политики) сегрегации париев. Своеобразие рассматриваемого нами явления в Японии заключается в том, что там признаки дискриминации не были постоянными по содержанию, отчетливо не совпадали с группами париев и логически не могли распространяться на всех отверженных. Анализ этого обстоятельства чрезвычайно важен для общетеоретического осмысления явления в целом, для разрушения многих псевдонаучных теоретических схем и предрассудков.

Ш. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

З.Н.Ворожейкина

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ КАМАЛА ИСМАИЛА ИСФАХАНИ

(Структура четверостишия. Роль третьей, свободной, строки)

Четверостишия, которые существуют в персоязычной литературе на протяжении тысячелетия, проявляют особую жанровую устойчивость, едва ли не наибольшую среди всех прочих поэтических жанров. Неизменная популярность четверостиший, стойкость их перед лицом времени и меняющихся вкусов, определяется во многом внутренними свойствами рубаи, заложенными в самой художественной структуре этого жанра.

Творчество крупнейших мастеров стиха дает возможность с наибольшей наглядностью выявить жанровые особенности четверостиший. Так, творчество Камала Исмаила Исфахани (ум. 1237 г.) позволяет, в частности, ошутимо проследить основные закономерности построения персидского рубаи.

Высший лаконизм стиха, который для четверостиший выступает понятием качественным, а не количественным, диктует жанру рубаи жесткие законы поэтической экономии. Показательно самое название стихотворения, свидетельствующее, что стиховой единицей четверостишия, (формально состоящего из двух бейтов), является не бейт, как во всех без исключения других стихотворных формах, а полустихие, принимающее на себя роль законченной строки (стиха). Каждая из строк четверостишия имеет свое четкое структурное назначение в логической и художественной организации поэтического высказывания. Пример типического построения рубаи у Камала Исмаила:

پیش از تو غم تو در نهان من بود * سودای تو مغز استخوان من بود

در وقت گشایش زبان نام تو بود* اول سخنی که در زبان من بود

- Еще не было тебя, а тоска по тебе уже была в тайниках
моего [сердца],

Томление по тебе мозгом моих костей было,

Лишь только я начинал речь, имя твое было

Тем первым словом, которое на языке моем было.

Первая и вторая строки несут две самостоятельных, параллельных логических посылки, создающих своего рода лирическую экспозицию. Третья и четвертая строки образуют тесное логическое и чаще всего фразовое единство. Третья строка выдвигает новое положение, вытекающее из экспозиции или противопоставляемое ей, предвосхищая появление четвертой, заключительной, строки, содержащей основной, обычно неожиданный, художественный образ или логический вывод.

Многие четверостишия Камала Исмаила построены по принципу этого выраженного логического трехчлена. Рифма отсекает в стихотворении три фразы – три высказываемых поэтом суждения: два кратких (первое полустигия и второе полустигия) и одно более пространное (третье и четвертое полустигия вместе). За счет третьего полустигия, свободного от рифмы, четвертая строка берет как бы двойной разбег и следовательно двойную силу для завершающей сентенции. Становится понятным, почему четверостишие с рифмовкой, проходящей через четыре полустигия (аааа), почитается в персидской поэтологии менее искусным, чем классическая форма рубай со свободной третьей строкой (ааба).

Принцип логического силлогизма находится в прямой взаимосвязи с характером поэтического высказывания, свойственным рубай. Четверостишия – почти в той же мере, как поговорки и афоризмы – наделены широкой применимостью философских и лирических умозаключений, метких обобщенных характеристик. Но в четырех строках рубай – от экспозиции к выводу – показан и самый процесс рождения сентенции. Афористичность и осязаемую динамику образного мышления и следует выделить в качестве основных жанровых черт персидского рубай, определивших его особую притягательность как для поэтов, так и для читателей.

Четверостишия Камала Исмаила Исфахана дают новый и интересный материал для суждения о роли третьего, нерифмующего, полустигия в художественной структуре рубай. Камал нередко вводит в третье полу-

стишие рифмующее слово четвертого полустихия, как это можно видеть в следующих примерах, так же как и в четверостишии, приведенном выше:

ای دوست نه اگر ز عالم آگاه * کز دست تو دارم همه احوال "تباہ
اینک چشم گواه اگر رنجہ شوی * در روی تو بگذرانم این مردو گواه

- О любимая, разве ты не знаешь о моем положении,
Ведь из-за тебя все дела мои пришли в упадок.
Вот глаза мои - свидетели, ежели будешь обижаться [на это обвинение]
В лицо твоё устремлю я этих двух свидетелей

می باز خورم و لیک مستی نکنم * الا بقدر دراز دستی نکنم
دانی غرض ز می برستی چه بود * تا طمچو تو خویش برستی نکنم

- Снова пью вино, но не буйствую пьяно,
Не тяну руку ни к чему, кроме чаши.
Знаешь ли ты, в чем цель моего служения вину? -
Дабы не быть служителем себялюбия, как ты.

В третьем полустихии стоит иногда не само рифмующее слово четвертого полустихия, а его близкое созвучие, основанное на игре слов:

این خشک گیا که زرد چون روی منست * ریزیده جابجای چون موی منست
وین طاق پد شکسته و آب روان * گوئی که مثال چشم وابروی منست

- Эта сухая трава, желтая как мое лицо,
Поредевшая местами, как мои волосы,
А эта арка обвалившегося моста и текущая река [под ним],
Скажи, не похожи ли на глаза мои и брови?

Обилие подобных четверостиший у Камала Исмаила убеждает в том, что это не случайное совпадение, а особый эфонический прием, усиливающий не только фонетическую, но и смысловую выразительность рубаи. Третья строка в таких четверостишиях, оставаясь формально свободной, как бы предвосхищает в своем звучании появление заключительной рифмы и усиливает ожидание концовки.

Использованная литература:

کلیات کمال الدین اسمعیل اصفهانی, лит.изд., Бомбей,

О. Дж. Джалилов

К ИЗУЧЕНИЮ КУРДСКИХ НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Курдские исторические песни представляют особый интерес не только с точки зрения социальных отношений, истории культуры, быта и этнографии, но и как отражение борьбы курдского народа на разных ее этапах.

В отличие от других жанров устного поэтического творчества записи курдских исторических песен очень скудны. За всю историю собирания курдского фольклора, несколько нам известно, записано не более двух десятков исторических песен (они изданы или хранятся в архивах библиотек Ленинграда и Еревана).

С 1961 по 1970 гг. нами был предпринят ряд экспедиций по различным районам и городам Армянской ССР с целью собирания курдских исторических песен (Апаранский, Талинский, Аштаракский, Октемберянский, Эчмиадзинский, Разданский, Масисский, Арташатский р-ны республики, Тбилиси и Ереван, где осела часть курдского населения, переселившегося с севера, из северо-восточных районов нынешнего Турецкого Курдистана и часть курдского населения северных и северо-западных районов Иранского Курдистана). Кроме песен, записанных от советских курдов, мы располагаем также записями, сделанными от курдов, выходцев из сирийского и Иракского Курдистана, и армян, репатрированных из курдских районов Сирии и Ирака, говорящих на диалекте курманджи — представляющего говор и фольклор тех курдских районов, где они жила до репатриации.

Нами собрано более 150 исторических песен, отражающих основные исторические события последних 300—350 лет в центральном, северном, северо-западном и северо-восточном Курдистане.

Собранные песни предварительно делятся нами на группы по времени их создания: 1) исторические песни ХУП века; 2) исторические песни ХУШ века; 3) исторические песни XIX века и 4) исторические песни первой половины XX века.

Особый интерес представляют песни XIX и XX столетий, т.к. они содержат многочисленные сведения о национально-освободительном движении курдов и свидетельствуют о фактах жестокого подавления этого движения турецкими реакционными правителями и английскими колонизаторами.

В исторических песнях нашли отражение отдельные этапы освободительного движения армян и ассирийцев, проживающих бок о бок с курдами, а также греков.

Среди наших записей имеется свыше 15 песен о героической борьбе армянского народа и его национального героя Андраника, боровшегося против турецких экспансионистов. Много песен собрано о предводителе курдского племени зукуры Джангир-аге, который оказывал помощь армянскому народу во время Сардарабатской битвы и плечом к плечу с отрядами Андраника боролся против турецких захватчиков.

В записанных нами песнях нашло отражение и вспыхнувшее в 1915 году в районе Тиарии восстание ассирийцев, в кровавом подавлении которого участвовали англичане.

До сих пор среди курдов-езидов, проживающих ныне в СССР, широко распространены песни о событиях, связанных с переселением их предков в Россию в 30-х годах XIX века ("Şêx Miç'î", "Seraê"). Большой интерес представляют песни о восстании Иезданшира (1855г.), Шейх Саида (1925 г.), Сымко (1920-1923 гг.), об освободительном движении курдов Турции и Ирана, в частности восстание 1930 г. в районе горы Арарат ("Şeîê Agrîdaê").

Процесс создания исторических песен продолжается и в наши дни. Эти песни в основном отражают национально-освободительное движение курдов в последние десятилетия (песни о восстании курдов Ирака под руководством Шейх Махмуда, Халила Хошави, Мустафы Барзани и др.).

Сопоставление содержания некоторых исторических песен с соответствующими архивными документами подтверждает подлинную документальную и хроникальную фиксацию событий в песнях. Помимо того, что исторические песни имеют значение первоисточника, они ценны и тем, что содержат в себе распространенные в народной среде оценки событий, народные мысли и суждения.

Собрание и изучение курдских народных исторических песен представляет значительный интерес как для фольклористов, так и для историков.

ПЕРВЫЙ НУРИСТАНСКИЙ УЧЕНЫЙ И ПОЭТ

Последнее время Нуристан (б.Кафиристан) привлекает к себе все более пристальное внимание иранистов в нашей стране и за рубежом. Значительные успехи достигнуты в изучении языков, этнографии, экономической жизни народностей, населяющих эти районы восточной части Афганистана. Исследование же исторического прошлого этих народов затруднено почти полным отсутствием достоверных сведений, за исключением редких упоминаний кафирских племен в восточных источниках. Поэтому любой новый факт, проливающий свет на те или иные стороны политической и социальной истории Нуристана, истории духовной культуры его народа, заслуживает внимания. В этой связи, как нам кажется, предлагаемая заметка может представить интерес тем, что содержит некоторые наблюдения, касающиеся истории как пуштунской, так и нуристанской культуры.

Нуристанские языки бесписьменны, и естественно, что данные о явлениях культурной жизни этой области можно получить лишь из сочинений иноязычных авторов, в первую очередь — писавших на афганском, персидском, арабском языках. Особый интерес должны представлять письменные памятники, созданные самими нуристанцами на каком-либо из этих языков. Нам известен один такой нуристанский автор — Бабӯ-джан Лагмāнӣ. Сохранились два принадлежащих его перу сочинения: большой трактат, известный, главным образом, под названием "Китаб-и Бабӯ-джан" (Книга Бабу-джана) и перевод с арабского стихотворной "Ду'а сурийāнӣ" (Сирийская молитва). Первое, имеющееся также в хранилищах Афганистана, Индии и Великобритании (всего 4 списка) отражено в собрании Института востоковедения АН СССР одной рукописью, второе — двумя.

Все, что известно о биографии этого автора, может уместиться в нескольких строках. Согласно Х.Г.Раверти, сведения которого повторяют афганские ученые Мир Ахмад-шах Ризвāнӣ и Садиқаллах Риштин, Бабӯ-джан был кафиром-сияхпошем (родом из западного Нуристана, как показывает его нисба), в качестве военной добычи привезенным неким муллою из Лагмана в Пешавар, где он был обращен в ислам. Благодаря своим познаниям он приобрел широкую известность среди мусульман. Похоронен на земле мусуфзаев, и, несмотря на то, что в конце жизни отрекся от ислама, они почитают его могилу.

В "Книге Бабу-джана" имеется небольшой раздел, славословящий падишаха Аурангзеба (1658-1707). Следовательно, автор был современником этого могольского правителя, и, очевидно, на этом основании афганский историк и литературовед Абд ал-Хайй Хабйбй полагает, что он родился около 1050 г.х. (=1640 г.).

Бабу-джан Лагмани был разносторонне образованным человеком. Не только сведения, собранные Х.Г.Раверти среди афганцев более ста лет тому назад, но, прежде всего, сами сочинения Бабу-джана свидетельствуют об этом. Помимо своего родного он владел, по меньшей мере еще тремя языками: писал на афганском и переводил на него с арабского и персидского. В "Сирийской молитве" и в отношении некоторых мест "Книги" он указывает, что они являются переводами; в последней имеются персидские цитаты, в том числе, из Са'ди.

Трактат Бабу-джана, своего рода комpendium по религии и этике, написан рифмованной прозой, возможно, под влиянием предшественников, в частности, Ауунда Дарвезы. Каждый тематический отрывок оформлен как газель или несколько газелей с упоминанием имени автора в последнем стихе (очевидно, этим объясняется еще одно из названий сочинения - "Диван Бабу-джана"). Разнообразная религиозная тематика: мусульманская теология, ритуал, коранические сюжеты - изложена, в отличие от Дарвезы и его учеников, живо и отнюдь не догматично. В книгу включено много преданий о библейских пророках, признанных исламом, о реальных и легендарных царях и мудрецах - новый для афганской религиозной литературы материал, к которому Бабу-джан, как можно предположить, постоянно обращался, не будучи убежденным мусульманином и не желая ограничивать себя обычными рамками богословских работ. Разделы по этике, занимающие очень большое место в сочинении, имеют светский характер и предназначены не для государей, как подобные сочинения многих персидских авторов или некоторые стихи и поэмы афганского классика Хушхал-хана, но для читателя и слушателя из народа. В связи с этим заслуживают упоминания такие особенности языка Бабу-джана, как употребление разговорных форм и форм из различных диалектов пашто. Все сказанное позволяет не согласиться с замечанием А.Хабйбй, будто Бабу-джан был последователем ортодокса мусульманской веры Ауунда Дарвезы.

Можно полагать, что Бабу-джан был первым нуристанским ученым и литератором, притом весьма талантливым; он снискал себе

уважение ксуфзаев — своих современников и их далеких потомков не столько обширными богословскими познаниями, сколько своими морально-этическими принципами, человеколюбием и несомненным поэтическим даром.

H.G.Raverty, A grammar of the Pukhto, Pushto or language of the Afghans, L., 1860, p.33; Паштаны шу'арā, Кабул, 1941, I, сс.219-220; С.Риштин, Ды пашто ды адаб тārīх, Кабул, 1954, с.33; рук.С 1907 собрания ЛО ИВ АН.

Е.Н.Мещерская

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ "УЧЕНИЯ АДДАЯ".

В сирийской литературе существует серия легенд, связанных с именем эдесского царя Авгара. Эти легенды возникли, видимо, не позднее первой половины IV в.н.э. Часть из них получила композиционное и стилистическое оформление в литературном памятнике, известном под названием "Учение Аддая". Это произведение стоит у истоков сирийской письменности и известно также на коптском, армянском, грузинском, латинском языках, а также в греческой и славяно-русской письменности. Бытование и распространение этого памятника в византийской и славянской литературах связано с важными периодами истории (иконоборческое движение в Византии и становление Владимиро-Суздальского княжества на Руси).

Изучение его представляет большой интерес как для истории сирийской литературы, так и для выяснения византийско-восточных и византийско-славянских культурных и литературных связей.

До сих пор нет ясного представления о том, является ли "Учение Аддая" оригинальным произведением сирийцев, или это перевод греческого текста. Решение вопроса о сирийском или греческом происхождении "Учения Аддая" и его связи с ранее существовавшими легендами невозможно без тщательной текстологической работы над памятником. Одно из сказаний, лежащее в основе сюжета "Учения Аддая", связано с апокрифической перепиской, которую царь Авгар Укама имел с Иисусом Христом, и с чудесным исцелением владетеля Эдессы от тяжелой болезни. Самая ранняя из дошедших до нас письменных фиксаций данного рассказа имеется в Historia

Ecclesiastica Евсевия Кесарийского, созданной в конце первой трети IV в. Делались попытки установить взаимосвязь версий легенды, изложенной Евсевием Кесарийским (греческий текст), и сирийского варианта из "Учения Аддая". Так, некоторые текстологические сопоставления были выполнены немецким ученым Р.Липсиусом (*Die Edessenenische Abgar-Sage*. Braunschweig, 1880).

"Церковная история" Евсевия Кесарийского в конце IV в. была переведена на сирийский язык. Наличие этого перевода дает возможность провести двоякое сопоставление – сравнить греческий оригинал "Истории" и сирийскую его интерпретацию, а последнюю, в свою очередь, – с версией легенды, изложенной в "Учении Аддая".

Сопоставление сирийского перевода "Истории" Евсевия с текстом "Учения Аддая" показывает, что в переводе не нашли отражения некоторые характерные эпизоды. Так, в нем не содержится весьма существенного упоминания об обещании Авгару сделать город Эдессу неприступным для врагов. Этот отрывок занимает исключительно важное место в "Учении Аддая" и нашел широкий отклик в сирийской литературе близкого и последующего времени. Трудно предположить, что переводчик, будь он знаком с "Учением Аддая", воздержался бы от упоминания о данном факте. Отсутствие этих эпизодов позволяет предположить, что окончательный текст легенды сложился уже в то время, когда существовал перевод "Истории" Евсевия на сирийский язык, т.е. на рубеже IV–V веков.

Ж.С.Мусаэлян

ТЕМАТИКА КУРДСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Собирание курдских лирических песен велось параллельно с собиранием других жанров курдского фольклора.

Хотя записи песен делались учеными, начиная с середины XIX в., но они не подвергались специальному изучению. На основе большого материала, собранного известным советским курдоведом А.Джинди и курдским ученым М.Мукри, можно проследить следующие темы, содержащиеся в курдской лирике.

В курдской народной лирической песне прошлого редко поется о счастливой любви; во многих песнях влюбленные жалуются на препятствия, создаваемые их браку. Родители, не считаясь с их

желаниями, решают вопрос о замужестве дочери, не выдают девушку за любимого, запрещают ей любить избранника, не разрешают встречаться с ним. Судьба юноши также зависела от старших, и он не мог жениться по любви из-за бедности или социального неравенства.

Единственное спасение от брака с нелюбимым – похищение, которое может коренным образом изменить судьбу юной курдянки.

Посватай меня у родителей,

Если отдадут, – хорошо,

Не отдадут, похить меня (Ф.К., 372).

Однако мечты влюбленных сбываются очень редко.

Особое место в песнях занимает клятва верности. Девушка клянется всю жизнь любить своего милого.

Если тебе будет сто тридцать лет,

А мне – сто пятьдесят,

/Все равно свое/ лицо с родинкой я вновь
приблужу к /твоим/ устам (Ф.К., 388).

Юноша дает зарок – если он не женится на любимой, то не женится ни на ком другом, пока будет жить на земле.

Измена – величайшее горе. Девушка горько упрекает своего возлюбленного, нарушившего слово; юноша сетует на лживые женские обещания: любимая клялась выйти за него замуж, но не сдержала слова.

Большую группу составляют песни, рассказывающие о разлуке влюбленных, обычно связанной с отъездом юноши на чужбину. Такие песни пронизаны чувством тоски по родине, привязанностью к родной земле.

До каких пор буду сидеть под тенью ивы,

До каких пор буду терпеть муки чужбины

(М., № 252).

Юноша тяжело переживает не только разлуку с любимой и родными, особенно тяготит его оторванность от родины – Курдистана. Покидая родные края, юноша обещает хранить верность, просит возлюбленную не забывать его, пока он находится в чужой стране. Тоскующая по любимому девушка остается ему верна.

Вот уже семь лет, как жду тебя (Ф.К., 401).

Во многих песнях звучит безысходность, неосуществленность мечты влюбленных, в других – проходит тема одиночества.

Увы, о горе, остался я один,

Моим жилищем стала разрушенная хижина
(М., № 120).

Юноша в одиночестве умирает в чужой стране от тоски по любимой, от разлуки, от несбыточности надежд.

Редко проходит тема возвращения с чужбины измученного странника.

В песнях затрагивается положение курдской женщины. Хотя по сравнению с другими женщинами Востока курдянка издавна пользовалась большей независимостью, однако в семье она не была совершенно свободна. Семейные песни раскрывают трагедию женщины, выданной замуж против ее воли. Обычно в них рассказывается о безрадостной судьбе красивой девушки, выданной замуж за старика, о презрении молодой жены к нелюбимому, постылому мужу. Остро переживается возрастное неравенство.

Не выдали за славного юношу,

Отдали гнусному мужу,

Не выдали за юношу — моего ровесника (Ф.К., 2II).

До конца своих дней курдянка не могла уже освободиться от тягостного брака. Даже если она любила другого, уйти от мужа по своей воле она не могла. Развод осуществлялся только по инициативе мужа, но он был "готов скорее умереть, но не дать развода".

В песнях слышится не только жалоба на жизненные невзгоды, но и протест. Героиня курдской песни не кроткая, безропотная, терпеливая страдальца, она борется и отстаивает свою любовь, ищет выход из невыносимого положения. "Прежняя любовь" постоянно воспевается в песнях. Воспоминание о любимом — святыня в жизни несчастной, насильственно выданной замуж женщины, она не забывает своего друга, мечтает о встрече с ним, надеется быть похищенной.

Юноша и после замужества девушки неотступно следует за ней. То он видит ее за пряхкой, то наблюдает, как она несет воду из родника и молит бога, чтобы сломалось коромысло, и она задержалась на некоторое время, то просит любимую прийти к нему на свидание к источнику, горюет, что она досталась другому и стремится ее похитить.

Тема тайного свидания широко использована в народных песнях. Обычно свидание сопряжено с опасностью для обоих (их подкарауливает свекровь, теща). Однако примечательно, что безудержная, самоотверженная любовь курдянки отличает во многих случаях ее образ от ее нерешительного, бездейственного избранника.

Таковы основные темы курдской лирической песни, выявленные

на сравнительно небольшом материале. Сбор новых песен и их дальнейшее изучение - дело будущего.

Тексты песен см.:

- Р.К. - Folkloru kurtmanca. Bêrêv kîrîn u hazîrkîrîn
H.Çandi u Z. Z'vdal. Jerevan, 1936.
- Ф.К. - Фолклора кюрманши. Нъвиси у һазъркър Н'. Щънди,
Ереван, 1957.
- М. - M.Mokri, Kurdish songs. With transliteration, Persian
translation and Glossary. Tehran, 1951.

С.Л.Невелова

О ПОНЯТИИ ФУНКЦИИ ПРИМЕНительно К ОПИСАНИЮ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПЕРВОГО ПОРЯДКА (БОГОВ).

1. Понятием функции (мифологической функции) обозначаем ту идейную нагрузку, которая выделяет данную мифологическую единицу в системе других. Конкретно под функцией персонажа или реалии подразумеваем характерную, определяющую черту образа, его символизм (напр., гандхарвы - небесные певцы и музыканты, Яма - бог смерти и правосудия, Гаруда - царь птиц и символ Вишну, Нандана - "Приют блаженства", небесная рожа).

2. Рассматривая мифологический персонаж (или реалию) как единицу мифологической системы, следует оговорить не абсолютный в применении к каждому случаю характер выдвигаемых этапов описания.

3. Одним из начальных моментов исследования следует, очевидно, признать выявление персонификации, определение того, что именно - какое явление или идею - олицетворяет собой данный персонаж (Яма - бог смерти, Брахма - творческая энергия, активность). Отметим при этом, что персонификация того или иного явления (идеи), если не совпадает полностью, то соотносится как часть с целым с мифологической функцией лица или разряда (Вишвакарман - олицетворение идеи небесного созидания в конкретной форме зодчего; ракшасы - разновидность сил зла, но их мифологическая функция шире - они еще и "хранители", например, при Кубере).

4. С выявлением (приблизительно) времени становления мифологического персонажа сопряжено проследивание эволюции его мифологической функции как основной причины трансформации образа (Варуна – от верховного стража миропорядка в ведах до назначительного эпического божества, владыки вод).

5. Опираясь понятием мифологической функции, мы отмечаем комплексный характер понятия, имея в виду наличие для данного текста (уровня) различных, но взаимосвязанных, вытекающих один из другого аспектов одной и той же функции (Варуна – эпический владыка вод и олицетворение одного из пяти "великих элементов"; Яма – бог смерти и вершитель правосудия). В ряде случаев однако более целесообразно говорить не столько об основном и побочном аспекте одной и той же функции, сколько об основной и побочной функции, поскольку в ходе эволюции того или иного персонажа аспекты его функции настолько разошлись, что связь их не является самоочевидной (Шива – божество разрушения и символ подвижничества; Индра – военный глава богов и тождественное Парджанье божество дождя).

5.1. Не выходя за пределы исследуемого текста (Мбх, III, 155–299), можно отметить, что функции основная и побочная, также как основной и побочный аспект функции, взаимозаменяемы соответственно задачам повествования (синхронная подмена). Речь идет о выдвигании на передний план той или иной стороны образа. Например, большинство эпизодов, связанных с Куберой, представляют его прежде всего как владыку, главу якшей и ракшасов, тогда как указания на его основную функцию бога богатств лишь косвенные (имена-эпитеты, функциональные имена, описание дворца и т.п.).

5.2. С аналогичным явлением встречаемся в плане диахронии: функция, которая является побочной, второстепенной в эпосе (связь Индры с дождем), в ином литературном слое (напр., в ведах) выступает как основная, существенная.

6. В пределах мифологической системы функция каждой единицы связана взаимодействием с функциями других единиц. Изменение функции данного персонажа влечет за собой эволюцию функций сопряженных с ним персонажей (разрядов, реалий). Так Шива – первоначально огонь в его устрашающем аспекте, и древняя легенда характеризует его как Разрушителя Трипуры ("Тройного города"). С течением времени Шива трансформируется в грозного бога разрушения, и, согласно общей тенденции воинского эпоса, название

Трипура переосмысливается в имя убитого Шивой демона (то же: Индра - Вала, или Бада). Пример иного рода: в ведах маруты - могучие боги-ветры, сопровождающие Индру. С падением значения Индры они становятся небесной параллелью вайшьев, божествами низшего ранга.

7. Затрагивая вопрос о параллелизме мифологических функций разных носителей, выделяем и здесь план синхронии (Яма - Дхарма, божества, в той или иной мере олицетворяющие идею правосудия) и план диахронии (Яма, Дхарма - Варуна), обращая при этом внимание на то обстоятельство, что сходство, пересечение мифологических функций является в конечном итоге причиной возможной **к о н т а м и н а ц и и** образов.

7.1. В зависимости от степени контаминации на уровне эпоса ее можно охарактеризовать как **ч а с т и ч н у ю** (равную подмене, напр., Индра - Парджанья, Брахма-Дхатри, Видхатри), или как **п о л н у ю** (слияние, идентификация, отождествление: Нараяна - Вишну; Савитар, Вивасван - Сурья).

7.2. Особым случаем параллелизма функций следует считать наличие в системе мифологических единиц эпоса так называемых антиподов-аналогов (Ману - Яма, Брихаспати - Ушанас, Вишвакарман - Мая, Адити - Дити). Эти пары связаны между собой не только сходством определенных аспектов функций (Ману и Яма - "исторически" прародители человечества, Брихаспати и Ушанас - наставники, творцы военного искусства, олицетворения планет, Мая и Вишвакарман - строители, зодчие), но и прямым их противопоставлением (Ману - первый из живущих, Яма - первый из умерших; Брихаспати, Вишвакарман, Адити принадлежат к миру богов, тогда как Ушанас, Мая, Дити, несущие сходные функции, относятся к миру демонов). Существование подобных мифологических фигур, параллельных в своих функциях, объясняется очевидно дуалистичностью противоположных миров: мир живущих и мертвых, мир богов и демонов. Сходство функций антиподов-аналогов не может поэтому завершиться идентификацией носителей.

К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ФАРИД АД-ДИНА 'АТТĀРА.

В научной ориенталистике по сей день остаются неустановленными многие факты творческой биографии Фарид ад-Дина 'Аттāра, прославленного персидского поэта и ученого, одного из крупнейших представителей суфизма (род.между 512/III8 и 537/II42 гг., ум.между 618/I221 и 628/I230 гг.).

Долгие годы странствий и подвижничества 'Аттāра способствовали возникновению различных преданий о нем еще при жизни.

Свидетельство традиции, приписывающей 'Аттāру произведение числом 114 (что "равны годам его жизни, соответствующим количеству коранических сур"; Даулатшāх, Нураллāх Шўштарӣ, Хидāйат) не внушает доверия. Лишь немногие из них дают основание предполагать авторство Фарид ад-Дина 'Аттāра (истории персидской литературы известны поэты, выступавшие под именем "Аттāр" в разное время). Таковыми являются поэмы - "Асрār нāме" ("Книга тайн"), "Илāхӣ нāме" ("Божественная книга"); "Панд нāме" ("Книга назиданий"), "Хусрау нāме" ("Сказание о Хосроу"), "Мусйбат нāме" ("Книга скорби"), "Мантйх ат-тайр" ("Язык птиц"), "Мухтār нāме" ("Избранная книга", четверостишия), поэтический сборник - диван и большой историко-биографический труд "Тазкират ал-авлийā" ("Жизнеописание святых")¹.

Первые попытки восстановить отдельные факты творческой биографии поэта были сделаны известными европейскими ориенталистами (Е.Вrowne, Е.Вlochet). Однако в своих исследованиях они опирались на крайне слабые в идейно-художественном отношении месневи - "Мазхар ал-'аджāйиб" ("Проявление чудес") и "Лисāн ал-'айб" ("Язык тайн"). Низкое качество этих произведений объяснялось "старческой слабостью" или погрешностями, связанными с чрезвычайной плодовитостью 'Аттāра. Однако эти аргументы не были приняты иранскими учеными (С.Нафисӣ, Фу'ад Рухāнӣ), считавшими недоказанной принадлежность этих произведений 'Аттāру, автору "Божественной книги".

Более заметные успехи в изучении творчества 'Аттāра были сделаны в последние годы советскими (Е.Э.Бертельс, А.Н.Болдырев, А.С.Брагинский, Н.Д.Миклухо-Маклай, А.Т.Тагирджанов и др.), а также зарубежными (Н.Рitter, J.Вурка) востоковедами,

в том числе иранскими (С.Нафисі, Б.Форӯзанфар) учеными. Эти исследования касаются различных вопросов творчества 'Аттāра, но построены на материале произведений ("Илāхī nāme", "Мантик ат-тайр", "Мусйбат nāme", "Хаййат nāme", "Болбол nāme", "Джаухар-и зāt" и "Тазкират ал-аулийā"), не дающих возможности воссоздать реальную историю жизни поэта.

Существует мнение, что "творчество 'Аттāра не дает никакого биографического материала" (J.Рурка). Тем не менее лирические произведения 'Аттāра – подлинные отзвуки его сложной жизни – дошли до нас в разных по полноте списках, оставаясь вне поля зрения исследователей.

В 1940 г. С.Нафисі были предприняты шаги к восстановлению и изданию дивана 'Аттāра на основе трех списков, принадлежащих государственным библиотекам Тегерана, Кабула и Лахорского университета. Однако впоследствии была обнаружена другая рукопись, принадлежащая М.Байнāи, которую он использовал для второй публикации (Тегеран, 1339/1961 г.) дивана, доводившей число лирических произведений поэта до 805 названий – касыд, газелей и строфических стихотворений – в общей сложности около десяти тысяч бейтов. При всем достоинстве работы крупнейшего иранского ученого, в ней оставались неучтенными известные рукописи дивана 'Аттāра, представленные крупнейшими каталогизированными книгохранилищами мира (Sprenger, Rieu, Ethé, Muqtadir, Ivanow), в том числе наш список объемом около четырех тысяч бейтов, содержащий десятки неизвестных стихотворений поэта². Более того, С.Нафисі исключил из своего издания варианты и разночтения стихов как "ненужные для массового читателя", лишив тем самым его научной основы. Что касается названного сборника "Мухтār nāme", содержащего более двух тысяч четверостиший и сгруппированных, по-видимому, самим поэтом, по тематическому принципу, то они еще ждут своего издателя³.

Творчество 'Аттāра-лирика примечательно не только как уникальный памятник персидского словесного искусства. Оно является своеобразным художественным комментарием к сложнейшим обстоятельствам жизни и идейным убеждениям поэта, которые послужили причиной бесконечных преследований его в мрачную эпоху восточного средневековья.

مسلمانان من آن گهرم که دین را خوار میدارم
مسلمانم پس خوانند و من ز نار میدارم

بستم خانقه را در، در میخانه بشودم
زی من نغمه میگیرم ز مسجد عار میدارم

О мусульмане, живу подобно гебру без веры я,
Мусульманином считаюсь, но ношу пояс неверия.
Отрекся я от бога, лишь в кабачок мне дорога,
Горжусь хмельным напитком, презираю молитву и бога.
(Диван, стр.195)

Объявляя себя гебром, 'Аттār видимо давал предпочтение нравственным принципам своих великих предков.

В диване Аттара представлены стихи различных периодов его жизни.

تا داده اند بوی عطار را از این می
عمرش درازتر شد عیشش از بزم تر آمد

С той поры, как 'Аттār вкусил этот напиток,
Стала дольше его жизнь, так и дни веселей.

(Диван, стр.98)

'Аттār был далек от придворной жизни и на этом основано пространное мнение о том, что "перо поэта не было осквернено панегирикой". Однако поэт не скрывает, что "опьяненный не отве- данным вином" иногда грешил дифирамбами в честь сильных мира се- го (бейты 413, 4037). По-видимому, эти стихи впоследствии им самим были уничтожены.

دلہم سیاہ شد از شعر مدح بیهودہ
ہمی ز ہرچہ شرعی است یارب استغفار

Сердце мое в отчаянии от песен хвалебных,
За слово недостойное прости, о боже!

(Диван, стр.145).

Географический диапазон поэзии 'Аттāra чрезвычайно широк и разнообразен. Он представляет не только свой родной край (Хорасан) с окружающими его селами и городами (Хаверан, Баболь, Ахваз, Демавенд, Керман и Тебриз). Поэт словно бродит по миру Средневековья от Индии и Китая до берегов Африки (Занзибар, Египет) и восточной Европы, размышляя о людях – иранце и туранце, арабе и курде, индусе и абиссинце (хабаш)... Порою он вступает в полемику с богами и пророками, мифическими героями и зороастрийскими жрецами. Созерцательность 'Аттāra вытекала из его земных

устремлений: глубже проникнуть в тайны природы, постичь смысл бытия, несовершенного и неустроенного.

Поэзия 'Аттāра оказала большое влияние на развитие философской лирики на Востоке. Его лирика была обусловлена социальными факторами современной ему эпохи, что делает для его творчество исторически значимым. Глубокая и всесторонняя оценка этого огромного художественного наследия поможет в разработке многих проблем истории персидской и таджикской литературы.

1) Более тридцати названий как подлинных, так и приписываемых 'Аттāру произведений в восьмидесяти списках вошло в состав УП выпуска "Описания таджикских и персидских рукописей ИВ АН СССР", выполненного нами в соавторстве с Э.Н.Ворожейкиной (находится в печати).

2) Рукопись ЛО ИВ АН СССР, шифр В I4I (I84a), IO3 л., выполнена четким почерком наста'лик на бумаге восточного производства с кремовым оттенком 2I ша'бāн I266/I августа I849 г. (переписчик Такй Техрāнй).

3) Среди каталогизированных рукописей "Muxṭār nāme" (Sprenger, Rieu, Ethé, Muqtadir, Ivanow, Arberry) рукопись A 85 (270) из фонда ЛО ИВ АН СССР, сделанная редким почерком насх на плотной восточной бумаге оранжевого оттенка, относится к одному из старейших списков - XIV в.

А.В.Пайкова

ЛЕГЕНДА О ЕВФИМИИ КАК ПАМЯТНИК СИРИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Когда говорят о сирийской художественной литературе, почти всегда делают оговорку, что таковой в чистом виде не существует, что можно отмечать лишь отдельные беллетристические элементы в произведениях исторического, агиографического характера и др., что выделение художественных сочинений из общей массы памятников сирийской письменности просто невозможно.

Несостоятельность этого суждения можно продемонстрировать на примере трех сирийских сочинений, относящихся к разным литературным жанрам, но составляющих своеобразный литературных триптих:

на одном полюсе - хроника Иешу Стилита, сочинение исторического плана, хорошо известное по работе Н.В.Пигулевской "Месопотамия на рубеже V-VI веков", на другом - агиографический рассказ о деяниях мучеников Гурия, Шамуны (и Хабиба) и между ними - легенда о Евфимии, представляющая сложное соединение элементов как первого, так и второго.

Хроника Иешу Стилита повествует о событиях из истории Месопотамии V-VI веков: бесконечные войны, эпидемии чумы, землетрясения, неурожаи, голод - вот испытания, выпавшие на долю населения этих областей. В значительной части - это краткие погодные записи, содержащие лишь сообщения о событиях, однако часто от простой информации автор переходит к попытке изображения событий, и в этих случаях можно говорить о принадлежности отдельных отрывков к жанрам художественной литературы.

Этот переход от краткой хроникальной записи к описанию событий - лишь первый шаг на пути к созданию художественной прозы, основной и важнейшей особенностью которой является ее сюжетность.

Обратимся теперь к житию святых Гурия и Шамуны. Житие написано в традиционном стиле, характерном для этого рода литературы. Подробное описание канонической схемы жития-мучения дано исследователями на материале древнерусской и византийской литератур (В.П.Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI-XIII вв. В кн. Истоки русской беллетристики, Л., 1970, X.М.Допарев. Греческие жития святых VIII и IX веков, ч.I., Пгр., 1914).

Все моменты, зафиксированные в этой схеме, можно выделить и в нашем сочинении, за исключением посмертных чудес.

Жития, возникавшие в огромных количествах, удовлетворяли в какой-то степени и потребность в беллетристическом чтении, так как несмотря на их церковно-ритуальное назначение и схематичность повествования, читатель находил в них и определенную психологическую разработку характеров, и описание волнующих событий, и чисто беллетристические отрывки. Однако и эти беллетризованные сочинения, ввиду их особых прагматических функций, лежат вне сферы художественной литературы.

Рассмотрим далее легенду о Евфимии, которую исследователи (издатель текста Ф.Но, О.Геххардт и др.) относят к агиографической литературе, по-видимому на основании того, что в состав

ее включен эпизод, где действуют святые. Однако эпизод этот, так же как и молитвы, обращенные к святым, являются как бы вторым, не главным, не существенным слоем повествования; освободившись от этого слоя, легенда ничего не теряет ни в своей логической завершенности, ни в силе эмоционального воздействия.

В рукописи наша легенда представлена в соответствующем окружении, рядом с другими житийными текстами (См. F. Nau. *Hagiographie syriaque. Revue de l'Orient chrétien*, tome V (XV), Paris, 1910).

Тем не менее, нам представляется возможным выделить ее из этой среды как чисто художественное произведение, отвечающее всем установленным критериям.

Повесть о Евфимии, как нам кажется, возникла под влиянием хроники Иешу Стилита в той ее части, где он повествует о бедствиях, постигших Эдессу в связи с нашествием гуннов, и сетует, что не в состоянии описать всего, ибо "мучения, которые испытывал каждый отдельный человек, таковы, что могли быть описаны в длинных историях..." (Н.В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V-VI веков, М.-Л., 1940, стр. 165).

Одной из таких историй и является повесть о Евфимии. О том, что автор ее читал хронику Иешу Стилита и, может быть, даже имел ее под рукой, свидетельствует начало повести, почти дословно совпадающее с записью Иешу Стилита, только несколько шире раскрывая ее. Однако дальнейшее повествование автора хроники лишь намечает тему, которая в повести находит полное художественное воплощение. На фоне исторических событий, описанных в хронике, действуют герои, конкретные образы которых и сложные взаимоотношения друг с другом – плод художественного вымысла автора. Вымышлены герои, вымышлены их имена, причем выбор имен – здесь художественный прием для характеристики персонажей: Евфимия – пользующаяся доброй славой, благочестивая (для добродетельной героини, каковой автор и представляет ее на протяжении всего повествования), София – мудрая (для ее матери, женщины осторожной и предусмотрительной).

Важно отметить, что исследователи древнерусской литературы рассматривают появление "героя с вымышленным именем и вымышленной биографией", так называемого "бытового человека", "безвестного, ничем в исторической жизни страны не примечательного" в отличие от "исторической личности", как новый этап в развитии

литературы, "в ее движении к реалистическому вымыслу". (Д.С.Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. В кн. Человек в литературе древней Руси, М., 1970, стр. III, II3).

Такие обычные "средние" люди действуют и в нашей повести, правда, действуют подчас в не совсем обычных условиях. Так, оказавшись на чужбине, завлеченная вероломным готом и вынужденная совершить преступление, Евфимия замурована в могильном склепе в ожидании мучительной гибели.

С точки зрения современного читателя, здесь имеет место полная завершенность повествования и вряд ли можно ожидать какого-либо нового поворота событий. Однако не следует забывать, что средневековая литература была в основе своей литературой назидательной. (Дидактический характер ей придавали библейские цитаты, разного рода нравоучительные сентенции и примеры из жизни святых, а также проповедь идеи о торжестве справедливости). Поэтому автор не считал возможным оставить свою добродетельную героиню в ее бедственном положении. Чтобы выйти из затруднения, он использует уже готовое сочинение — знакомое нам житие Гурия и Шамуны — и вплетает его в свое повествование.

Замурованная в склепе, Евфимия обращается с молитвой к святым, и они чудесным образом за одну ночь переносят ее на родину в Эдессу.

Здесь используется, — может быть, неосознанно — прием, который получил широкое распространение в античной трагедии и известен под названием "*deus ex machina*" ("Бог из машины"): когда сюжет заходит в тупик и автор не знает, что делать с героями дальше, он вводит в действие какого-нибудь мифического бога, который приводит пьесу к благополучной развязке.

Как уже отмечалось ранее, легенда отражает реальные исторические события, однако изложены они не в их подлинной временной последовательности, а произвольно, в соответствии с требованиями развития сюжета, что характерно для произведений художественной литературы.

Таким образом, повесть о Евфимии, написанная на темы исторической хроники Иешу Стилита, но отличная от нее своей сюжетностью, является как бы иллюстрацией к ней, представляя законченное художественное произведение с вымышленными героями, яркой характеристикой образов, с большим вниманием к организации

прямой речи как выразительному средству этой характеристики, с преобразованием хронологической последовательности исторических событий. Являясь как бы продолжением жития Гурия и Шамуны, так как именно в рамках повести они совершают свое посмертное чудо, повесть не совпадает с житием ни по характеру изложения, ни по конечным практическим целям. Если одно из произведений представляет собой описание традиционного мученичества со всеми характерными для агиографии особенностями, то другое – бытовая повесть с авантурным занимательным сюжетом.

Итак, рассмотренные сочинения составляют единую цепь из трех звеньев, и в слиянии исторического и агиографического повествований следует, по-видимому, искать истоки беллетристических жанров в сирийской литературе. Сирийской литературе суждено было угаснуть прежде, чем эти жанры оформились окончательно, однако предпосылки для их развития несомненно имелись.

Э.Русинова

"ПИСЬМА АРМЯНИНА ИЗ ИРЛАНДИИ ДРУЗЬЯМ В ТРАПЕЗУНДЕ".

В литературе середины XVIII века эпистолярный роман стал одним из самых распространенных жанров. Восточный колорит часто привлекал писателей эпохи Просвещения возможностью скрыть свои подлинные убеждения, "под покровом вымысла представляя опытному глазу какую-нибудь истину" (Вольтер). Критика общественных устоев исходила в литературе этого рода от путешественника-чужестранца, ставшего излюбленным героем литературы того времени.

С конца XVII и на протяжении XVIII века увидело свет немало выдающихся произведений, созданных в жанре эпистолярного романа и оказавших заметное влияние на литературу и общественную жизнь последующей поры. В перечне этих произведений одно из первых мест принадлежит сочинению гётевца Джованни Паоло Мараны "Письма турецкого шпиона при дворах европейских государей" (Амстердам, 1684), неоднократно переводившемуся на многие европейские языки.

Эпистолярный жанр был популярен и в Англии, где еще в 1711 г. Стиль и Аддисон в журнале "Зритель" опубликовали вымышленные письма четырех индийских правителей, которые при отъезде из

Лондона забыли, якобы, захватить с собой связку писем, оказавшихся сатирическими заметками о нравах английской столицы. Это произведение имело успех, вызвало множество подражаний и под-сказало, по мнению специалистов, Монтескье замисел его знаменитых "Персидских писем". В свое время были популярны и "Письма мавра из Лондона другу в Тунисе" (1736), "Китайские письма" Д'Аржанса (1741), много раз переиздававшийся небольшой памфлет О.Уолполя "Письмо Ксо-Хо, китайского философа в Лондоне, своему другу Лиен Чи в Пекине", помещенный в английском журнале "Еже-месячное обозрение" (1757). В числе значительных произведений этого рода — известное сочинение О.Гольдсмита "Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, друзьям на Востоке".

Среди обширного круга просветительской литературы, вызвавшей интерес исследователей, анонимная сатира "Письма армянина из Ирландии друзьям в Трапезунде", опубликованная в Лондоне в 1757 г., осталась почти незамеченной. По своей значимости, кругу затронутых проблем, глубине их освещения, общественной позиции автора "Письма армянина из Ирландии", разумеется, не могут быть поставлены в один ряд с "Персидскими письмами" Монтескье или "Гражданином мира" Гольдсмита. Произведение это тем не менее вызвало отклик современников и не лишено интереса.

Центральной фигурой "Писем армянина" является их автор — Аза, который вместе со своим другом Селимом путешествует по Англии и Ирландии и описывает дорожные впечатления в 29 письмах друзьям и родственникам в Трапезунде. В небольшой по объему книге патристически настроенный автор, поборник свободы, справедливости и просвещения, затрагивает много существенных для Ирландии XVIII в. проблем. Жанр эпистолярного романа дает возможность анонимному автору показать нравы в восприятии путешественника-иностранца, которому все изъяны жизни общества, далекого от круга его привычных представлений, были более очевидны, чем тем, кто сталкивался с ними постоянно. Герой романа открыто выражает свое мнение, он сохраняет независимость суждений. Попав в Европу из страны с другим жизненным укладом, Аза ярче воспринимает и смело осуждает все особенности и "странности" европейского образа жизни, государственного управления, жестоких законов и порядков, царящих в обществе. С позиций прямодушного

и наблюдательного "естественного" человека, жителя "отсталой", нецивилизованной страны, автор "Писем армянина из Ирландии" критикует законы и нравы, высмеивает предрассудки и ханжество, пропагандирует свои общественно-политические взгляды. Общительный Аза завязывает в Ирландии дружеские связи, позволяющие ему хорошо познакомиться с жизнью страны. Заседания Парламента напоминают ему театральные представления, но красноречие ораторов, пустословие, лишь убеждает в их полной неспособности вершить судьбы страны. Он понимает, что все самые высокие посты в государстве занимают отъявленные мошенники, а король правит при помощи продажных чиновников с такой жестокостью, которая во много раз превосходит деспотизм любого восточного тирана. Но свобода — неотъемлемое право человека и автор уверен, что ирландцам удастся ее отвоевать.

Роман вызвал отклик, и в том же году в журнале "Ежемесячное обозрение" появилась рецензия на "Письма армянина из Ирландии", принадлежавшая перу О.Гольдсмита. Рецензент упрекал автора в слишком поверхностном знании жизни Востока. Он писал, что, хотя в качестве объекта для сатирических нападков и выбраны такие моменты в жизни Ирландии, которые могли бы показаться интересными мнимым азиатским корреспондентам, тем не менее писатель слишком выдает себя, вдаваясь в детали политической жизни Ирландии, мало интересные жителям Османской Порты. Однако Гольдсмит отмечает определенные параллели в политическом положении обеих стран, цитируя одно из писем, где идет речь о бесправии армян в Османской Турции и положении ирландских крестьян, разоряемых и согоняемых с земли английскими лендлордами. Основное достоинство романа автор рецензии видит в том, что "сатирический обзор исходит от азиата, и в этом есть горькая истина и сила сатиры, которую она потеряет, если будет принадлежать европейцу".

Выбор героя-рассказчика "Писем армянина из Ирландии" представляется нам не совсем случайным фактом, который можно было бы объяснить "модой" в литературе XVIII в. на восточные сюжеты, когда турки, мавры, персы и китайцы наводнили страницы журналов и книг. Армяне были достаточно известны в Европе. Начиная с 1600 г., когда один из первых англичан, посетивших Армению, Джон Картрайт оставил нам ставшее теперь уникальным описание

обычаев и нравов этих мест, Армения и армяне все чаще появляются в европейской печати и упоминаются в литературных произведениях. Во Франции армянские мотивы и сюжеты вводят в свои произведения Скаррон, Корнель, Монтескье и Мольер. В Англии в начале XVIII в. знаменитые драматурги Бомонт и Флетчер показывают при дворе сына Марии Стюарт Якова I пьесу "Король и не-король", сюжет которой, как предполагают, был им подсказан кем-то из армян, обосновавшихся в Лондоне.

В свое время в науке выдвигалось предположение о генетическом сходстве ирландцев и армян. Специалистов еще и сейчас продолжают занимать поразительная близость характера резьбы по камню в Ирландии и Армении, оформления пограничных знаков, орнаментовки рукописей. "Сходство, — заметил И.А.Орбели, — настолько велико, что не будь соответственных надписей на этих памятниках, фотографии их можно было бы смешать". Некоторые загадки родства определенных культурных явлений этих стран еще и сейчас не решены окончательно. В романе "Письма армянина из Ирландии" критика устройства жизни далекого от Турции острова принадлежит уроженцу Армении, страны, судьба которой в составе Османской империи имела много общего с судьбой ирландцев в составе Великобритании, а взаимопроникновение культур этих двух народов уходит своими корнями вглубь истории.

Использованная литература:

1. Letters from an Armenian in Ireland to his Friends at Trebisonde. London, 1757.
2. The Monthly Review or Literary Journal. London, 1757, v.XVII, August, с.150-154.
3. Are the Irish and the Armenians racial cousins? (Massis, v.II, N 1, p.24).
4. Gove, P.B.
The imaginary voyage in Prose Fiction (from 1700-1800). N.Y., 1941.
5. MacIer, F.
La France et l'Arménie à travers l'art et l'histoire. Paris, 1917, с.21.
6. Алейникова, Н.Н.
Литературные источники "Персидских писем" Монтескье. (Ученые зап.Кустанайск.гос.пед.ин-та, 1961, т.УП).

ТИБЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ХУП в.
(некоторые общие вопросы)

Процесс преодоления феодальной раздробленности и конфессиональной разобщенности Тибета завершился к середине ХУП в., когда монголы оккупировали Тибет и подавили сопротивление установлению гегемонии секты Гелуг-па ("Желтошапочная"). Это вызвало у Гелуг-па стремление к систематизации, канонизации и широкому распространению собственного вероучения в качестве общегосударственного мировоззрения и сделало ее общетибетским литературным центром.

Тибетский литературный язык в это время продолжает оставаться языком письменных памятников, установившимся в основных своих чертах в предшествующий период (более всего, в ХІУ-ХУІ вв.). Этот язык в первую очередь — язык религиозно-философской литературы, которая создается теперь, чаще всего, в среде секты Гелуг-па. Письменный литературный язык все более усложняется, так как увеличивается количество слов, теряющих свое конкретное значение и передающих абстрактно-отвлеченные понятия, которые тесно связаны с буддийской символикой. Усложняется и синтаксис (увеличивается длина фраз, которые все чаще вступают в сложно-подчиненные связи). Стиль изложения по сравнению с ХІІІ-ХУІ вв. более риторически "приподнят", больше оснащается почти стандартизированной системой образов, сравнений, эпитетов, популярных афоризмов, цитатами из основополагающих трактатов, в значительной мере входящих в буддийский канон. В литературе ХУП в. несколько усиливается индивидуальность речи, но различия между авторскими стилями выражены все еще слабее, чем различия стилей отдельных жанров, т.е. стилевые различия имеют главным образом жанровый характер. Это связано с общим уровнем развития тибетской литературы.

Человек, как и раньше, характеризуется только теми "деяниями", которые помогают ему вступить на "путь освобождения от страданий". Его идеальный, статичный образ — назидательный пример для подражания. Чувства человека, его внутренний мир — не объект литературы. Отсутствует и пейзаж. Таким образом, тибетская литература продолжает оставаться литературой средневековой, преимущественно — религиозно-дидактической.

Религиозно-философская литература создается теперь сравнительно узким кругом авторов, большая часть которых принадлежала к секте Гелуг-па. Крупнейшим писателем из числа тех, кто не входил в Гелуг-па, был Кунга Ньинг-по или Таранатха (род.в 1575 г.). Он изучал тантрические учения и комментировал сочинения этого круга (например, Калачакра-тантру со всеми ее ответвлениями), проповедуя традиции использования в практике буддийской литургии тантрического "достижения совершенства и освобождения от страданий" с помощью магических заклинаний. Он объяснял, например, значение и смысл литургического символизма и показывал, как различные варианты магических изображений и звуков заклинаний способствуют постижению разных вариантов истины, т.е. разнообразных путей к "освобождению от страданий".

Если Таранатха более всего был увлечен экзегезой эзотерических разделов буддийского учения, то наиболее известные писатели Гелуг-па (1-й Панчен-лама, 1570-1662; 5-й Далай-лама, 1617-1682; 1-й Джанджа-хутухта, 1642-1714; 1-й Джамджан-шадпа, 1648-1722; 2-й Панчен-лама, 1663-1737) в целях содействия укреплению идеологических позиций своей секты изучали и пропагандировали учение о "ступенях совершенствования на пути освобождения от страданий" (лам-рим), составляющее важнейшую часть эзотерического раздела теоретического багажа Гелуг-па. Главным в деле "освобождения от страданий" Гелуг-па считала "святые деяния", не отрицая и большой роли мистических обрядов и заклинаний.

Композиция религиозно-философских трактатов ХУП в., отличаясь значительной стройностью, последовательностью построения, связана с композицией комментируемых сочинений, многие из которых входят в буддийский канон.

Благодаря широкому распространению переводной буддийской литературы и религиозного образования (некоторые тексты из канона заучивались наизусть), явно усиливается влияние языка религиозно-философских трактатов на язык письменности.

Исторические сочинения в ХУП в. создавались почти исключительно крупными деятелями и писателями Гелуг-па, которые названы выше. Основное место в исторической литературе занимают "истории буддизма", комментирующие развитие буддийского учения с точки зрения Гелуг-па и объявляющие ее интерпретацию махаянского буддизма наиболее истинной. Во второй половине ХУП в. появляются

сочинения, посвященные истории уже одной Гелуг-па, деятельность которой описывается в апологетических, высокопарно-риторических тонах.

Политической истории Тибета посвятил свою "Историю царских родословных" (1643 г.) 5-й Далай-лама. Композиционный стержень повествования – родословная царей и царских династий Тибета, которая по традиции возводится к царским династиям Северной Индии. Изложение кончается на событиях, очевидцем которых был автор. Он недвусмысленно провозглашает справедливыми и законными претензии Гелуг-па на оформляющуюся гегемонию. Кроме того, 5-й Далай-лама одобряет помощь монгольских войск, которые, по его мнению, помогли устранить анархию и междоусобную борьбу (подчас – кровопролитную) и установить необходимый порядок и законность. Эта помощь, как он считает, содействовала победе "истинного" буддийского учения, которое полнее всего выражено в вероучении Гелуг-па.

В исторических сочинениях выделяются два стиля изложения событий и "деяний" героев: хроникальный, деловито-сдержанный, оформляющий простое сообщение о случившемся; и летописный, более эмоциональный, "приподнятый", с включением подробных описаний, часто почерпнутых из легенд и преданий.

Большинство биографических произведений XVII в. создавалось на основе реальных фактов жизни и деятельности героев повествования, но, по-прежнему, главный критерий при отборе событий – их буддийская значимость. Биографии, как и раньше, создают нормативные, статичные, предельно идеализированные образы своих героев, вся жизнь и деятельность которых очень тесно связана с буддизмом. Композиция произведений строится чаще всего согласно хронологии жизни и "деяний" героев. Наблюдается такое же, как и в исторических сочинениях, сочетание лаконичного стиля изложения с более эмоциональным (в восхвалениях, благопожеланиях и т.д.).

Объединение Тибета в XVII в. повлекло за собой расцвет официальной переписки и оформление ее литературного стиля. Наиболее яркий представитель делового стиля – 5-й Далай-лама, которому принадлежит множество указов, обращений, директивных посланий и писем к духовным и светским феодальным кругам Тибета, Монголии и Китая. Стиль изложения у него – точен и деловит, но нередко также ярок и образен, насыщен так называемым "языком вежливости",

основное качество которого – употребление почтительных оборотов речи, получивших к тому времени большое распространение.

Таким образом, в ХУП в. происходит более четкое разделение стилей письменного литературного языка по традиционным и вновь образующимся жанрам.

М.А.Салахетдинова

ХАФИЗ-И ТАНЫШ И ПОЭТ НАХЛИ

В научной литературе существует мнение о том, что Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари, автор исторического труда "Шараф-намай-и Шахи" (или "Абдулла-наме"), посвященного Шейбаниду Абдулла-хану II (1583–1598) и Нахли, придворный поэт Аштарханида Имамкули-хана (1611–1642) – одно и то же лицо. Это положение, высказанное составителями каталога рукописей АН Узб.ССР (См. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1954, № 1418), позже безоговорочно повторялось многими авторами, писавшими о Хафиз-и Таныше или о поэте Нахли, как установившийся факт. Появились даже специальные работы, посвященные жизни и творчеству Хафиз-и Таныша и Нахли, рассматриваемых как одно лицо (Н. Сайфиев, Нахли и его творчество, автореферат канд. дис., Самарканд, 1963; Б. Ахмедов, Қ. Муниров, Хофиз Таныш Бухорий, Тошкент, 1963).

Известно, что историк Хафиз-и Таныш был и поэтом и, по словам его современника Мир Саййида Мухаммеда, уже в 18 лет имел диван своих стихов (Б. Ахмедов, Қ. Муниров, ук. соч., стр. 55). Этот диван до сих пор не обнаружен. Не исключена возможность, что часть стихов из дивана вошла в сочинение "Шараф-намай-и Шахи", пересыпанное стихотворными вставками, в частности, разного рода стихами самого автора, в числе которых имеются и написанные еще до составления "Шараф-намай-и Шахи". Так например, в это сочинение включена касыда, написанная автором в 1560 г. по случаю восшествия на престол Искандар-хана (отца Абдулла-хана II) и представленная хану. В некоторых своих стихах, вставленных в "Шараф-намай-и Шахи", Хафиз-и Таныш приводит свой псевдоним – Нахли. Примером может служить стих из касыды, в котором

автор, обращаясь к Абдулла-хану, говорит:

نخلی از درج خیال آنچه نثار تو نمود
پیش صراف سخت قدر که پیدا شد

Перевод:

То, что Нахли рассыпал для тебя из шкатулки мысли,
/То/ для ценителя слова приобрело достоинство жемчуга.

Хасан Нисари Бухари в своей антологии поэтов "Музакир ал-Ахбаб", составленной в 1566 г., рассказывая о поэте Нахли, по всей вероятности имеет в виду Хафиз-и Таныша. Он повествует о Нахли в III разделе III главы антологии, где речь идет о поэтах, еще не достигших старости, живущих в Бухаре и лично знакомых автору антологии (Рукопись ИВ АН СССР В 4020, стр.126-127). Если учесть, что Хафиз-и Таныш еще 1560 г. преподнес Искандар-хану свою касиду, а также слова Мир Сайида Мухаммеда о том, что у Хафиза Таныша уже в 18 лет был диван написанных им стихов, то есть основание утверждать, что в 1566 году (когда составлена антология Хасана Нисари) Хафиз-и Таныш был уже известным поэтом, по крайней мере в Бухаре, и потому должен был войти в эту антологию.

Однако, то обстоятельство, что Хафиз-и Таныш писал стихи под псевдонимом Нахли, еще не дает достаточного основания отождествить его с поэтом Нахли, находившимся при дворе Имамкули-хана.

Точные даты жизни Хафиз-и Таныша неизвестны, о них высказываются лишь различного рода предположения. Так, предполагается, что он родился в 1549 году (Хафиз Таниш ибн Мир Мухаммад Бухорий, Абдулломома, т. I, Ташкент, 1966, стр. II), что совершенно невозможно, ибо противоречит словам самого Хафиз-и Таныша о том, что он написал и преподнес касиду Искандар-хану в дни восшествия его на престол, т.е. в 1560 г. (не мог же он сделать это в II летнем возрасте, а если бы это случилось, то было бы как-то оговорено). Названный факт (составление касиды Хафиз-и Танышем в 1560 г.) позволяет передвинуть предполагаемое время рождения Хафиз-и Таныша к 30 годам XVI века.

Мухаммед Юсуф Мунши в "Тарих-и Муким-хани" (нач. XVII в.) приводит рассказ о том, как два придворных поэта Имамкули-хана - Нахли и Тураби - прочитали перед ханом свои стихи в присутствии поэта Хакима Хазика, прибывшего в качестве посла от Великого

Могола Джехангира. Это имело место в 1626 году, за год до смерти Джехангира (Мухаммед Юсуф Мунши, Муким-ханская история, перевод А.А.Семенова, Ташкент, 1956, стр.90). Если допустить, что в данном рассказе под Нахли подразумевается Хафиз-и Таныш, то ему было бы около 90 лет.

Мир Мухаммед Тахир Насрабади в составленной им антологии поэтов "Тазкирай-и Насрабади" (начало составления 1083/1672-73г.) сообщает, что поэт Нахли некоторое время служил при дворе Имамкули-хана, после смерти которого переселился в Балх и там скончался. Имамкули-хан умер ок.1644 года и переживший его поэт Нахли, если бы он был Хафиз-и Танышем, достиг бы примерно 110 лет. Одно это обстоятельство вызывает сомнения и должно удерживать исследователей от категорического отождествления Хафиз-и Таныша с поэтом XVII века Нахли. Правильнее будет предположить, что мы имеем дело с двумя разными лицами, имевшими один и тот же поэтический псевдоним – Нахли.

Л.П.Смирнова

ЗАМЕТКИ О КУЛЬТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ИСФАХАНА (1969)¹.

Исфахан – один из крупнейших и древнейших городов Ирана – известен не только своими замечательными историко-архитектурными памятниками и ремеслами, но и как один из важных культурных центров Ирана.

Во время работы в качестве переводчика в Исфахане автор имел возможность ознакомиться с местной прессой, с деятельностью функционирующих в городе литературных обществ, с театральной жизнью.

1. Пресса: а) г а з е т ы, издаются частными лицами и проходят строгую цензуру, рабочих газет нет²:

"Исфахан" (осн.1941-2), отв.ред., автор большей части материалов – Амир-Голи Амини, видный общественный деятель, собиратель и популяризатор иранского фольклора³; "Моджахед" (осн.1949), кон-
цессионер и отв.ред. – Али Моджахед; "Мокрам" (осн.1953 г. ныне покойным Мохаммадом Мокрамом, известным общественным деятелем и поэтом; после его смерти издавалась его дочерью, Форугоз

Заман Мокрам, закрыта в ноябре 1969 г.)⁴; "Оулийае Исфакан" (осн. 1947-8) концес. и отв. ред. - Али Реза Оулийа; "Рахе Наджат" (осн. 1917 г.) Ибрахимом Рахе Наджат, ныне концес. и отв. ред. - его сын, Наджатоллах Рахе Наджат⁵); "Сетареие Исфакан" (осн. 1949), концес. и отв. ред. - Асадоллах Миханхах; "Хабархайте руз" (осн. 1956-7), концес. и отв. ред. - Хасан Незами; "Хайате Исфакан" (осн. 1958), концес. и отв. ред. - д-р Абдол Хосейн Мохаййа.

Направление газет, обозначенное в их титре: "общественно-политическая" ("Исфакан", "Хабархайте руз"), "общественно-политическая и литературная" ("Мокрам", "Оулийа", "Сетаре"), "независимая общественно-политическая и литературно-критическая" ("Рахе Наджат"), "политическая" ("Моджахед"). "Хайате Исфакан" - политический и научно-медицинский орган одной из влиятельнейших партий сегодняшнего Ирана, близкой к правящим кругам, "Иране новин".

Страницы исфаканских газет заполняют главным образом местные материалы социально-экономического, реже культурного характера, объявления различных министерств и ведомств, а также рекламы. "Моджахед" наряду с местной хроникой освещает главные события зарубежной жизни, интересна своими историко-культурными материалами. "Сетаре", судя по объявлениям и публикуемым материалам, ориентирована на военные круги и духовенство. Литературные материалы в газетах сводятся к публикации одного-двух стихотворений. Только "Оулийа" имеет специальную литературную страницу. Эта газета издается под наблюдением редколлегии, в которую входят несколько известных писателей Исфакана; ответственным за литературный материал является поэт Мортеза Эфтехар Ширази.

Газеты - одинакового формата, отличаются между собой количеством страниц и внешним оформлением. "Исфакан" - ежедневная утренняя газета, "Хабархайте руз" выходит два раза, остальные - один раз в неделю. "Исфакан", "Оулийа", "Моджахед" имеют собственные типографии, другие газеты печатаются в типографиях "Джавид" и "Иран".

б) ж у р н а л ы:

Бюллетень городского муниципалитета (Карнамеие шахрдарийе Исфакан)

"Сетареие Исфакан", ежемесячное литературное приложение к одноименной газете. Первый номер журнала помечен июнем 1968 г.,

открывает его биография Максима Горького, принадлежащая перу Джахангира Шейбани, генерального секретаря и литературного редактора журнала. В большом количестве публикуются в журнале переводные стихи и рассказы (Гарсия Лорка, Эллиота, Тагора); персидские стихи, помещаемые в журнале, — стихи нового направления таких поэтов, как Нима Юшидж, Ахмад Шамлу, Форуг Фаррохзад, Фаридун Таваллали, Фаридун Мошири.

В Тегеране выходит еще два журнала, публикуемых исфаханцами: еженедельник филологического направления "Вахид" (ред. Сейфоллах Вахид Нийа) и общественно-политический еженедельник "Сепахан" (ред. Хосейн Мо'тамади). Тематика обоих журналов почти целиком — культурная и общественная жизнь Исфахана.

2. Литература, литературные общества. Из писателей-прозаиков наиболее известно имя Хошанга Голшири, автора сборника рассказов "Как всегда". Ведущее место в литературе по-прежнему остается за поэзией. Поэтов много, в своем большинстве они сохранили приверженность к поэтической классике. Наиболее популярны в народе Остад Сагир (ум. в авг. 1970) и "поэт народа" Акбар Джамшиди. Все поэты традиционного направления объединены сегодня в четыре литературных общества: "Исфахан", "Незами" ("Базме адабийе хакиме Незами"), "Са'ди" и "Школа Са'еба"⁶. За исключением "Школы Са'еба" все общества имеют полуофициальный характер. Из них самое молодое — общество "Незами" (председатель Джалал Берджис "Форуг", поэт, директор государственной начальной и средней школ "Форуг", а также одноименного училища для взрослых. Ранее в течение многих лет был председателем литературного общества имени Камала Исма'ила). Общество "Незами" во всем основном копирует работу "Школы Са'еба", с той только разницей, что здесь читается и осваивается диван Незами.

Общества "Исфахан" (пред. Мохаммад Сийаси) и "Са'ди" (пред. Ахмад Гафурзаде "Талаи") скорее напоминают литературный клуб, в котором собираются поэты-единомышленники, чтобы познакомить коллег со своими новыми произведениями.

Литературные собрания "Школы Са'еба", обществ "Незами" и "Исфахан" посещает в основном один и тот же круг лиц. В обществе "Са'ди" участвуют преимущественно молодые поэты. В начале собраний звучит известное двустишие Са'ди, девиз общества, — "Бани

адам - а'зайе Йекдигар-анд ке дар афаринеш зе Йек гоухар-анд", после чего в музыкальном сопровождении флейты исполняются стихи присутствующих поэтов.

Принимая во внимание трудности, связанные с печатанием книг в Иране, и прежде всего их высокой себестоимостью и малым тиражом, литературные собрания приобретают особую важность для популяризации поэтами их творчества.

Среди представителей "новой поэзии" выделяется Мохаммад Хогуги, автор двух стихотворных сборников: "Зимние сезоны" и "Углы и орбиты", получивших высокую оценку рецензентов (Тахер Ноуканд, Манучехр Нистани, газ. "Айандеган", 1969). Поэты нового направления издают совместный периодический сборник "Джонге Исфahan" (вышло семь номеров), пользующийся большим спросом у читателей⁷.

3. Т е а т р ы. В 1969 г. в Исфahanе было три театральных коллектива: труппа Архам Садра, театр "Исфahan" и труппа им.Хатэфа.

Театр "Исфahan" - стационарный, имеет свое помещение. По своему репертуару и характеру игры продолжает традицию народных театров Ирана. Представления, рассчитанные на невзыскательную публику, идут ежедневно и состоят из двух программ. Одна включает короткие водевили на любовно-бытовые темы, сопровождаемые эротическими танцами и легкими эстрадными песнями; другая - пьесу комедийного плана драматурга театра.

По настоящему серьезным является театр Архам Садра, нечто вроде нашего театра драмы и комедии. Театр дает представления ежевечерне в помещении, арендуемом у кинотеатра "Парс", и пользуется большим успехом у самых широких слоев публики. Игра Архам Садра - театральное событие, смотреть ее приезжают из разных городов Ирана. Архам Садр - не только талантливый актер и руководитель театрального коллектива, но и крупный общественный деятель (он - председатель страхового общества, на его средства построена одна из самых больших больниц Исфahanа "Мехреган").

Репертуар театра обновляется примерно раз в полгода. В 1969 г. на его сцене шли две комедийно-сатирические пьесы местного драматурга Мехди Момайезана "Росвах" ("Позорящие") и "Мо'джезие оми" ("Чудо надежды"), остроумно высмеивающие одна - врачей-нарлатанов, другая - закоснелость нравов в иранской семье.

Театральная труппа им.Хатефа в связи с праздником иранского искусства и культуры поставила на сцене "Бродягу Аюля", пьесу, написанную Мехди Момайезаном по мотивам одноименной новеллы Садега Хедаята. Исполнители – молодые актеры, учащиеся художественного училища при отделе культуры и искусства г.Исфахана.

В заключение – некоторые цифровые данные за 1969 г.:

в Исфаханском остане было 46 библиотек, значительная часть которых приходится на г.Исфахан. Крупнейшие из них: "Фарханг", б-ка литературного ф-та Исфаханского университета и б-ка городского муниципалитета⁸;

в Исфахане была издана 61 книга;

было около 15 книжно-канцелярских магазинов и мелких лавок, наиболее солидные из них: "Та'йид", "Маш'ал" и "Сагафи". В них широко представлена современная художественная персидская литература, коллиаты поэтов-классиков, словари, учебная литература. Книги по филологии, истории и географии Ирана из-за отсутствия сбыта представлены слабо.

1) Опубликованная в последнем номере журнала "Рахнемайе кетаб" статья Дустхаха является полезным дополнением к нашим заметкам, см.Джалиле Дустхах, Мохите фарханги ве адабийе Есфахан. – "Rahnema-ye ketab", 1349 (1970), vol.13, No 5-7, с.348-356.

2) Пресса Исфахана до 1941 г. нашла отражение в обстоятельном труде М.С.Хашеми "Та'рихе джараид ва маджаллате Иран", I-IV, Исфахан, 1328-32; новая работа по истории иранской прессы Солхджу Джехангира "Та'рихе метбуате Иран ва джахан" (Тегеран, 1348) нам не была доступна.

3) Хашеми, I, стр.73.

4) Хашеми (III, II7-19) упоминает издававшуюся Мокрамом в 1920-41 гг. "Седайе Исфахан".

5) Упомянута Хашеми (II, 313-17), который характеризует ее как газету прорабочей ориентации. Не раз подвергалась аресту за свои резкие статьи против произвола предпринимателей Исфахана. В настоящее время эту ориентацию газета утратила.

6) Данному обществу нами посвящена отдельная статья, см.также А.З.Розенфельд, Литературные впечатления и встречи (Иран, октябрь 1968). – "Народы Азии и Африки", 1969, № 4, стр.238; Л.Смирнова, Литературное общество "Мактабе Са'еб" в Исфахане. – "УИ Всесоюзная

конференция по актуальным проблемам иранской филологии (Тезисы докладов)", Тбилиси, 1970, стр.144-45.

7) См. также Мохите фарханги, с.351-353.

8) О б-ах Исфахана, в том числе частных, см. Мохите фарханги, с.354.

К. Чиллаев

О ПЕРЕДАТЧИКАХ ДАСТАНА "АБУ МУСЛИМ-НАМЕ" ПО РУКОПИСЯМ ЛЕНИНГРАДСКИХ СОБРАНИЙ

1. Вопрос об авторстве так называемых народных дастанов (dāstānх-и 'āmīyāne) является сложным и малоисследованным¹. Если обратиться к одному из таких дастанов, Абу Муслим-наме, то тексты различных рукописей его убеждают в том, что передатчики (равй) использовали различные версии или варианты предания об Абу Муслиме при составлении дастанов. Так, в рукописи ЛО ИВ АН СССР с 2445², л.182а читаем:

بروایتی گفته اند که از ابوترابی بودند از
ایشان مروان خبر داشت گفت توبت برایشان ایلغر فرستاد ایلغر کی مروان را
عکست داد. بودند برایشان بسی نیامده بود ناچار بحال ایشان مانده بود بروایت
دیگر گفته اند که مروان از حال ایشان خبردار شد ایشان بیعت نکردند اما خیزی
می دادند مروان بر این قناعت کرده بود که ایشان گویا در بیعت منه بروایتی
محب بودند اما از حال ایشان خبر نداشت همه استادان همین را قبول کردند

"По одной версии, говорят, что [хорезмийцы] были сторонниками Абу Тураба (Али). Марван знал о них и семь раз посылал на них войска, однако, они разбили войска Марвана и он не смог одолеть их и, поневоле, оставил в покое. По другой версии, говорят, что Марван узнал о них, но они не присягнули ему, однако платили ему дань. Марван удовлетворился этим, считая будто они в его подчинении. По другой версии они были "возлюбившими"³, но Марван не знал об их положении; все авторитеты сходятся на этом".

2. Обычно авторство дастана "Абу Муслим-наме" приписывается Абӯ Тахиру б. Хусайн б. 'Али б. Мӯса Тартӯсӣ (или Тарсӯсӣ). Как

автор упоминается он и в наших рукописях. В рукописи С I28 фонда ЛО ИВ⁴, в стихотворном предисловии (л.2а) приводится форма طاہر سرگزى. Далее, в этой же рукописи встречаются следующие варианты этого имени: л.3б - ابو طاہر بن حسین بن علی بن موسی طرطوسی; лл.64б, I24б, 2IIб, 270б, 457б, 488б, 552б - ابو طاہر بن حسین بن علی بن موسی طرطوسی; лл.369б, 424б - ابو طاہر بن حسین بن علی بن موسی.

В остальных трёх рукописях этого фонда С I29, С 2430, С 2445)⁵ и одной рукописи собрания Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (Ханыков 43) приводятся следующие варианты имени Абу Тахира: С 2430 - ابو طاہر تروسی; С I29 - حکیم ابو طاہر تروسی; С 2445 - حکیم ابن ابو طاہر تروسی; Ханыков 43 - حکیم ابو طاہر.

3. Однако, наряду с Тартуси в качестве передатчиков этого дастана в ряде рукописей упоминаются и другие лица. Так, в рукописи С 2445, л.1а упомянуто сразу пять передатчиков: راویان اخبار و ناقلان آثار و محدثان داستان بوستان کهن... یعنی شام اعلا و طلحه ابن زریخ ضیای نخشب و حکیم ابن ابو طاہر تروسی و خواجہ محمد علیہم الرحمة روایت میکنند

"Передатчики вестей и повествователи древних памятников и рассказчики сада древности сказаний, а именно, по имени А'лā и Талха ибн Зарних, Зийā-йи Нахшабӣ и Хаким ибн Абӯ Тāхир Тарсӯшӣ и Х'аджа Мухаммад, да будет благо им, рассказывают..."

Насколько можно судить, в научной литературе еще не отмечен тот факт, что в ряду авторов этого дастана числится и известный персональный индийский писатель Зийāуддин Нахшабӣ (умер в 1350 г.)⁶. Его отношение к дастану "Абу Муслим-наме" пока остается не выясненным и можно лишь предполагать, что имя этого писателя включено в ряд рави из-за близости тематики его творчества в народной литературе. Ведь его "Тути-наме", "Гулрез", возможно, занимали не последнее место в репертуаре рассказчиков (киссах^{Ван}).

Х'аджа Мухаммад в качестве рави упоминается в рукописи Ханыков 43 (л.1б), С I29 (л.1б), С 2445 (л.1а). Однако, неполная форма имени этого рави лишает нас возможности достоверно установить его личность. Деххода в качестве автора одной версии дастана об Абу Муслиме - "Ахбār-и Абӣ Муслим-и Сāхиб ад-да'ват" упоминает Мухаммада ибн 'Имрāн Марзбāнӣ. Одно ли лицо Мухаммад Марзбани и Хаджа Мухаммад, утверждать пока невозможно.

Двое из традиционно называемых "рави" дастана оказываются одновременно и действующими лицами самого дастана – А'лā и Талха сыновья Зарниха. Согласно тексту дастана братья А'лā и Талха занимали должность муншй – писцов в войске Абу Муслима. В рукописи Ханыков 43 они называются "писателями" (нависанда):

ای شهریار
چهار ذوالاب نام شهر است از آن پدر ماست در آنجا محب بسیار
است پدر ما از برای شما آن قلعه را طیار کرده است دو نویسنده خود را
آنجا مانده است اعلاى زرنج و طلحه زرنج نام دارند (1245)

"О государь, есть город, который называется Чахар-зулаб и он принадлежит нашему отцу. Там много "возлюбившихся". Наш отец приготовил эту крепость для вас и оставил там двух своих "писателей" по имени А'лā сын Зарниха и Талха сын Зарниха". Однако, их имена тоже приводятся в различных формах:

طلحه زرنج، اعلاى زرنج - Ханыков 43 ; طلحه زرنج، اعلاى زرنج - C 128
اعلاى و طلحه ابنى زرنج - C 2445 ; طلحه زرنج، اعلاى زرنج - C 129

Почти в самом начале дастана их имена встречаются только в рукописи Ханыков 43. В других рукописях знакомство с ними происходит одновременно – когда их доставляет к Хорезмшаху Мухаммаду ибн Дауд его племянник Мизраб-шах. В рукописи C 128, на л. 274а приводятся следующие строки:

اعلاى زرنج تمام حالات
امير ابو مسلم را نوشت و در آن نوشتن پرگناه ضعیف محنت آن [؟]
اولا [ب] خود میآهت برادرش طلحه زرنج قلم میگرفت

"Алā Зарних написал все о положении амира Абу Муслима и когда при этом он, вследствие перенесенных лишений, изнемогал, за перо брался его брат Талха Зарних". Далее они фигурируют во всех случаях, когда Абу Муслиму необходимо составить какое-либо послание.

На основе каких источников им приписывается авторство дастана, нам не известно, однако нельзя исключать возможность того, что они были реальными лицами и одними из первых, кто начал распространять легенды об Абу Муслиме.

I) В большинстве посвященных дастанам работ основное внимание уделено не вопросам их авторства, а содержанию; ряд передат-

чиков дастана об Абу Муслиме перечислен в работе I.Melicoff, Abu Muslim le "porte-hache" du Khorassan dans la tradition epique turko-iraniene, Paris, 1962, стр.31.

2) Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии СССР (краткий алфавитный каталог). М., 1964, ч.I, стр.417, № 3223.

3) Мухиб(б) - сторонник дома Мухаммада, приверженец аббасидской партии движения Абу Муслима.

4) Краткий каталог, стр.416, № 3218.

5) Краткий каталог, стр.416, № 3219, 3222; стр.417 № 3223.

6) См. о нем: А.Алимардонов, Зияуддин Нахшаби и его "Тути-наме" (автореферат кандид.дисс. на соискание уч.ст. канд.филол. наук), Душанбе, 1970.

7) ع. دهخدا، لغت نامه، ابوسعید - اثبات، تهران، ص ۷۱۴-۸۳۶

ИУ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.Н.Боголюбов

ИРАНСКОЕ НАРЕЧИЕ *azdā* В АРАМЕЙСКОМ.

Древнеиранское наречие *azdā* "известный" может быть названо также несклоняющимся или несогласующимся страдательным причастием. В арамейском ему соответствовало страдательное причастие *uḏu* от *YD* "знать", как об этом можно судить на основании выражения *kn uḏu uḥwu lk* "да будет тебе известно" (Письма Аршама УП 8, Дан.3:18), которое, как отметил Бенвенист (J.А.,242, р.305), отвечает древнеперсидскому обороту **avaḏātay azdā biyā*.

С тем же значением "известный" иран.*azdā* было усвоено в арамейский язык, о чем свидетельствует идеограмма 𐤌𐤕𐤍, с помощью которой в среднеперсидской письменности передавали ср.=перс. *azd* "известный".

По своему лексическому содержанию наречие/причастие *azdā* было нейтрально по отношению к древнеиранским залогам и означало одновременно "известный (себе)" и "известный (другому)". Залоговые значения, равно как и значения переходности, проявлялись в глаголе *kar*= "делать", с которым *azdā* образовывало лексикализованное словосочетание типа сложного глагола. Словосочетание *azdā kar*= получало значение "усваивать" при спряжении по среднему залогу, ср. др.=перс.*daršam azdā kušva* "крепко усвой". Нет древнеиранского примера на спряжение *azdā kar*= в действительном залоге. Но о том, что *azdā kar*= в действительном залоге означало "ознакомлять", "осведомлять", "объявлять", мы

узнаем из парфянского примера: 'zd qryd 'w šymwn "сделайте известным - объявите Симону" и из сложных слов, напр.: согд.= христ. 'zt'qr= "проповедник".

Вне спряжения также и сочетание *azdā kar=* оставалось нейтральным по отношению к залогам и переходности. Поэтому сложное слово др.-иран. *azdākar* совмещало значения "узнающий" и "осведомляющий". Оно встречается в арамейском тексте папируса плохой сохранности (Cowley, I7:5, 7), его контекст не достаточен, чтобы определить, означают ли в нем 'zdkr' , 'zdkry' "следователь", "следователи" или "осведомитель", "осведомители". По мере утраты глаголом *kar=* способности выражать лексические значения *azdā kar=* "узнавать", "усваивать" и "осведомлять", "оповещать" посредством форм спряжения, эта функция переходит к *azdā* за которым закрепляются либо значения "узнанный", "усвоенный", "выученный", как в афганском *zda kawāi* "учить", "изучать", либо значения "объявленный", как в согдийском, ср.: *ušw' mšyū' xurt* ('yzt'qry') 'yzt' qt'rt' "Иисус Христос свое (возвешение) возвестил (объявленным сделал)".

Иран. *azdā* в арамейских текстах засвидетельствовано дважды, в Страсбургском папирусе (27:8) и в Книге Даниила (2:5, 8). Во фразе, содержащейся в Книге Даниила - *millētā minnī 'azdā - 'azdā minnī millētā* - нет глагола. Это затруднило понимание текста и он получил различные толкования, начиная с греческих: *ὁ λόγος ἀπ' ἐμοῦ ἀπέσθη; ἀπέσθη ἀπ' ἐμοῦ τὸ πῶμα (τὸ ῥῆμα)*. За 'zd в переводах Страсбургского папируса закрепилось значение имени существительного "inquiry", "information", "Nachricht". Такое толкование 'zd основано на том, что в предложении *hn 'zd yt'bd mn dnyū* оно исполняет роль подлежащего. Однако, если мы не будем отделять 'zd yt'bd в этом предложении от древнеперсидского словосочетания *azdā kar=* и представим 'zd yt'bd как сложный глагол, то мы будем вынуждены рассматривать предложение *hn 'zd yt'bd mn dnyū* как неполное, лишенное подлежащего. Подразумеваемым подлежащим в нем является имя со значением "слово", "дело", "событие", но не *millētā*, поскольку последнее относится к именам женского рода, а имеющее указанные значения *ptēm'* (иран. заимств.) - имя мужского рода, с которым согласована форма *yt'bd*. Предложение *hn 'zd yt'bd mn dnyū* переведем

следующим образом: "если дело будет расследовано судьями". Так понимал это место П.К.Коковцов (см.: Б.А.Тураев, История Древнего Востока, т.П, с.219 – "если дело будет разузнано"). Конечно, поскольку *azdā kar=* в зависимости от личной формы давало и возвратное и каузативное значения: "разузнать", "расследовать" и "уведомить", "объявить", тогда как в *'zd ut'bd* эти отношения не проявлены, то для *hn 'zd ut'bd mn dūnu'* не исключен также перевод "если (дело, о деле) будет сообщено судьями". Только более широкий контекст документа заставляет остановиться на первом переводе: "если дело будет расследовано". Также и в выборе значений для *'azdā* при переводе указанного места из Книги Даниила исходят из расширенного контекста и придают *'azdā* значения "decree", "publicly known".

Арам. *'ZDN* (идг.) продолжает собственно словарное значение иранского *azdā*. В арамейских сочетаниях *'azdā* с глаголом *'BD* "делать", в которых *'azdā* означает "узнанный" и др. и "объявленный" и др., отразилось древнеиранское противопоставление форм от *azdā kar=* в системе среднего и активного залогов.

А.М.Газов-Гинзберг

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ КАК УНИВЕРСАЛИЯ (на примере сочетания *b/p... (m)b/p*)

Данный этюд призван показать, насколько универсальна звуковая символика по крайней мере некоторых сочетаний фонем. Мы коснемся здесь не только простейших случаев (звукоподражание), но и звуко-символического обозначения весьма отвлеченных понятий (форм и т.д.). Мы утверждаем, например, что для корней с содержанием группы *b/p... (m)b/p* (привлекая и слоговой повтор, если он не грамматический) в различных языковых семьях можно дать общий список наиболее частых значений:

І. Лица: 1. "Отец (папа)", реже "дед", "бабка", реже "дядя", "тетка" и т.д. 2. "Ребенок"; 3. "Безумец, глупец"; 4. "Немой"; "заика"; "беззубый". І'. Подобию лиц: 1. "Кукла", 2. "Бука".

ІІ. Ряд животных по свойственным им звукам: звери мычащие ("бык") и блеющие; птицы «ухажющие» и пищащие; «гудящие» насе-

комне; бабочка по ее порханию. П'. Ряд сосущих членистоногих (из жестов губ, щек).

Ш. Формы (из жестов губ, щек): 1. Шар; округлые, выпуклые предметы (и процесс округления); 2. Труба.

IV. Ряд явлений природы: источник (подражание бульканию); ветер (дуновение).

У. Еда и (мягкая) пища; питье; слюна.

UI. Речь, болтовня.

Конечно, можно добавить ряд более редких значений (напр., жалоба типа "бобо"; дрожь /губ/), а также ряд простейших, не столь интересных звукоподражаний.

Рассмотрим несколько из этих значений, привлекая основные языки 10 крупнейших семей мира: индоевропейской (ИЕ), семито-хамитской (СХ), тюркской (Т), угрофинской (УФ), банту (Б), дравидской (Д), малайско-полинезийской (М), китайско-тибетской (К), японского (Я) и корейского (Кор) языков.

I. Названия степеней родства ("детские слова") многократно рассматривались; напомним лишь, что слова *pap(a)*, *bab(a)* "отец" отмечены не менее чем в 7 из 10 семей, а без начального *p/b* — еще в 2, и только в Я., видимо, отсутствуют; слова типа "дитя" не менее чем в 4 из 10.

Интересно сочетание *b... (m)b* в значении "безумец, глупец" не менее чем в 6-7 из 10 семей: ИЕ (англ. *booby*, исп., порт. *bobo*, *baboso*, ит. *babbuoso*, *bamboccio* и т.п.), СХ (ар. *babba*), УФ (венг. *bamba*), Б (суах. *m-pimbavu*), М (индон. *bebal*, тагал. *bobo* /< исп. ?/), К (дунг. *бэбэ*); ср. также Т (тур. *böğ*; *böğ*-*böğ* "глупо"). Этимология может быть троякой: "бормотун", "слонтяй" или "надутый".

Значение "немой" отмечено нами реже: ИЕ (греч. *βουβός*), СХ (хауса *bebe*), Б (суах. *buvi*); чаще согласный назализован (*m...m*).

II. Звукоподражательные названия животных часто рассматривались (напр. лат. *bubo*, *урира* и аналогии к ним); существует статья (W. Oehl) о символических названиях бабочки. Интересно обозначение сосущих (видимо, через жесты вытягивания губ или надувания) насекомых: М (индон. *bubuk* "долгоносик") и паукообразных: СХ (хауса *bubuwa* "клещ"), Б (суах. *buibui* "паук"), ср. также картвельскую семью (груз. *oboba* = иебр. *obobwa* "паук").

III. Особенно интересна символика отвлеченных форм.

1. Обозначение шаровидности (из жеста надувания губ и щек).

Удивительны совпадения группы *b...mb* в значении "шар": ИЕ (латыш. *bumba* и др.), Т (тув. *бембук* == монг. *бэмбуге*), ср. Б (суах. *bumba* "ком", "сверток"); а также "выпуклый": ИЕ (фр. *bombé* и др.), Я (*bamben*, < кит. *x2?*). В К. отмечено лишь грамматическое удвоение соответствующих корней (кит. *bāu* "сверток", "колоб" и т.п. *x2* → дунг. *бобо-р* "узелок", "шарик" и т.п.). Дадим несколько примеров на конкретные предметы:

"Почка, бутон" – по крайней мере в 5–6 из 10 семей: ИЕ (рус. диал. *пупыш*, лит., латыш. *pupur-* [p/b], рум. *bobos*, новогреч. *βαβου* и др.), СХ (ар. *fūf* < **pār*), Т (тат. *бәбәк*), Уф (венг. *bimbó*), К (дунг. *бобо-р* == кит. *bāu*), ср. М (индон. *pupus* "росток"). Ср. также "почка", как орган тела (тур. *böbrek*).

"Глазное яблоко", "зрачок": ИЕ (лат. *pupilla*, перс. *būbūk*, ср. англ. *por-eyed*), СХ (ар. *bu'bu'*, евр. *bāba*, сир. *bōbō*), Т (тур. *bebek*, тат. *бәбә(нә)к*); ср. также М (индон. *bokor* "опухший глаз").

2. Обозначение формы трубы (из жеста вытягивания губ в трубку, но возможно и подражание звуку трубы) менее широко: ИЕ (ср. англ. *pump*, исп. *bomba* и т.д. "помпа"?), СХ (ар. *umbūb*, евр. *abbāb*, ахм. *bwambwa*, *bomba*), Б (суах. *bomba* / < ИЕ? < СХ? /), М (индон. *bumbung*); чаще лишь начало 'на *b, p*. Гораздо шире обозначение тонкой трубки сочетанием *pīr*; но здесь часто возможно заимствование из англ. *pipe*.

За недостатком места мы не можем рассмотреть здесь прочих упомянутых значений.

Мы пробовали, пользуясь алфавитным словарем (разделы *b*, *p*), просматривать корни с содержанием указанного сочетания (исключая грамматические повторы, а также заимствования) в различных неродственных языках и убеждались, что весьма значительный процент этих корней (нередко подавляющее большинство) не выходит за рамки данного выше списка значений.

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ
НЕКОТОРЫХ ТУРЕЦКИХ И СТАРОАНАТОЛИЙСКО-ТЮРКСКИХ ИМЕННЫХ ФОРМ.

В утвердившейся в турецком языкознании точке зрения, согласно которой аффиксы *-li* и *-siz* во всех случаях являются словообразовательными аффиксами прилагательных, можно усмотреть некоторую непоследовательность. Наряду с прилагательными типа *gönlüsiz* 'скромный, кроткий, доступный', у которых можно констатировать наличие чисто адъективных значений и даже полисемию и которые включаются в словарь, с этим аффиксом широко употребляются также формы, которые имеют характер функционально свободных образований типа *bensiz* 'без меня', *mehtemsiz* 'без Мехмеда'. Если прилагательные названного типа противопоставляются прилагательным с аффиксом *-li*, например, *gönlülü* 'добровольный, влюбленный, желающий', то формы типа *bensiz* являются грамматическими антонимами форм с последлогом *ile* и аффиксом *-la/-le*, например, *benim ile* (*benimle*) 'со мной'. Формы типа *bensiz* отличаются высокой факультативностью, окказиональностью и в отличие от прилагательных с *-siz* в словарь не заносятся. Это позволяет считать их словоизменительными формами имени.

Таким образом, образования с аффиксом *-siz* входят не только в ряд прилагательных (т.е. в словообразовательный ряд), но и в ряд словоизменительных форм имени:

-li словообразовательный ряд *-siz* словоизменительный ряд *-la, ile*

Формы с аффиксом *-la/-le* выражают совместность, соучастие и инструмент, орудие, средство совершения действия (см. А.Н.Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.-Л., 1956, § 666). Эти значения сближают его с якутскими "орудийным" и "совместным", с хакасским "творительно-совместным" падежами (см. Э.В.Севортян, Категория падежа, ИСГТЯ, ч.2. Морфология, М., 1956, стр.62-63) и с финскими "комитативом" и "инструктивом" (см. Д.В.Бубрих, Историческая морфология финского языка, М.-Л., 1955, §§ 6, 7).

Прецедент рассмотрения именных форм с *-la/-le* в качестве падежных (*Instrumental*) мы имеем, например, в статье М.Мансуроглу о староанатолийско-турецком языке (М.Мансуроглу, Das Alto-

amanische, РЫТФ, I, стр.168), где это однако не получило теоретического обоснования.

Словоизменительные формы с *-siz* можно сравнить с близким по значению "абессивом" финского языка (Д.В.Бубрих, Ук.соч., § 32). М.Мансуроглу в названной статье также включает в список падежей так называемый "приватив", образуемый с помощью аффикса *-siz*.

Ярким примером падежного употребления аффикса *-siz* являются староанатолийско-туркские формы, в которых этот аффикс присоединен к именам, снабженным аффиксом принадлежности, и в которых совершенно невозможно усмотреть какого-либо развития адъективных значений, например: *amur bujrugunsuz* 'без его приказа', *sānün sōhbētünsiz* 'без общения с тобой' (Примеры см. Т. Banguoğlu, *Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar*, Breslau, 1938, стр.138).

Жан Дени писал, что аффикс *-siz* в османском языке имел тенденцию превратиться в падежный показатель, но этот процесс, по его словам, прекратился в XVI в. Основанием для падежной трактовки форм, о которых идет речь, ему служил чисто внешний факт — появление /n/ перед аффиксом *-siz*, присоединяемым к словам с аффиксом принадлежности 3-го лица (что характерно для склонения таких слов вообще). (J. Deny, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1911, §§ 881, 917).

Представляется, что функциональный подход дает больше оснований для падежной трактовки рассматриваемых форм с *-siz* (не только в староанатолийском, но и в турецком языке) и современных форм с *-la*. Он позволяет увидеть, что формы с *-siz* входят как в словообразовательный, так и в словоизменительный ряд. Наиболее ясно это видно лишь на типичных, "крайних" примерах, подобных приведенным. В ряде же случаев придется признать, что образования с *-siz* имеют двойственную грамматическую природу.

Развитие падежных форм с *-la/-le* из сочетаний имени с послелогом *ile* представляет собой пример прямого развития синтетической формы из аналитической. Это явление, по-видимому, играло и играет в турецком языке значительную роль: ср. например, развитие глагольных форм из сложновербальных конструкций. Здесь уместно напомнить мысль Ж.Дени о том, что аффикс *-den*, например, мог быть первоначально отдельным послелогом, но в настоящее время он представляет собой только показатель аблатива (J. Deny, ук.соч., § 917).

Проблема соотношения словообразовательных и словоизменительных свойств форм представляется очень важной. Отмеченная грамматическая двойственность характерна для многих других форм. Ср. например, явно словоизменительное использование аффикса -lu в староанатолийском: *Sān bu mizağlu kišisin* 'ты - человек с таким характером' (A. Zajączkowski, *Studja nad językiem staroanatojskim I. Kalila i Dimna. Kraków, 1934, стр. 43*) или аффикса -lik в узбекском языке: қўғозлиғини кўрдим, қандай қўғоз деб сўраётиман - 'Вижу, что это бумага, я спрашиваю, какая это бумага' (С. Айни) (С. Н. Иванов, *Модальная связка экан и форма эканлик в узбекском языке, - сб. "История и филология стран Востока" (УЗЛГУ № 256, сер. востоков. наук, вып. 7), 1958, стр. 145*). Изучение этого явления в синхронном плане дает возможность правильно объяснить функциональные особенности форм, наблюдения над этими явлениями в диахронии помогают яснее видеть тенденции развития грамматического строя языка. Так, например, допустимо предположение, что в турецком языке аффикс -li, обладавший ранее словоизменительными свойствами, специализировался на выполнении словообразовательной функции образования прилагательных.

И. М. Дунаевская

О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ РАЗМЕЩЕНИИ ГРУПП ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ХАТТСКОГО ГЛАГОЛА.

Префиксальные показатели хаттского глагола имеют, как было выяснено автором, постоянную последовательность^I. Это наблюдение в настоящее время может быть уточнено. Как оказалось, для хаттских префиксальных показателей может быть выявлена последовательность двух порядков: **п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь**
г р у п п п о к а з а т е л е й, а в пределах каждой из этих групп - **п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь о т д е л ь н ы х**
п о к а з а т е л е й. Иными словами, хаттские глагольные префиксы имеют постоянные позиции в пределах групп, а группы глагольных префиксов в свою очередь выстраиваются в постоянной последовательности по отношению друг к другу. Если места в этой последовательности нумеровать в направлении от корня к началу

слова (как мы нумеровали позиции отдельных префиксальных показателей)², то вслед за элементами типа превербов, стоящими непосредственно перед корнем³, первой окажется группа объекта, состоящая из показателя объекта (1-я позиция) и показателя его локативной характеристики (2-я позиция); 2-я группа - это группа субъекта, состоящая из показателя субъекта (3-я позиция), показателей его рефлексивной характеристики (4-я позиция) и локативной характеристики (5-я позиция); 3-я группа - группа показателей, характеризующих действие как желательное (6-я позиция) или запрещенное (7-я позиция).

Объединение префиксальных показателей в группы нуждается в дополнительной проработке по текстам, но и сейчас оно является единственным пока объяснением присутствия локативных показателей в трех положениях - перед корнем (в составе основы), в группе объекта и в группе субъекта. Предлагаемая группировка открывает также новую возможность лучше проникнуть в соотношение значений многочисленных хаттских глагольных префиксов.

1) И.М. Дунаевская, Принципы структуры хаттского (протохаттского) глагола, "Переднеазиатский сборник", Москва 1961, стр.57-159. Точка зрения автора принята А.Камменхубер, Das Hattische, Handbuch der Orientalistik, 1.Abt.Bd.II. 2,Lfg.6, 1969.

2) Такой порядок предпочтителен по ряду соображений, в частности, потому, что такой была, очевидно, генетическая последовательность появления хаттских глагольных показателей.

3) Эти элементы как словообразовательные не должны рассматриваться в качестве префиксов, так как последние являются показателями словоизменения. Соответственно место словообразовательных элементов, по сути дела входящих в основу глагола, не идет в счет при нумерации префиксальных позиций.

О НЕКОТОРЫХ ОТКЛОНЕНИЯХ ОТ НОРМ ТИВЕРИАДСКОЙ
ВОКАЛИЗАЦИИ В РУКОПИСИ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО
СОЧИНЕНИЯ "МЁ'ОР 'АЙИН".

(Рукопись ГПБ 1208 г., П Собр.Фирк.евр.П А 132, I).

Грамматические примеры в сочинении "Мё'ор 'айин" снабжены знаками тивериадской системы вокализации. Графические знаки других систем огласовок, т.е. палестинских, вавилонских и самаритянской, или графические следы других систем в рукописи не обнаружены. Можно предположить, что и сам автор этого сочинения снабдил свои грамматические примеры именно тивериадскими гласными, ибо он, судя по сочинению, был приверженцем этой системы. В тексте "Мё'ор 'айин" многократно упомянуты названия гласных: сегёл (ε) (גִּיּוֹ, вариантом служит גִּיּוֹר וְגִיּוֹר וְשִׁוּ); патах (א) (אֵלֶּךְ, вариантом служит арабская форма אֵלֶּךְ); цёрй (е) (עֵינַי (!), вариантами служат עֵינַי וְעֵינַי וְשִׁוּ, עֵינַי וְשִׁוּ); қамец (â) (אֵלֶּךְ, вариантами служат арамейская форма אֵלֶּךְ и арабская форма אֵלֶּךְ). Взамен термина אֵלֶּךְ (о) (хӧлем), который знали Са'адия Га'он и Йехӯда Хаййӯдж (X в.), в нашем сочинении используется только термин אֵלֶּךְ אֵלֶּךְ. Взамен термина אֵלֶּךְ (і) (хӧреқ), который также применял Са'адия Га'он, здесь упомянут термин אֵלֶּךְ אֵלֶּךְ и его вариант אֵלֶּךְ. Гласная "u" (долгая и краткая) обозначается в "Мё'ор 'айин" малоизвестным термином אֵלֶּךְ. Первые шесть терминов показывают, что речь идет о тивериадских гласных. (См. Н.Bauer, P.Leander, Historische Grammatik der hebräischen Sprache des Alten Testaments, s.98). До нас не дошли главы "Мё'ор 'айин", специально посвященные вопросам вокализации. Но в главе о структуре слова (Л, 20^б, стк.10) автор перечисляет семь гласных знаков в следующем порядке: אֵ אִ אֶ אֹ אֻ אֻּ אֻּּ; в разделе о взаимозависимости форм различных категорий глагола (Л, Ia, стк.23-24) перечисляются те же гласные, хотя и в несколько измененном порядке: אֵ אִ אֶ אֹ אֻ אֻּ אֻּּ. Подобные ряды семи гласных являются особенно-стью тивериадской системы вокализации (См. K.Levy, Zur masoretischen Grammatik, Stuttgart, 1936, стр. 1, 3). Тем не менее, несмотря на трехкратное утверждение тивериадской системы, при

ее реализации в данной рукописи были допущены "ошибки" и отклонения.

Пятый тип "спряжения" знака נָפַח включает формы корня נִפְחַח , который автор считает двухсогласным; в качестве формы נִפְחַח автор дает נִפְחַח (Л. 11а, 15), хотя такой формы у тивериадских масоретов не зафиксировано. Масоретская форма — נִפְחַח и נִפְחַח (nif pf pl), т.е. автор (или писец?) поставил гласную כֶּמֶץ (ā) взамен гласной פָּתַח (a). Третий тип "спряжения" знака נִפְחַח включает формы корня נִפְחַח : формой נִפְחַח автор считает נִפְחַח с гласной כֶּמֶץ (Л. 13а, стк. 21), хотя נִפְחַח у масоретов зафиксировано 10 раз, но только с гласной פָּתַח : נִפְחַח . Здесь также гласная כֶּמֶץ заменила масоретскую форму с гласной פָּתַח . В этом же спряжении приводится форма נִפְחַח , хотя у масоретов зафиксирована נִפְחַח , т.е. гласная סֶגוֹל (ē) заменила гласную כֶּרֶם (e). Первый тип "спряжения" знака נִפְחַח включает формы корня נִפְחַח , который автор считает двухсогласным, а в качестве формы נִפְחַח приводится נִפְחַח (Л. 12б, стк. 13), хотя у тивериадских масоретов дважды зафиксирована форма נִפְחַח (nif impf), т.е. в рукописи имеется гласная כֶּרֶם взамен зафиксированной гласной סֶגוֹל .

Общеизвестно, что тивериадская система вокализации была принята почти во всех еврейских и караимских коллективах, но она не смогла, однако, унифицировать произношение. Со времен караимского писателя Киркисани (937 г.) известно также, что древнееврейское произношение в странах христианской Европы не знало различия между гласными כֶּמֶץ (ā) и פָּתַח (a), так же как между гласной סֶגוֹל (ē) и כֶּרֶם (e). (См. נִפְחַח נִפְחַח נִפְחַח נִפְחַח נִפְחַח). По существу в этих странах звучали лишь пять гласных фонем древнееврейского языка. "Правильное", т.е. нормативное произношение всех семи гласных тивериадской системы вокализации было известно лишь в Палестине и в некоторых странах Северной Африки. Любопытно, что в другом уникальном ленинградском сочинении караимской грамматической школы, написанном на арабском языке в Иерусалиме, по-видимому, во второй половине XI в. (см. нашу статью: Восточная школа еврейских грамматиков в X–XIII вв., — "Семитские языки" вып. 2, часть 2, изд. 2^е, стр. 768–770), в аналогичных глагольных формах таких отклонений от тивериадской нормы вокализации нет.

В этой рукописи мы читаем: *ḥp ḥp, ḥp ḥp ḥp ḥp*, т.е. первые три формы совпадают с тивериадской нормой, а четвертой формы в парадигме нет (см. II Собр.Фирк.Евр.араб. I сер. № 259I лл.48а и 60б). Не касаясь здесь сложного и совершенно неизученного вопроса о грамматических формах в этом сочинении, заметим лишь, что иерусалимская рукопись в указанных трех случаях фиксирует тивериадскую норму, тогда как рукопись "Мё'ор 'айин", написанная в 1208 г. на берегу Черного моря, от нее отклоняется. Вместе с тем отметим, что характер этих отклонений в данном случае совпадает с теми явлениями в произношении, о которых в свое время писал Киркисани.

Г.Х.Каплан

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ АККАДСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕАССИРИЙСКИХ ЗАКОНАХ.

Каждое положение среднеассирийских законов состоит из посылки и санкции. Последняя может предваряться дополнительным условием, которое уточняет момент проведения санкции или выбор того или иного ее варианта.

Санкция и дополнительное условие санкции по смыслу относятся к настоящему или будущему времени. Время посылки определить по смыслу трудно:

ḥum-ma MÍ qa-ta a-na LÚ ta-ta-bal ub-ta-e-ru-ú-ši 30
MA.NA AN.NA ta-ad-dan

если женщина руку на человека подняла (поднимет), ее
уличили (уличат), 30 мин свинца она должна отдать

КАУ I, I, 74-76

Поэтому целесообразно сравнить употребление видо-временных глагольных форм – презенса, претерита и перфекта – в указанных трех частях законов.

В среднеассирийском диалекте аккадского языка претерит и перфект – две формы констатирующего вида. При обозначении действия прошедшего времени перфект встречается только в самостоятельных предложениях; в придаточных употребляется только претерит. В сфере будущего времени такого разграничения нет. Презенс

обозначает действие курсивного вида и действие с оттенком модальности. В рамках будущего времени он, наряду с претеритом и перфектом, часто выражает действие констатирующего вида.

В санкциях среднеассирийских законов действие всегда с оттенком модальности (возможности, долженствования, желания), поэтому здесь употребляется только презенс.

В дополнительных условиях санкций отмечены все видо-временные формы. Презенс обозначает действие курсивного вида, действие с оттенком модальности и действие констатирующего вида будущего времени. Претерит и перфект также обозначают действие констатирующего вида будущего времени.

В посылках законов тоже засвидетельствованы все три формы. Презенс выражает действие курсивного вида и действие с оттенком модальности. Действие констатирующего вида обозначается только претеритом и перфектом. При этом перфект встречается только в условных предложениях с союзом *šumma*, приравниваемых в аккадском языке к самостоятельным предложениям. В обычных придаточных предложениях употребляется, как правило, претерит. Упомеченное в посылках употребление видо-временных глагольных форм аналогично их употреблению в среднеассирийском диалекте при выражении прошедшего действия. Это позволяет предположить, что посылки среднеассирийских законов следует относить к прошедшему времени.

Б.И.Кузнецов

ДИАКРИТИКА В ПИСЬМЕ "БАЛ-БОДХ"

Письмо "бал-бодх" ("понятное детям"), которым пользуются для языка маратхи, это письмо деванагари с очень небольшими добавлениями.

Вопрос о диакритике в "бал-бодх" является очень важным для описания графем маратхи, для разграничения диакритического знака и аллографа (=буквы), так как ряд аллографов этого алфавита выступают по отношению к другим аллографам как приписные (в препозиции или в постпозиции), подписные, надписные и вписные знаки.

Диакритическим знаком мы называем не выражающий отдельной фонемы (или сочетания фонем) отнесенный к букве знак, который

принадлежит этой букве, т.е. образует с ней единый аллограф, и входит хотя бы в одно противопоставление (ср. печатн. русск. е - ё, и - й, ш - щ, но *ц - ц; ср. фр. а - â в la "артиэль ж.р." и в là "там", где знак отнесен к букве, но принадлежит слову, являясь иероглифом).

Диакритические знаки алфавита "бал-бодх" мы делим на два класса: 1. фонетические диакритики и 2. тактические диакритики. Первый класс включает знаки, которые изменяют чтение буквы. Второй - знаки, которые чтение буквы не изменяют, а указывают на ее несочетание с другой буквой в письменном слове (акшаре).

Знаки первого класса являются нерегулярными, или идиоматическими, которые могут не иметь закрепленного значения. Второй класс включает регулярные, или аналитические знаки; эти знаки имеют собственное значение и, присоединяясь к ряду букв, повсюду сохраняют его¹.

Оба класса имеют по два подкласса; к первому подклассу каждого класса относятся собственно диакритические знаки, потенциально не связанные с отдельной фонемой (не выражающие ее); ко второму классу - диакритические знаки, потенциально связанные с отдельной фонемой, т.е. буквы² в диакритической функции.

1.1 подкласс включает один знак \, который входит в два противопоставления: प रा - प ढा, वा - वा ba; приписать конкретное значение этому знаку довольно трудно.

1.2 подкласс включает пять знаков, которые являются нечитаемыми, немymi буквами: а) так наз. основной аллограф³ य ya графемы <य> ya, входящий в три противопоставления, - वा वा - वा वा (*cā), जो जो - जो जा (*jā), जा जा - जा जा (*jā), जा जा - जा जा (*jā).

Этому аллографу можно приписать закрепленное значение преобразователя переднеязычной аффрикаты в среднеязычную; б) так наз. добавочный аллограф ^ - "репх" графемы <^> ra (в сочетаниях типа वा rva, वा rpa), который входит в одно противопоставление इ i - इ I, где ему можно приписать закрепленное значение долготы гласного (только в литературном и то не во всяком индивидуальном произношении); в) знак анусвары ^ в единственном противопоставлении इ दा - इ पा, где ее значение как диакритика определить затруднительно, и в санскритских словах, где она означает назализацию гласного (и удвоение сонантов у, л): संयुक्त sa(y)ukt^a.

(В ряде случаев нефонемности анусвары, т.е. невыражения этой буквой носового сонанта⁴, она является

"пустым" фонетическим диакритиком, так как не изменяет чтения другой буквы. В этих случаях "пустая" анусвара входит в состав свободных вариантов одной графемы и участвует в противопоставлении как незначимый элемент, как фигура: जाऊ जाऊँ = /jāu/, मी मीं = /mi/ и др.); г) и д) добавочные аллографы , и соответственно графем <उ> u (только в сочетании रु ru) и <ए> e (напр., в сочетании के ke); входят в три противопоставления каждый: उ u - ऊ ū, प pa - फ pha, व va - क ka; ए e- ऐ ai, आ ā - ओ o, औ o - औ au. Первый не имеет закрепленного значения, и если в первых двух противопоставлениях ему допустимо приписать значения долготы гласного и аспирации согласного соответственно, то в последнем противопоставлении его очень трудно характеризовать по значению. Второй знак также не имеет закрепленного значения, хотя в первом и третьем противопоставлениях его можно рассматривать как "вридхирующий".

2.1 подкласс включает один знак , "вирам", указывающий на отсутствие сочетания "согласной" графемы с "гласной": त t, ड d и др.

2.2 подкласс включает тоже один знак - основной аллограф Э а графемы <अ> a, который в зависимости от шрифта может выступать и как нерегулярный, сочетаясь не со всеми добавочными аллографами "гласных" графем, а только с тремя: ढ ā, ऌ o, ड au. Этот аллограф как диакритик указывает на отсутствие сочетания "гласной" графемы с "согласной" (в пределах акшара): ढ ā, ओ o, औ au, входя в состав основных аллографов "гласных" графем.

Выводы:

1. Распространенное понимание диакритического знака только как изменяющего чтение буквы⁵ является недостаточным для письма "бал-бодх". Предложенное определение позволяет рассматривать принадлежащие букве знаки с иными характеристиками как разновидность диакритиков.

2. Письмо "бал-бодх" имеет только два собственно диакритических знака⁶, относящихся к двум разновидностям диакритиков - фонетической и тактической; остальные шесть знаков потенциально являются буквами.

3. Знаки первого класса являются набором, знаки второго класса представляют систему.

1) В.Г.Гак, Орфография в свете структурного анализа - "Пробле-

мы структурной лингвистики", М., 1962, стр.215.

2) О буквенном характере письма деванагари см.: Б.И.Кузнецов, Принцип письма деванагари, "Письменные памятники и проблемы истории культуры Востока", М., 1970, стр.177.

3) Об основных и добавочных знаках алфавита "бал-бодх" см., напр., Т.Е.Катенина, Язык маратхи, М., 1963, стр.22, 23.

4) О значениях анусвары см.: Т.Е.Катенина, указ.соч., стр. 24, 25.

5) См., напр.: О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр.159; ср., однако, более широкое определение диакритического знака у Ж.Марузо.

6) Мы не указали два других собственно диакритика - фонетических, которые участвуют в противопоставлении добавочных аллографов "гласных" графем: $\bar{\Gamma} \bar{a} - \bar{\Gamma} i$, $\bar{\Gamma} \bar{a} - \bar{\Gamma} I$, так как ориентировались в иллюстрациях главным образом на основные знаки.

И.М.Стеблин-Каменский

BADAKHSHANICA I

Лингвистическая ситуация в Бадахшане (Западный Памир) и прилегающих районах (Восточный Гиндукуш и Восточный Памир) была метко определена И.И.Зарубиным как "клубок языков". В этом регионе не существуют в тесном контакте языки и диалекты, относящиеся генетически к различным языковым семьям и группам: иранские, индоарийские (также кафирские, положение которых относительно индоарийской языковой семьи недостаточно определено), тюркские и язык бурушаски (с вершикским диалектом). В ареальном плане все языки и диалекты этого региона имеют много общих черт на всех уровнях своих структур.

Многие исследователи, занимавшиеся языками Припамирья (И.И. Зарубин, Г.Моргенштерне, А.Э.Розенфельд), обратили внимание на тот факт, что в языках этого региона (независимо от генетической принадлежности) есть большая группа слов, общих для всех языков и не определенных как заимствования из какого-либо известного источника. И.И.Зарубин определил этот феномен как "лексическая общность". Выяснение источников происхождения слов этого

слоя сопряжено с большими трудностями, однако несомненно, что такой анализ весьма важен не только в чисто лингвистическом отношении, но и для исторической этнографии, истории культуры, истории религий и взаимосвязей народностей и племен памирско-гиндукушского ареала. Как правило, удается установить лишь семью языков, к которой первоначально относилось то или иное слово этого слоя, а не конкретные пути распространения "общих слов" и эстафету языков посредников.

Эта заметка – первая из задуманной автором серии, в которой будут рассмотрены некоторые "общие слова" языков и диалектов памирско-гиндукушского региона, определяемые как заимствования ранних эпох.

1. боѝ, боѝ; 2. bat 'обрядовые кушанья'

Шугн., руш., орош., хуфск. бѝѝ, ишк. боѝ, вах. боѝ, бадахшано-тадж. боѝ, боѝ – ритуальная похлебка из дробленых зерен пшеницы и бараньего мяса. Для ее приготовления зёрна толкут в каменной ступе (juwozg), а затем тушат с бараньим мясом на протяжении длительного времени (обычно всю ночь) в закрытом сосуде в горячих углях очага. "Боч" готовят по случаю похорон, для поминовения усопших и по некоторым другим поводам (см. М.С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып.2, стр.87, 320, 321). В Бадахшане повсеместно распространена бранная поговорка "Похлебать бы мне по тебе боч" (т.е. "Чтоб ты сдох").

Шугн., руш., орош., хуфск. bāt, мундж. batāk, ишк. bat, вах. bat, бадахшано-тадж. bat – ритуальное кушанье из пшеничной муки с маслом на воде или на молоке (похожее на густой кисель). Существует множество разновидностей бата: на молоке (širbat), со шкварками (qalyabat), с кусочками мяса (tarbat) и др. Бат варят во время празднеств, связанных с подъемом на летовку и спуском с нее, при приеме гостей, в новый год (день весеннего равноденствия) и при прочих, преимущественно радостных, событиях. Считается, что бат очень быстро насыщает человека, поэтому в Бадахшане существует поговорка: "Достаточно говорят только после бата".

Слово bat представляется связанным с названиями кушаний (преимущественно из риса) в индоарийских языках и в языке бурушаски: бур. bat, bāt ховар, шина bat, вайгали bōt, шумасты bāt, гавар bat, башкарик batt 'кушанье из риса, варенный рис; вечерняя еда и т.п., лэнди bhāt 'дробленое зерно; варенный рис.

Сюда же, очевидно, следует отнести кирг. *bat* 'крахмал, мучной клей' и афг. *bete* 'ячменная каша'. Для индоарийских слов Р.Л. Тёрнер (933I) предполагает происхождение из др.-инд. *bhakta* = 'еда, пища; вареный рис' ($\sqrt{\text{ВНАЛ}}$, пали *bhatta*). Видимо, бадахшанское *bat* 'обрядовое кушанье' является ранним заимствованием из индоарийского **bhatta* =

Бадахшанское *boš*, *boj* 'поминальное угощение' также, возможно, связано с этой же основой и является ранней адаптацией индоарийского **bhat(t)i* = или **bhāt(t)i* = с фонематической палатализацией **ti* > *č/ǰ*, засвидетельствованной во многих иранских языках и диалектах (ср. вах. *yoč* < **āti* = 'утка') и в языке бурушаски, и с переходом *a* → *o* (если из **bhati* =) по альтернативе *a/o*, фиксируемой в местных таджикских говорах (*bal/bol* 'крыло', *qar/qor* 'мешок'). В качестве семантической параллели ср. хинди *bhātī* 'обычай посылать вареный рис в дом, где кто-нибудь умер'. В Бадахшане поминальное угощение (*boš*) также разносят по домам, а в доме, где кто-нибудь умер, три дня не готовят пищу (см. М.С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. I, стр. 192).

3. *bəṭ*, *bat* и др. 'одежда; шкура'

Для вах. *bəṭ* 'одежда' Г. Моргенштерне предположил происхождение из **ham=puṣti* = , что он, впрочем, считает весьма сомнительным (IIFL II, 47I). Вах. *bəṭ* 'одежда', видимо, нельзя объяснить в отрыве от бур. *bəṭ*, верш. *bat* 'шкура, кожа'. В бурушаски (и в некоторых индоарийских) *p* = при заимствовании может передаваться через *b* : бур. *būš* 'кошка', тадж. *piš*, *рəšak*, шугн., вах. *piš*, ховар *rūši*, шина *rišo*, *būši* 'кошка'. Вах. *bəṭ* 'одежда', очевидно, заимствовано из бур. *bat* 'шкура, кожа', которое, в свою очередь, является отражением индоиранского **rausta* = (**rawasta* =) 'оболочка; шкура, кожа', прошедшего адаптацию в индоарийских языках с развитием *st(št)* > *t* (через *ṭh?*), засвидетельствованным в индоарийских языках, ср. например, развитие в слове со значением кулак, пригоршня : шина *mūth*, башкарик *mut* из др.-инд. *mūṣṭi* =, но др.-ир. **mūšt* = > тадж. *mušt*, вах. *məst*. Шугн. *mut*, язг. *mot*, ишк. *mət* – вряд ли свое (**št* > *t*), скорее ранее заимствование из индоарийских (с позднейшим переходом *t* > *t* в связи с утратой какуминального ряда в шугн. и язг.), подобно вах. *məṭ*, ишк. *mut*. В афганских диалектах, по мнению

Г.Моргенштерне (MTS IV, 168), mīt - свое, mišt - заимствование из тадж., mūt - из индоарийских.

Афг. rūt 'шкура, кора', сангл. bētāk 'шуба, тулуп' - также, вероятно, восходят, в конечном счете, к индоарийским адаптациям древнего *pausta=.

И.И.Цукерман

ГЕМИНАЦИЯ СОГЛАСНЫХ В ХОРАСАНСКОМ КУРМАНДЖИ

Исследование основано на изучении текстов учебных пособий на курдском языке (наречие курманджи, говор курдов Хорасана), составленных Г.Г.Пехлеви (G.G.Pehlewī) и изданных в начале 30-х годов в Ашхабаде. В связи с этим геминированным в этой работе признан согласный, который отражен в указанных текстах двойным написанием соответствующей буквы: moellim (P2.8) 'учитель', we bezze (P2.52) 'жирный'. В одних словах (словоформам) геминация является правилом, не знающим исключения, напр. k'olli (P2.8) 'все'; в составе других слов (словоформ) геминация в большей или меньшей степени факультативна, напр. le collê (P2.16) /le colê (P3.15) 'в поле'; в третьих случаях геминация возникает сугубо окказионально, напр. birrine (P3.51) 'увели'. Приводимые примеры все паспортизованы и переданы в строго однозначной транслитерации. (Перечень пособий, откуда взяты примеры, и условных обозначений к ним см.: И.И.Цукерман, Глагольные окончания в хорасанском курманджи. Палестинский сборник, вып.21, 1970, стр.115).

Целесообразно указать прежде всего на то, что письмо Г.Г. Пехлеви отражает ташдидные согласные в составе усваиваемых арабо-персизмов, хотя не все и не всегда ташдидные удвоения переданы двойным написанием согласного, и вместе с тем имеется несколько случаев, когда двойное написание в составе арабо-персизма не соответствует ташдиду. Ср.: morebbf (P2.89) 'воспитательница', zidafet' (P2.79) 'вражда', mek'k'ar (P2.53) 'хитрый', millet'ê korminc (P3.101) 'курдский народ', моеmma (P2.15) 'загадка', ewettt(e) (P3.92) 'конечно', ewel (P2.18) 'первый', qowwet' (P2.93) 'сила', meuyen (P2.104) 'определенный'. Ср. случаи колебаний в отражении ташдида: mohêbbet' (P2.97),

mohibet' (P2.96) 'любовь'; moddet'ê pênc dêxan (P2.96) 'в течение пяти минут', modet'ê salek (P2.II7) 'в течение года'. Ср. двойные написания согласного, не отвечающие ташиду: qottfê p'oqt' (P2.24) 'почтовый ящик'; t'ezze (P2.II5) 'новый', реже: t'eze (P2.39).

Можно заметить, что во всех приведенных словах ташид был реализован только в положении между гласными. Именно в этой позиции обнаруживается геминация в тех словах, которые, по-видимому, не испытали влияния арабо-персидской письменности. Ср.: qic'ç'ik (P2.23) 'маленький', t'ijji (P2.23) 'полный', zikkê me (P2.9I) 'наши животы', hêllin (P2.48) 'гнездо', t'onne (P2.99) 'нет', le ser wî t'eppe (P2.20) 'на том холме', çoqqor (P3.49) 'глубоко', dek'otti (P2.84) 'молотит', devve (P2.33) 'верблюд', dizzfîd (P3.8I) 'украл'.

Каковы условия сохранения или возникновения геминации на почве хорасанского курманджи? Следует признать, что многое напоминает здесь общие ареальные процессы удвоения согласных (см.: А.М.Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970. Там же указана общая литература; Ч.Х.Бакаев, Язык азербайджанских курдов, М., 1965, стр.23 и сл.).

Некоторые из геминат появляются в связи с действием разного рода ассимилятивных процессов и стяжений. Таковы, по-видимому, niç'ç'îr (P2.60) 'охота', t'emnek'û (P2.II2) 'табак', gennim (P2.I24) 'пшеница', hennê (P3.II6) 'пойдемте' (<hernê, herinê), rêvî (P3.80) 'лиса' (<rwîvî) и др. Геминация в этих условиях не способна предотвратить деформацию, но обеспечивает сохранение длительности звучания.

В других случаях геминаты сохраняются или возникают вновь как результат преодоления различных процессов деформации согласных, которым благоприятствует интервокальная позиция. Иначе говоря, геминация и в этих условиях выступает как фактор стабилизирующий. Здесь — как и при изучении других процессов — важно учитывать вариантность, возникающую в пунктах, где сталкиваются, скрещиваются противоборствующие тенденции. Один из вариантов ("слабый" вариант) способен указать, какую именно "опасность" предотвращает геминация.

Так, установлены факты появления или сохранения двойного qq в интервокальной позиции, способствующей спирализации и озвончению q, т.е. переходу его в ʒ. Удвоение препятствует такого

рода переходу. Ср.: feqêr (P2.92) / feʃêr (P2.75) 'бедный, нищий', feqet' (P2.66) / feʃet' (P2.62) 'только'. Ср. геминированные варианты çiqqes (P2.103) 'сколько', weqqes (P2.91) 'настолько' и, в особенности, meqqare (P3.32) 'берлога' на месте meʃare .

Точно так же и двойное vv сохраняется или возникает вновь как следствие сопротивления возможной в интервокальном положении сонантизации v и переходу его в w . Ср.: evvelê mayê /ewelê mayê (P3.117) 'первое мая'; t'evva wêye (P3.62) 'закончился', t'ewa newîye (там же) 'не закончился', t'ewa kir (P3.125) 'закончил'.

Можно, далее заметить, что в привычном для курманджи фонде геминация не затрагивает звонких смычных b , d , g и звонкую аффрикату c , а касается только соответствующих глухих и к тому же – главным образом непридыхательных. Видимо, и в этих случаях интервокальная позиция, способствуя ослаблению p , t , k , ç' , может привести (при отсутствии у них придыхания) к смешению с соответствующими звонкими, и геминация предупреждает эту "угрозу". Ср.: kûtf (P2.45) /kûttf (P2.36) 'плохой', k'eç'ik /keç'ç'ik (P2.22) 'девочка'.

По-видимому, и в других случаях, не подводимых под действие ассимилятивных процессов, в геминации следует усматривать результат противостояния деформирующему влиянию интервокальной позиции, характер которого должен быть каждый раз конкретизован.

Нам представляется, что и двойное tt в хорасанском курманджи во всяком случае в системе Г.Г.Пехлеви – вовлекается в сферу действия общего процесса геминации. Общекурдская традиция обнаруживается в том, что двойное tt в большей части случаев соответствует раскатистому (не оглушаемому) ṭ̣ в других говорах курманджи. Новое же проявляется в том, что, во-первых, двойное tt в текстах Г.Г.Пехлеви встречается только в положении между гласными, во-вторых, вполне возможно – хотя и окказиональное – появление двойного tt на месте нераскатистого t в других говорах курманджи. Ср.: derrevî (P1.37) 'убегает', derreji (P2.48) 'насыпает', bibirri (P2.120) 'отрежь', firrf (P3.111) 'улетела', herre (P2.114) 'пойди', errawe (P2.12) 'арба', çerre (P2.9) 'как', werre (P2.34) 'так'. Более показательнее, однако: ker dewî (P2.103) 'глух', но: meger kerrf ! (P2.96) 'ты, что, глухой!', gagewezni p'ir (P2.50) многочисленные

олени', но p'irrin (P2.68) 'многочисленны'. Ср. тот же процесс для других согласных: k'om (P2.42) 'шапка', но k'ommê diz (P2.35) 'шапка вора'; rindtir (P2.62) 'лучше', p'irtir (P2.60) 'больше', но çêttir (P3.107) 'лучше'.

Стабилизирующее действие удвоения согласного подтверждается, как нам кажется, явлением, которое можно было бы назвать компенсирующей геминацией. Так, отсутствие удвоенного rr в формах глагола revîn 'бежать' нередко возмещено геминацией r. Ср.: revvî (P3.15) 'убежал', revvîn (P3.85) 'убежали', альтернативные формы derrevî /derevvî 'бежал' в одном тексте (P3.84). Вполне возможно, что и в формах глагола bezîn 'бежать' геминированное zz возникает по аналогии с удвоенным vv (в свою очередь компенсирующим удвоенное rr) в формах синонимичного глагола revîn. Ср.: bezvî (P3.81) 'побежал' и там же: revvî 'убежал'. В глагольном выражении dek'irre ç'iri (P3.81) 'кричал, вопил' окказиональное и упреждающее ("преждевременное") удвоение r в dek'irre обусловило отсутствие геминации в ç'iri, где оно обычно имеет место; ср. kire ç'irri (P2.15) 'закричал'.

Стремление к сбалансированной геминации, обеспечивающей стабильность речевой единицы, можно обнаружить также, если сравнить употребление близких по значению глагольных выражений we rê çûn 'двигаться, передвигаться' и we rê ketin 'приходить в движение, двигаться'. Удвоение r в rê 'дорога' осуществляется чаще, когда за сочетанием we rê следуют формы глагола ketin, чем в тех случаях, когда за этим сочетанием следуют формы, образованные от основы =(h)er= (глагола çûn) и включающие геминированное rr. Ср.: we rrê k'êt' (P2.55) 'тронулся в путь', we rrê dek'evî (P3.70) 'двигается, приводится в движение', но we rê t'erre (P2.104) 'двигается', we rê t'errin (P2.44) 'передвигаются'. Правда, и здесь – как и в других случаях – можно столкнуться с гипергеминацией, вызванной, возможно, эмоциональной насыщенностью предложения. Ср.: Parowoz werre zû-zû we rrê t'erre ki t'o esrî qocaf momk'in nîni k'i we wf gê (P3.70) 'Паровоз мчится с такой быстротой, что ни одна резвая лошадь не в состоянии его догнать'. Нигде, однако, не отмечена геминация двух согласных в одном слове: *derrevvî, по-видимому, невозможно.

Что касается аффективности речи, то она во всяком случае не расширяет рамки действия геминации за пределы определенной

группы согласных (в "своем" словарном фонде это: р , t , k - v , z j - l , ш , n - r ; реже других: р , k - j - ш). Аффективность речи, возможно, выявляет геминацию, делает ее обязательной там, где в обычной речи геминации могло бы и не быть.

Приведенные материалы, как нам представляется, с разных сторон иллюстрируют стабилизирующую функцию удвоения согласных в хорасанском курманджи.

Сообщение посвящено семидесятилетию со дня рождения В.И.Абаева.

З.А.Юсупова

К ВОПРОСУ О КУРДСКОМ КАЛЕНДАРЕ.

Поводом для написания настоящей работы послужил тот факт, что при чтении южно-курдских фольклорных текстов (Ирак) нам приходилось сталкиваться с различными названиями месяцев, принадлежащих явно местным календарям, причем часто трудно было определить, как эти названия соотносятся с общекурдской календарной терминологией.

Изучение южно-курдских источников и знакомство с соответствующей литературой позволило нам прийти к следующим выводам. На территории Иракского Курдистана наряду с официальным гражданским календарем широко употребительны местные календари с курдскими названиями месяцев. Происхождение названий месяцев этих календарей, как и у многих других народов мира, связано с наблюдениями над сменой явлений природы. Так, первый месяц весны в одних районах означает "распусканье почек на деревьях" (*darpişkwan*), в других - "распусканье почек грушевых деревьев" (*hermêpişkwan*), в третьих - "земля на губах" (*xakelêwe* - в этом месяце пастбища еще покрыты талым снегом, и скот щиплет траву, смешанную с землей); второй месяц весны - "цветение" (*gulan*), "проливные дожди" (*qestebaran*) и др.; третий месяц весны - "прекращение дождей" (*baranwûşan*), "созревание ячменя", (*cozerdan*) и т.д.

Ниже приводится сравнительная таблица наиболее употребительных в Иракском Курдистане названий месяцев (I - официальный граждан-

ский календарь Иракского Курдистана, II и III — местные названия месяцев)^I.

I	II	III
1. Kanûnf dûwem — январь	1. Nwêrōj (newrōz, newrōj), hermêpiş- kwan (pişkêw), darpiş- kwan (pişkêw), xake- lêw(e), axelêwe	1. Nwêrōj — март-апрель.
2. Şubat — февраль	2. Goîan, qeste(baran) banemerî, hêlanewe	2. Guîan — апрель-май
3. Mart(Adar) — март	3. Bextebaran, baran- wuşan, cozerd(an)	3. Baranbîrân — май-июнь
4. Nîsan — апрель	4. Xermanan, baranbîrân, puşkalî, coxênan, xezf- ran, zexfran, mirdare- mang	4. Germacîman — июнь-июль
5. Mayıs (Ayar, Eyar) — май	5. Mîweganan, pûşperî (an), tîrme(h)	5. Gelawêj — июнь-август
6. Hezîran — июнь	6. Gelawêj, puşperî(an), tebax	6. Berewpaz — август-сентябрь
7. Têmuş — июль	7. Sermawez, mîran, rez- ber, hewel-paz.	7. Mîran — сентябрь-октябрь
8. Ab — август	8. Xezelwer, gelârêzan, êlon, baranpele, çirîye yekem.	8. Gelârêzan — октябрь-ноябрь
9. Eylûl — сентябрь	9. Agirdan, kew-be-dar, sermawez.	9. Agirdan — ноябрь-декабрь
10. Tîşrînf yekem — октябрь	10. Rêbendan, befrembar, kew-be-dar, hewel- -zistan	10. Sehoîbendan — декабрь-январь
11. Tîşrînf dûwem — ноябрь	11. Çile, rêbendan.	11. Nawzistan — январь-февраль
12. Kanûnf yekem — декабрь	12. Newrōj mang, reşeme, bazeberan	12. Polan — февраль-март

Помимо приведенных выше наименований, в литературе курдов Ирака встречаются названия месяцев и общекурдского календаря: *adar, nisan, gulan, huzêran (hezîran), tîrmeh, tebax, îlon, çirya berê, çirya raşê, çeleya berê (çileya berê), çeleya raşê (çileya raşê), şibat (şubat)*.

В южно-курдской исторической литературе нередко употребляются, названия месяцев мусульманского лунного календаря (*muherrem, sefer, rebi'ulewel, rebi'ulaxer, semazfyelewel, semazfyeiaxer, receb, ze'ban, remezan, gewal, zîlqe'de, zîlhese*).

Детальное исследование курдской календарной терминологии весьма важно как в плане лингвистическом, так и историко-этно-графическом.

I) Приведенные в табл. II названия месяцев местных календарей извлечены из различных южнокурдских источников - словарей, учебных пособий, прессы, художественной литературы и фольклора. В табл. III даны варианты названий месяцев, приведенные в качестве основных в словаре известного курдского лингвиста Т.Вахби. *Sm. A kurdish-english dictionary by Taufiq Wahby and C.J. Edmonds, Oxford, 1966, p.169.*

У. Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Г.С.Шрон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР за 1968-1970 гг.^х

1. Акимущкин О.Ф. Казм Ахмед о списке сочинения Абд ар-Рах-мена Джами "Дава'их". - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с. 22-26.

2. Акимущкин О.Ф. и Иванов А.А. О мавераннахрской школе миниатюрной живописи ХУП в. - НАА, 1968, № I, с.130-135; 2 л. илл.

3. Акимущкин О.Ф. и Иванов А.А. /Вступит. статья/. - В кн.: Персидские миниатюры XIY-XYP вв. Под ред. Ю.Е.Борщевского. М., "Наука", 1968, 49 с.; 46 л. илл.

4. Акимущкин О.Ф. Редкий источник по истории Моголии. - ПП и ПИКНВ, IY, I., 1968, с.3-5.

5. Акимущкин О.Ф. и Иванов А.А. Каталог Всесоюзной выставки искусства эпохи Тимуридов. Самарканд-Ташкент, 1969, 67 с. Текст паралл. на узб., рус. и англ. яз.

6. Акимущкин О.Ф. Камгарский поход узбеков при Абдаллах-хане. - В кн.: Иранская филология. Кр.излож.докл.науч.конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с.5-9.

^х Настоящая работа является продолжением "Библиографии работ сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения. 1956-1967" (Сост. Г.С.Шрон).

В "Материалах к библиографии..." использована картотека работ сотрудников ЛО ИВАН, ведущаяся в библиотеке ЛО ИВАН О.В.Девяиной и И.А.Поленовой.

7. Акимускин О.Ф. Монгольско-узбекский союз против казахов в середине XVI века, - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.37-40.

8. Акимускин О.Ф. Портрет поэта. /К 225-летию со дня рожд. Алишера Навои/. - "Правда Востока", Ташкент, 1969, 18 сентября.

9. Акимускин О.Ф. /Пер. извлечений с коммент./: Шади. "Фатх-наме". - В кн.: Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с.53-69, 73-83, 85-90.

10. Акимускин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в. - 60-х годах XVII в. - ПС, 1970, вып. 21(84), с.233-248.

11. Акимускин О.Ф. Несколько слов о поэте Имад ад-дин Факихе из Кирмана, - В кн.: VI Всесоюз.науч.конфер. по актуальным проблемам иранской филологии. (Тезисы докладов). Тбилиси, 1970, с.150-152.

12. Акимускин О.Ф. "Хроника" Шах-Махмуд б. Мирза Фазил Чурса. Критический текст, перевод, исследование, комментарии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 20 с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

13. Акусин И.Д. Кумранские комментарии. - ВДИ, 1968, № 4, с.91-108. Резюме на англ. яз.

14. Amislin J. Bemerkungen zu den Qumran - Kommentaren. - В кн.: Bibel und Qumran. Hans Bardtke zum 22.9.1966. Berlin, 1968, S.9-19.

15. Акусин И.Д. К датировке Кумранского Комментария на Осию. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.3-6.

16. Акусин И.Д. Кумранский комментарий на Осию (4Qp^{Nov} II). (Исторический фон и датировка). - ВДИ, 1969, № 3, с.82-88; I л. илл. Резюме на англ. яз.

17. Акусин И.Д. Рукописи Мертвого моря, - СИЭ, т.12, М., 1969, с.252-254.

18. Акусин И.Д. Саддукеи. - СИЭ, т.12, М., 1969, с.455.

19. Акусин И.Д. Денежно-весовая система в древней Палестине в первой половине I тысячелетия до н.э. М., "Наука", 1970. 12 с. (У Междунар. конгресс эконом. ист.).

20. Акусин И.Д. К 4Q Testimonia. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, №.36-39.

21. Баевский С.И. Двухязычные словари. М., "Наука", 1968. 103 с., 12 илл. (Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. Вып. 5).

22. Баевский С.И. и Ворожейкина З.Н. "Собрание редкостей" Низами 'Арӯзи Самарканди как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана в X-XII вв. (обычай). - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.5-7.

23. Баевский С.И. Модальные значения причастия долженствования в современном персидском языке. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.115-118.

24. Баевский С.И. Первое издание персидского словаря "Ми 'йār-и джамāли". - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл., научн. конф. посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с.88-91

25. Баевский С.И. Первое издание словаря "Мийар' и Джамā-ли". - "Рāхнамā-и китāб", 1349/1970, № II-12, с.689-690. (На перс.яз.).

26. Баевский С.И. "Румийские" слова в персидском толковом словаре "Зафāнгūyā". - ПС, 1970, вып. 21(84), с.91-99.

27. Баевский С.И. Словарь "Зафангуя ва джаханпуя" как важный этап в истории персидской лексикографии. - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.135-137.

28. Баевский С.И. и Ворожейкина З.Н. "Собрание редкостей" Низами Арузи Самарканди как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана X-XII вв. (обычай, реалии). - ПС, 1970, вып.21(84), с.34-45.

29. Баевский С.И. Становление ранней персидской лексикографической традиции. - В кн.: VI Всесоюз. науч.конфер. по актуальным проблемам иранской филологии. (Тезисы докладов). Тбилиси, 1970, с.87-89.

30. Бациева С.М. "Шифа' ас-са'ил" - трактат Ибн Халдūна о суфизме. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с.40-46.

31. Бациева С.М. История иракской арабистики в новых работах Гургиса Авада. - ПС, 1969, вып.19(82), с.207-209.

32. Бациева С.М. Учение о двойственной истине "Аверроэса-Ибн Халдūна. - ПС, 1969, вып.19 (82), с.149-158. Резюме на нем. яз.

33. Бациева С.М. /Пер. с араб./: Фарман, Гаиб Туама. Суп и солнце. - В кн.: Современная восточная новелла. М., 1969, с.70-76.

34. Берлев О.Д. "Сокол, плывущий в ладье" - иероглиф и бог. - ВДИ, 1969, № I, с.3-30.

35. Berlev O.D. /Рец. на кн. / : W.Simpson, *Papyrus Reissner II: Accounts of the Dockyard Workshop at this in the Reign of Sesostriis I.* Boston, Museum of Fine Arts, 1965 (folio, frontispiece, 60 pp., 24 pls). - ВЮр, 1969, Jg.26, No 1-2, p. 62-64.

36. Базиянц А.П. и Бертельс Д.Е. О зданиях Азиатского музея и Института востоковедения. - НАА, 1969, № 3, с.124-126.

37. Бертельс Д.Е. В.И.Ленин и С.Ф.Ольденбург. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с.3-7.

38. Бертельс Д.Е. Азиатский музей. - БСЭ, 3-е изд. М., 1970, с.279.

39. Боголюбов А.С. Место "Аль-Фихх аль-акбар" Абу Ханифы ан-Ну'мана в сложении мусульманской догматики. - ПП и ПИКНВ, УУ, Л., 1968, с.7-8.

40. Боголюбов А.С. Этико-правовые воззрения Абу Ханйфа ан-Ну'мана. - ПС, 1969, вып.19(82), с.139-148. Резюме на англ.яз.

41. Боголюбов А.С. О месте кийас в ряду основ мусульманского права, - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с.69-70.

42. Богословский Е.С. Материалы к изучению научной деятельности А.В.Шмидта в Пермском университете. - "Уч.зеп. Перм.ун-та", 1968, № 191, вып. 4, с.147-156.

43. Богословский Е.С. "Послушные призыву" в Египте периода ХУШ династии. Автореф.дисс. ... канд.ист,наук. Л., 1968, 14 с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

44. Богословский Е.С. "Послушные призыву" в хозяйствах частных лиц Египта (ХУ-ХІУ веков до нашей эры). - В кн.: ІУ сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. М., 1968, с.39-40.

45. Богословский Е.С. Руководители ткачей в Египте ХУІ-ХУ вв. до н.э. - ВДИ, 1968, № I, с.87-96, 3 табл.

46. Богословский Е.С. /Рец. на кн./: Anthes R. with contrib. by Ibr. Abdel Aziz, Hasan S.K.Bakry a.o. *Mit Rahineh*, 1956. Philadelphia, 1965, 170 p., 65 pf., 21 fig. - СА, 1968, N 2, с.310-312.

47. Богословский Е.С., Васильев К.В., Васильков Я.В., Гиоргадзе Г.Г., Канева И.Т., Лившиц В.А., Шифман И.Ш., Якобсон В.А. ІУ сессия по древнему Востоку. - ВДИ, 1969, № 2, с.150-169.

48. Богословский Е.С. Статуя № 2101 Государственного Музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина. - ВДИ, 1970, № 1, с. 67-85, 4 л.илл.

49. Бойко К.А. /Рец. на кн./: Заимствующий известия о стране ал-Андалус. Сочинение Абӯ Марвāна Ибн Хаййāна ал-Куртуби (377-469 гг.х.) Публ. Абд ар-Рахмāна Али ал-Хаджжī. Дар ас-Сакафа, Бейрут, 1965. /на араб.яз./ - ПС, 1969, вып.19(82), с.203-207.

50. Болдырева М.А. Верлибр в современной индонезийской поэзии. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл. III научн.конфер. М., 1968, с.6-8.

51. Болдырева М.А. Об истоках творчества Амира Хамзаха. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.70-71.

52. Болдырева М.А. Поэтическое творчество индонезийских поэтов XX века Амира Хамзаха и Хайрила Анвара. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 32 с. (Ин-т востоковедения АН СССР).

53. Большаков О.Г. О раскопках средневекового городища Хауз-хан в 1961 г. - КСИА, 1968, вып.114, с.112-118.

54. Большаков О.Г. Рей. - СИЭ, т.11. М., 1968, с.990.

55. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. (У). - ЭВ, 1969, XIX, с.42-50.

56. Большаков О.Г. Ислам и изобразительное искусство. - ТГЭ, 1969, т.10, с.142-156. Библиогр.: с.153-156.

57. Большаков О.Г. О применении свинцовых печатей при сборе джизы в халифате. - ПС, 1969, вып.19(82), с.87-93. Резюме на нем.яз.

58. Большаков О.Г. /Рец. на кн./: Grohmann A. Arabische Palaographie 1 Teil, mit 17 Abbild. im Text und 22 Tafeln. Wien, 1967. XVIII + 154 + XXII Tabl. - ЭВ, 1969, XIX, с.123-124.

59. Большаков О.Г. Некоторые вопросы изучения Среднеазиатского города Уш-ХП вв. в свете общей проблематики истории городов Востока. - КСИА, 1970, вып.122, с.96-100.

60. Большаков О.Г. Аббасиды. - БСЭ. 3-е изд. М., 1970, с.14.

61. Борщевский Ю.Е. /Пер. с перс., предисл. и примеч./: Книга о простаках (Дахо-наме). М., "Наука", 1968, 86 с. с илл. (пер. совм. с Ч.А.Байбурди).

62. Борщевский Ю.Е. Непреходящее значение труда Стори. - "Рахнамā-йи китаб", 1347/1968. (На перс.яз.)

63. Борщевский Ю.Е. Восстание декабристов и его истолкование царской дипломатией в Иране. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.70-73.

64. Байбурди Ч.Г. - А. и Борщевский Ю.Е. Искупительное посольство Хосров-Мирзы в Россию в 1829 г. и его дневник - "Рузанама-и сафар-и Питирбург". - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.39-41.

65. Борщевский Ю.Е. и Брегель Ю.Э. О создании био-библиографического свода истории персидско-таджикской литературы. - НАА, 1970, № 3, с.104-119.

66. Борщевский Ю.Е. История приобретения ардебильского собрания рукописей Россией. - В кн.: УІ Всесоюз. науч.конф. по актуальным проблемам иранской филологии. (Тезисы докладов). Тбилиси, 1970, с.158-159.

67. Борщевский Ю.Е., Брегель Ю.Э. О подготовке справочного био-библиографического свода истории персидско-таджикской литературы. - В кн.: УІ Всесоюз. науч. конф. по актуальным проблемам иранской филологии. (Тезисы докладов). Тбилиси, 1970, с.159-160.

См. также № 3.

68. Бурман А.Д. Влияние сиамской канонической драмы на развитие драматического искусства в Бирме. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл. III науч.конф. М., 1968, с.10-11.

69. Бурман А.Д. К вопросу об истоках драматического творчества У Чин У. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.72-73.

70. Бурман А.Д. Дополнительные ритмизирующие средства в пьесе У Поун Ня "Водонос". - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.84-86.

71. Васильев К.В. Планы Сражающихся царств. (Исследование и переводы). М., "Наука", 1968, 255 с. (АН СССР, Ин-т народов Азии).

72. Васильев К.В. Об одном аспекте древнекитайского традиционализма. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.73-76.

См. также № 47.

73. Васильева Е.И. Термины тәйфе, 'ашйрат и қабйле в сочинении Шараф-хана Бидлийси "Шараф-наме". - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.6-9.

74. Васильева Е.И. Эпизод борьбы шаха Аббаса I с курдским племенем мукри. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с.76-78.

75. Васильков Я.В. Происхождение сюжета "Кайратенарвы" (Махабхарата. 3.39-42). - ПП и ПИКНВ, ИУ, Л., 1968, с.74-76.

76. Васильков Я.В. "Эпика" и "дидактика" в Махабхарате. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с.106-108.

См. также № 47.

77. Вахтин Б.Б. Некоторые наблюдения над литературными традициями в "дацзыбао". - В кн.: Симпозиум "Роль традиций в истории Китая". Тезисы докл. М., 1968, с.8-9.

78. Вахтин Б.Б. Народная литература в эпоху Хань. - В кн.: Литература древнего Китая. М., 1969, с.205-209.

79. Вахтин Б.Б. Письменные памятники классической древности как литературные произведения. - В кн.: Литература древнего Китая. М., 1969, с.155-165.

80. Вахтин Б.Б. /Пер. с кит./: Юэфу. Из средневековой китайской лирики. М., "Наука", 1969. 111 с.

81. Вахтин Б.Б. /Рец. на кн./: Лисевич И.С. Древняя китайская поэзия и народная песня (Юэфу конца III в. до н.э. - начала III в.н.э.). М., "Наука", 1969, 287с. - НАА, 1970, № 5, с.194-196.

82. Виноградов И.В. Качественное определение папируса Вильбур. - ВДИ, 1969, № 4, с.18-23. Резюме на англ.яз.

83. Виноградов И.В. О так называемых "держателях земли" в папирусе Вильбур. - ВДИ, 1969, № 1, с.31-44. Резюме на англ.яз.

84. Виноградов И.В. Характер связи текстов А и В папируса Вильбур. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.9-11.

85. Виноградов И.В. Папирус Вильбур. (Источниковедческое исследование). Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Л., 1970, 23 с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

86. Воробьев М.В. Городища чжурчженей как фортификационные сооружения. - ДГО, 1968, вып.5, с.60-73.

87. Воробьев М.В. Два строения с каннами в Красноярской крепости в Приморье. - КСИА, 1968, № 114, с.119-123.

88. Воробьев М.В. О происхождении некоторых обычаев чжурчженей. - В кн.: Доклады по этнографии. Вып. 6. Л., 1968, с.42-51. Литература: с.50-51.

89. Воробьев М.В. Система пяти столиц чжурчженей. - ДГО, 1968, вып. 5, с.74-84.

90. Воробьев М.В. Словарный состав чжурчженского языка как этнографический источник. - ДГО, 1968, вып.5, с.97-107.

91. Воробьев М.В. Царство Ематай - этап древней истории Японии. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. М., 1968, с.104-106.

92. Воробьев М.В. Чжурчжэни и национально-охранительная политика государства Цзинь. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.47-50.

93. Воробьев М.В. Чжурчжэньский клад монет из Приморья. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 6, М., 1968, с.106-114, с илл.

94. Воробьев М.В. Язык и письменность чжурчжэней (культурно-историческая характеристика). - ДГО, 1968, вып.5, с.85-96.

95. Воробьев М.В. Денежная система чжурчжэней (династия Цзинь). - В кн.: Страны и народы Востока, вып. 8, М., 1969, с.99-112, с илл. Библиогр. в примеч.

96. Воробьев М.В. Народы империи Цзинь и национальная политика чжурчжэней. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.42-45.

97. Воробьев М.В. Японские монеты Уш-Х вв. - ЭВ, 1969, XIX, с.81-91.

98. Воробьев М.В. Историография в чжурчжэньском государстве Цзинь (1115-1234). - ПН и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.41-43.

99. Воробьев М.В. Корейско-чжурчжэньские отношения в X-XII вв. в свете этнической географии. - ДГО, 1970, вып.15, с.60-71.

100. Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И. и Темкин Э.Н. Об исследовании памятников индийской письменности из Центральной Азии. - В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, 1968, с.105-117.

101. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс./: Парвизи Р. Мое рыжее пальто. - Иджтимаи К. Ревизор. - "В кн.: Тугой узел. Новеллы иранских писателей. М., 1968, с.93-106. /2-я новелла - соавт. с Ч.А.Байбурды/.

102. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс./: Парвизи Р. "Отец идет вырезать миндалины."-"Звезда Востока", Ташкент, 1968, №7, с.74-75.

103. Ворожейкина З.Н. Газели Камāла Исма'ила Исфāхāнī. (К проблеме генезиса жанра). - В кн.: Иранская филология. Крат. излож. докл. науч. конф., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с.47-52.

104. Ворожейкина З.Н. Система образов в касыде Камāl ад-Дīна Исма'ила Исфāхāнī. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.86-89.

105. Ворожейкина З.Н. /Рец. на кн./: Тилавов Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок. Душанбе, 1967, 122 с. - СЭ, 1969, № 5, с.161-163.

106. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс./: Джагал Мир Садики. В ту ночь, когда шел снег. - В кн.: Современная восточная новелла. М., 1969, с.85-97.

107. Ворожейкина З.Н. Ленин о культуре в антагонистическом обществе и некоторые проблемы изучения городской культуры домонгольского Ирана. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.8-11.

108. Ворожейкина З.Н. Вставные рассказы в романе 'Абдаллах Ансари "Друг послушников и солнце маджлисов". - ПС, 1970, вып.21 (84), с.4-15.

109. Ворожейкина З.Н. Не вошедшие в издание бейты Рудави. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.109-111.

110. Ворожейкина З.Н. и Ниязов Х.Н. Рукописные памятники персидской и таджикской литературы в собрании ИНА АН СССР. - В кн.: Иранская филология. Душанбе, 1970, с.137-142.

111. Ворожейкина З.Н. Элементы простонародной литературы в произведениях ранних персидских суфиев. - В кн.: У1 Всесоюз. науч. конф. по актуальным проблемам иранской филологии. (Тезисы докладов). Тбилиси, 1970, с.107-109.

См. также № 22, 28.

112. Газов-Гинзберг А.М. Символика краткости-долготы в основах семитских спрягаемых форм. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1968, с.18-19.

113. Газов-Гинзберг А.М. Символизм "уменьшенного" (- uai-) и "малого (растущего)" (-lau-) в семитских языках. - ПП и ПИКНВ, У1, Л. 1968 г., с.102-103.

114. Газов-Гинзберг А.М. О возможном использовании межъязыковой символики. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.120-123.

115. Газов-Гинзберг А.М. Символика краткости-долготы в основах семитских спрягаемых форм. - ПС, 1969, вып.19(82), с.45-55.

116. Газов-Гинзберг А.М. Символизм У:1 как выражение пола (рода) и размеров в семитских языках. - ПС, 1970, вып. 21 (84), с. 110-110.

117. Гафурова Н.Б. О характере литературного синтеза в поэзии Кабира. - НАА, 1970, № 6, с.121-123.

118. Горегляд В.Н. Новый документ о посольстве Н.Н.Муравьева-Амурского в Японию (1859 г.) - В кн.: Страны и народы Востока, вып.6, М., 1968, с.144-147.

И19. Горегляд В.Н. /Рец. на кн./: Арутюнов С.А. и Светлов Г.Е. Старые и новые боги Японии. М., "Наука", 1968. 199с.-НАА, 1969, № 5, с.192-195.

И20. Горегляд В.Н. В.И.Ленин о культуре и проблемы исследования японских культурно-исторических традиций. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.11-13.

И21. Горегляд В.Н. /Пер. с япон., вступит.статья, коммент. и указатель/: Кэнко-хоси. Записки от скуки. (Цурэдзурэ-гуса). М., "Наука", 1970. 255 с. (Памятники письменности Востока. 29). См. также № 367.

И22. Громковская Л.Л. Об одном частном случае взаимодействия литератур (к проблеме "ватакуси сёсэцу"). - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл. III науч. конфер., М., 1968, с.15-16.

И23. Громковская Л.Л. Ватакуси-сёсэцу и повесть Накано Сигэхару "Расставание с песней". - В кн.: Жанры и стили литературы Китая и Кореи. М., 1969, с.243-252.

И24. Громковская Л.Л. Из истории культурных взаимосвязей Японии и Европы. - НАА, 1969, № 3, с.88-94.

И25. Громковская Л.Л. Проза Накано Сигэхару в период "тэнко". - ПП и ПИКНВ, У, Л, 1969, с.89-91.

И26. Громковская Л.Л. /Рец. на кн./: Григорьева Т.П. Одиноким странник. О японском писателе Куникада Doppo. М., "Наука", 1967, 253 с. - НАА, 1969, № 2, с.231-233.

И27. Громковская Л.Л. Обзор рукописного наследия Н.А.Невского. (Архив востоковедов ИВ АН СССР). - НАА, 1970, № 1, с. 157-162.

И28. Громковская Л.Л. Основные тенденции прозаического творчества Накано Сигэхару. Автореф. дисс..... канд.филол. наук. М., 1970, 22 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

И29. Громковская Л.Л. /Сост. и предисл./: Сигэхару, Накано. Пляшущий мужчина. Повесть и рассказы. Пер. с япон. М., "Наука", 1970. 132 с. (АН СССР). Предисл. - с.4-26.

И30. Gruntfest, Y.B. The problem of classifying Southern semitic languages. М., 1969, 18 p. (IV Intern. conference on the ethiopian studies).

И31. Грунтфест Я.Б. Основы периодизации истории арабского языкознания в Европе. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.140-142.

132. Гузев В.Г. Сергей Ефимович Малов (1880-1957). (К 90-летию со дня рождения). - СТ, 1970, № 2, с.140-141.

133. Гузев В.Г., Насилов Д.М., О нулевых формах тюркского имени существительного в различных грамматических категориях. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.142-144.

134. Гузев В.Г., Дулина Н.А., Тугушева Л.Ю. О работе III тюркологической конференции в Ленинграде. - СТ, 1970, № 1, с.106-108.

135. Гузев В.Г. и Дулина Н.А. Первая тюркологическая конференция в Ленинграде. - В кн.: Тюркологический сборник 1970. М., 1970, с.277-285.

136. Гузев В.Г., Дулина Н.А., Тугушева Л.Ю. Третья тюркологическая конференция. - НАА, 1970, № 2, с.222-227.

См. также № 155, 156, 374.

137. Гуревич И.С. и Зограф И.Т. О некоторых изменениях в грамматическом строе китайского языка III-XIV вв. - ПП и ПИКНВ, У, М., 1969, с.123-126.

138. Дандамаев М.А. К вопросу о положении рабов в VI в. до н.э. в Вавилонии. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1968, с.14.

139. Дандамаев М.А. Клинописные данные об ариях. - В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с.86-93.

140. Дандамаев М.А. Свидетельские показания рабов в суде в Вавилонии VI в. до н.э. - ВДИ, 1968, № 1, с.3-12. Резюме на англ.яз.

141. Dandamajew M. Bagasaru ganzabara. - "Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde". Innsbruck, 1968, S.235-239.

142. Дандамаев М.А. /Рец. на кн./: Bogaert R. Les origines antiques de la banque de dépôt. Une mise au point accompagnée d'une esquisse des opérations de banque en Mésopotamie. Leyde, 1966. 185 с. - ВДИ, 1968, № 3, с.183-186.

143. Дандамаев М.А. /Рец. на кн./: Culican W. The Medes and Persians. London, 1965. 260 p. - ВДИ, 1968, № 2, с.194-197.

144. Дандамаев М.А. Вавилонский документ о незаконной продаже храмовой рабыни, - ПС, 1969, вып. 19(82), с.3-6. Резюме на англ. яз.

145. Дандамаев М.А. К вопросу о положении рабов в поздней Вавилонии. (Даян-бел-уцур - раб дома Эгиби). - ВДИ, 1969, № 4, с. 3-17. Резюме на англ. яз.

I46. Дандамаев М.А. У Международный конгресс иранского искусства и археологии. - ВДИ, 1969, № 3, с.205-208.

I47. Dandamayev M.A. Achaemenid Babylonia. - В кн.: *Ancient Mesopotamia*, М., 1969, p.296-311.

Кр. излож. статей: "Контракты о сдаче внаем скота, принадлежащего сатрапу Аршаму. (Проблемы соц.-эконом.ист.др.мира. М.-Л., 1963, с.127-148) и "Храмовая десятина в поздней Вавилонии" (ВДИ, 1965, № 2, с.14-31).

I48. Dandamayev M.A. Der Tempelzehnte in Babylonien während des 6.-4. Jh. v.u.Z. - "Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben, 1969, Bd.1, s.82-90.

I49. Джалилов О.Дж. /Рец. на кн./: Хазнадар М. Очерк истории современной курдской литературы. М., "Наука", 1967, 232с.-НАА, 1968, № 6, с.205-206.

I50. Джалилов О.Дж. Курдские народные пословицы и поговорки. Т. I, Ереван, "Айастан" 1969. 231 с. (На курдск. яз.).

I51. Джалилов О.Дж. Курдский язык. Учебник для IV класса, Ереван, "Дуйс" 1969, 178с. (На курдск.яз.).

I52. Джалилов О.Дж. К вопросу о создателях и исполнителях курдских народных исторических песен. - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с. III-III.

I53. Джалилов О.Дж. Современное состояние собирания курдского фольклора в СССР. - В кн.: Современное состояние народного творчества. Прогр. конфер. и тезисы докл. Л., 1970, с.87-88.

I54. Дулина Н.А. К истории изучения турецкой миниатюрной живописи. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.9-12.

I55. Дулина Н.А. и Гузев В.Г. Туркологическая конференция в Ленинграде. - НАА, 1968, № 2, с.241-244.

I56. Дулина Н.А., Гузев В.Г., Насилов Д.М. Вторая Туркологическая конференция в Ленинграде, - НАА, 1969, № 2, с.242-245.

I57. Дулина Н.А. Библиографический словарь отечественных туркологов. (Дооктябрьский период). /Автоаннотация/. - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.181-184.

См. также № 134, 135, 136.

I58. Afanasieva V.K., Dunaievskaja I.M., Jakobson V.A., Jankowska N.V., Kaneva I.T. Cuneiform studies. М., "Наука", 1968. 30 p. (Fifty years of Soviet Orient.stud. (brief reviews). Bibliogr.: p, 25-30.

159. Дунаевская И.М. Современный уровень филологических исследований хеттских иероглифических текстов. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. М., 1968, с.22-23.

160. Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. М., "Наука", 1969, 120 с. (Языки народов Азии и Африки).

161. Дьяконов И.М. Город Ур при РимСине I и Хаммурапи. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докл., М., 1968, с.42-45.

162. Афанасьева В.К. и Дьяконов И.М. Искусство Передней Азии II - середины I тысячелетия до н.э. - В кн.: Искусство древнего Востока. М., 1968, с.60-84, с илл.

163. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван, Изд. АН Арм.ССР, 1968, 264 с. с илл.; 4 л. карт. (Ин-т истории АН Арм.ССР).

164. Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. 3. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии. - ВДИ, 1968, № 3, с.3-27.

165. Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. - ВДИ, 1968, № 4, с. 3-40, Резюме на англ. яз.

166. Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Канева И.Т., Кап-лан Г.Х., Кашкай В.А., Шифман И.Ш., Янковская Н.Б. /Рец. на кн.:/ Studies in honor of Benno Landsberger on His Seventy-fifth Birthday. April 21, 1965. Chicago, 1965, 448 pp. - ВДИ, 1968, N 2, с.162-176.

167. Дьяконов И.М. Письмо в редакцию. /По поводу статьи А.Г.Кифишина "Западные кварталы Лагаша" (ВДИ, 1968, № 3)/. - ВДИ, 1969, № 3, с.211-214.

168. Diakonoff I.M. Agrarian conditions in Middle Assyria. - Ancient Mesopotamia. М., 1969, p.204-234.

На русск.яз. опубл.: Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, с.44-73.

169. Diakonoff I. The inscriptions of Gudea of Lagash. - MIO, 1969, Bd. 15, N 3, s.525-532.

170. Diakonoff I.M. main features of the economy in the monarchies of Ancient Western Asia. - В кн.: Troisième conference internationale d'histoire economique. Paris - La Haye, 1969, pp.13-32.

171. Diakonoff I.M. On the interpretation of § 70 of the Bisutun inscription (Elamite version). - A Ant, 1969, t.17, fasc.1-2, p.105-107.

172. Diakonoff I.M. The rise of the despotic state in ancient Mesopotamia. М., 1969, p.173-203.

На русск.яз. опубл.: Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье. М., 1957.

173. /Дьяконов И.М. и Канева И.Т./, /Рец. на кн./: Falkenstein A. Die Inschriften Gudeas von Lagaš, I. Einleitung. Roma, 1966. XVIII + 188 с. - ВДИ, 1969, № 4, с.161-169. Подпись: Д.К.

174. Diakonoff I.M. / Предисл. и ред./: Ancient Mesopotamia. Socioeconomic history. A collection of studies by soviet scholars. М., "Наука" Publ. House, 1969. Предисл.: pp. 8-16.

175. Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. - ВДИ, 1970, № 4, с.39-63. Резюме на англ.яз.

176. Афанасьева В.К. и Дьяконов И.М. Архитектура стран Двуречья и Месопотамии /Гл.4/. - В кн.: Всеобщая история архитектуры, т.1, М., 1970, с.196-222, с илл.

177. Утченко С.Л. и Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970. 20с. (XIII Междунар. конгресс ист. наук).

178. Дьяконов И.М. Экономика древневосточного города. (Передняя Азия, III-II тыс. до н.э.) М., "Наука", 1970, 19 с. (У Международный конгресс эконом. ист.).

То же на англ.яз.: Diakonoff I.M. Economy of the ancient oriental city. (Western Asia, 3rd-2nd millennia B.C.) М., "Наука" 1970. 211 pp. (V Intern. congress of econom. hist.).

179. Diakonoff I.M. The origin of the 'Old Persian' writing system and the ancient oriental epigraphic and annalistic traditions. - В кн.: W.B. Henning memorial volume. London, 1970, p.98-124.

180. Еланская А.И. Коптские рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., "Наука", 1969, 151 с.; 4 л. илл. (ПС, вып. 20 (83)).

181. Еланская А.И. Коптская литература. - В кн.: "Фольклор и литература народов Африки", М., 1970, с.18-27.

182. Еланская А.И. Разгадка закона Штерна-Эрнштедта. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.145-146.

183. Еланская А.И. Саидский диалект позднейшего египетского коптского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1970, 21 с. (ЛГУ им. А.А. Жданова).

184. Елисеев Д.Д. Корейская средневековая литература пхэ-соль. (Некоторые проблемы происхождения и жанра). М., "Наука", 1968, 136 с.

185. Елисеев Д.Д., Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Обоснованы ли выводы? /По поводу статьи А.Тэн "Традиция реализма в корейской литературе" (ВЛ, 1968, № 12)/. - ВЛ, 1969, № 5, с.186-188.

186. Елисеев Д.Д. Очерк в корейской средневековой литературе пхэсоль (черты жанра). - В кн.: Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с.233-242.

187. Елисеев Д.Д. /Пер. с корейск. и коммент./: Черепаховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л., "Худож.лит.", 1970, с.7-150 (пер.), с.230-243 (коммент.).

188. Елисеева Н.В. К вопросу об исторической достоверности Шах-наме Фирдоуси (на примере одного фрагмента). - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.12-13.

189. Елисеева Н.В. Третья научная годовичная сессия Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР. - НАА, 1968, № 2, с.233-236.

190. Елисеева Н.В. О некоторых методах лексикологической работы Ю.Н.Марра ("Документальный персидско-русский словарь") - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.126-128.

191. Елисеева Н.В. IV годовичная научная сессия Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР. - НАА, 1969, № 2, с. 246-248.

192. Елисеева Н.В. Биография покойного Мирзы Абу-л-Касима Кайим Макама (сочинение Абд ал-Ваххаба Кайим Маками). - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.46-48.

193. Елисеева Н.В. Годичная научная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. - НАА, 1970, № I, с.233-235.

194. Елисеева Н.В. /У I научная сессия ЛО ИВ АН СССР, посвященная 100-летию со дня рождения В.И.Ленина/. - НАА, 1970, № 6, с.193-197.

195. Ерназарова Т.С. Архивные материалы о поступлении монет из Средней Азии в хранилище Петербурга в конце XIX века. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.13-15.

196. Ерназарова Т.С. Второй дирхем Абу Дауда Халида. - "Обществ. науки в Узбекистане", 1968, № 7, с.63-64.

197. Ерназарова Т.С. О монетных находках на Афрасиабе в 1965 г. - В кн.: Афрасиаб. Вып. 7, Ташкент, 1969, с.317-329.
198. Ерназарова Т.С. Монетные находки на городище Афрасиаб 1947-48 гг. (Из раскопок А.И.Тереножкина). - ПП и ПИКНВ, IV, М., 1970, с.80-82.
199. Западова Е.А. Роман Сун Сорена "Солнце встает над древней землей" и современная проза Камбоджи. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.77-78.
200. Западова Е.А. Пи Моу Нин - родоначальник психологического метода в бирманской литературе. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.91-93.
201. Западова Е.А. Роль переделок в современной бирманской литературе. - В кн.: Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969, с.150-156.
202. Зислин М.Н. Караимские языковеды XI-XII в.в. о грамматическом сопоставлении древнееврейских слов (по материалам неопубликованных рукописей Гос.публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина). - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.104-105.
203. Зислин М.Н. О взаимозависимости форм различных категорий глагола древнееврейского языка. (По материалам ленинградской рукописи 1208 г. "Мё'бр 'айин"). - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.132-134.
204. Зислин М.Н. Проблемы исследования неопубликованного грамматического сочинения "Мё'бр 'айин". - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.14-16.
205. Зислин М.Н. О морфологической терминологии в неопубликованном сочинении по грамматике древнееврейского языка "Мё'бр 'айин". (Рукопись ГПБ 1208 г. П.Собр.Фирк.евр. ПА 132,1) . - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.149-151.
206. Зограф Г.А. О грамматической категории одушевленности в новых индоарийских языках. - В кн.: Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968, с.244-251.
207. Zograf G.A. Indian philology. M., "Nauka", 1968, 31 p. (Fifty years of Soviet Orient Stud. (brief reviews).
208. Зограф Г.А. /Статьи в КЛЭ/:
 Мусхафи. - КЛЭ, т.5, 1968, с.29.
 Насим. - Там же, с.23-24.
 Насих. - Там же, с.126.
 Пенджабский язык. - Там же, с.644-645.

209. Зограф Г.А. Формальная репрезентация видо-временной системы глагола хинди. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.173-177.

210. Zograf G.A. Analytic comparison of grammatical structures of new Indo-Aryan languages. (A tentative approach). - В кн.: Soviet Oriental studies. Calcutta, 1970, p.239-245.

Ранее опубли.: Moscow, 1967.

211. Zograf G.A. Indian philology. - В кн.: Soviet Oriental studies. Calcutta, 1970, p.38-55.

212. Зограф И.Т. О локальных различиях в языке памятников средневековой китайской литературы. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.106-109.

213. Зограф И.Т. Отрицания в языке ваньских пьес. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970. с.151-154.

См. также № 137.

214. Иванов Г.Д. "Сиракаба" - литературное общество и журнал. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.78-80.

215. Иванова Г.Д. - "Рабочая литература" в Японии. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.93-95.

216. Иванова Г.Д. /Пер. с япон./: Абэ Кобо. Вторжение. - В кн.: Современная восточная новелла. Сб.переводов. М., 1969, с.218-237.

217. Исхаков М., Глагольные формы в согдийских документах с горы Мур. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.109-112.

218. Какабадзе С.С. Древнейшие грузинские сведения о Юго-Западной Грузии. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.50-52.

219. Какабадзе С.С. Жизнеописание картлийского царя Арчила. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.12-14.

220. Кальянов В.И. Древнеиндийская филология в современной Индии. - В кн.: Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968, с.46-60.

221. Кальянов В.И. Выдающийся русский ученый академик Федор Щербатской. (1866-1942). - В кн.: Щербатской Ф.И. Буддийская логика. Варанаси, 1969 /вступит.статья/. (На яз.хинди).

222. Канева И.Т. /Рец. на кн.: Jacobsen Th. About the Sumerian verb. - "Assyriol. Stud.", N 16, Chicago, 1965, p.71-101. - ВДИ, 1968, № 2, с.176-180.

См. также № 47, 158, 166, 173.

223. Каплан Г.Х. /Рец. на кн./: Soden W. Das akkadische t-Perfekt in Haupt - und Nebensätzen und sumerische Verbalformen mit den Präfixen ba - imma und u-. - "Assyriol.Stud.", N 16, Chicago, 1965, p.103-110. - ВДИ, 1968, № 2, с.180-182.

224. Каплан Г.Х. Глагол в среднеассирийском диалекте аккадского языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук Л., 1969, 23 с. (АН СССР, Ин-т востоковедения).

См. также № 166.

225. Карская Л.Н. Исследования и материалы по иранистике и тюркологии в изданиях Кавказского отдела Русского географического общества. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.15-18.

226. Карская Л.Н. Персидский географический трактат (Рисале) Мухаммада ал-Багдади как источник для изучения Курдистана начала XIX в. - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.48-50.

227. Кепинг К.Б. Категория вида в тангутском языке. - НАА, 1968, № 3, p.134-139.

228. Кепинг К.Б. Переходность в тангутском языке. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.112-114.

229. Кепинг К.Б., Килоколов В.С., Кычанов Е.И. и Терентьев-Катанский А.П. /Пер. с тангут., вступ.статьи и прилож./: Море письмен. Факс. тангут.ксилографов. М., "Наука", 1969. 2 т. (Памятники письменности народов Востока. 25).

Ч.1. 607 с. с факс.

Ч. 2./Приложения/, 271 с. Резюме на англ.яз.

230. Кепинг К.Б. Субстантиваторы в тангутском языке. (Служебные слова, образующие синтаксические конструкции с именными свойствами) - ПП и ПИКНВ, I, Л., 1969, с.134-136.

231. Кепинг К.Б. Текстологическое и грамматическое исследование тангутского перевода китайского военного трактата Сунь цзы с комментариями трех авторов. Автореф. дисс.... канд.филол. наук. Л., 1969, 24 с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

232. Кепинг К.Б. Тангутские послелогии и их классификация.- ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.154-156.

233. Кинк Х.А. Об особенностях связей Египта и Ханаана с окружающими странами в IV и начале III тысячелетий до н.э. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку, Тезисы докл., М., 1968, с.38-39.

234. Кинк Х.А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М., "Наука", 1970, 204 с. с илл. (АН СССР, Ин-т востоковедения).

235. Кляшторный С.Г. Надписи Тепсея. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.18-20.

236. Кляшторный С.Г. Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.46-47.

237. Кляшторный С.Г. Древнетюркская руническая эпиграфика: итоги и перспективы изучения. - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.83-85.

238. Кляшторный С.Г. и Ромодин В.А. Изучение истории тюркских народов в АН СССР. - В кн.: Тюркологический сборник 1970. М., 1970, с.148-162.

239. Колесников А.И. Пехлевийские сочинения в арабской обработке. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.20-22.

240. Колесников А.И. Иран накануне арабского завоевания (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Л., 1969. 26 с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

241. Розенфельд А.З. и Колесников А.И. Материалы по эпиграфике Памира. Надписи из Сарои Бахор. (Сел. Поршнив Шугканский р-н). - ЭВ, 1969, XIX, с.92-102, 12 илл. в тексте.

242. Колесников А.И. Об одном пехлевийском сочинении в рукописи Института востоковедения АН СССР, - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию проф. А.Н.Болдырева, М., 1969, с.19-22.

243. Колесников А.И. Сражение при Зу-Каре. - ПС, 1969, вып.19(82), с.76-86. Резюме на англ.яз.

244. Колесников А.И. Иран в начале УП века. (Источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Л., "Наука", 1970. 147 с. (ПС, вып.22(85)).

См. также № 389.

245. Колоколов В.С. Первые шаги в японо-китайской иероглифической каллиграфии. Л., 1968, 28 с. Машинопись.

246. Колоколов В.С. О Джемсе Легге и его воззрениях на книгу "Да сюэ". - НАА, 1969, № 6, с.152-164.

См. также № 229.

247. Кононов А.Н. Памяти Д.А.Магазаника. I5/III I896 - 26/XP I948. - НАА, 1968, № 5, с.210-212.

248. Кононов А.Н. Тюркская филология в СССР. I9I7-I967. М., "Наука", 1968, 44 с. (АН СССР. Ин-т народов Азии).

249. Kononov A.N. Turkic philology. M., "Nauka", 1968, 52 p. (Fifty years of Soviet Orient.stud. (brief review). Bibliogr. : p.25-52.

250. Kononov A.N. İsimlerin ve sıfatların küçültme şekilleri ve söz yapımı. XI. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildirilerden. Ankara, ТТКВ, 1968. /9с./ /Отд. отт./.

251. Кононов А.Н. Заметки (П) тюрколога на полях "Словаря русских народных говоров". - ИАН СССР, СЛЯ, 1969, т.28, вып.6, с.531-538.

252. Кононов А.Н. Памяти Михаила Семеновича Михайлова (23.II.1896 - 16.V.1969). - НАА, 1969, № 6, с.240-241.

253. Кононов А.Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. Л., "Наука", 1969, 32 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Лен.отделение). Резюме на нем.яз.

254. Кононов А.Н. Двенадцатая сессия постоянной международной алтаистической конференции и наши задачи. - ВАН Казах. ССР, 1970, № 7, с.74-76 (совм. с С.К.Кенесбаевым).

255. Кононов А.Н. Международная конференция алтаистов. - НАА, 1970, № 3, с.231-232 (Подпись: А.Н.К.).

256. Кононов А.Н. П.М.Мелиоранский и отечественная тюркология. - СТ, 1970, № 1, с.16-23.

257. Кононов А.Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме "Кутадгу билиг". - СТ, 1970, № 4 с.3-12.

Пер. на узб. яз.: "Ўзбек тили ва адабиёти", 1970, № 5, с. 3-14.

Пер. на уйгур. яз.: "Коммунизм туғи", Алма-Ата, 1970, 4 авг.

258. Кононов А.Н. Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917-1967. В кн.: Тюркологический сборник 1970. М., 1970, с.5-28.

259. Кононов А.Н. /Рец. на кн./: Tekin T. .A grammar of Orkhon Turkic.Bloomington,publ. by Indiana Univ., 1968, 419p. - ВЯ, 1970, № 4, с.141-145.

260. Крачковский И.Ю. (с доп. В.А.Крачковской). Надгробная плита 'Абд-ас-Саттър хана. - ЭВ, 1969, XIX, с.59-63.

261. Кроль Ю.Л. Два различных отношения государства к традиции в начале истории китайской централизованной бюрократической империи.-В кн.: Симпозиум "Роль традиций в истории Китая". Тезисы, докладов, М., 1968, с.35-38.

262. Кроль Ю.Л. Древнейшие в Китае законы о превышении власти чиновниками, о наказании чиновников за недоносительство и проблема статуса бюрократии. - В кн.: IY сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. М., 1968, с.98-101.

263. Кроль Ю.Л. Интерпретация рассуждений Сыма о "шести школах" как политического трактата. - ПП и ПИКНВ, IY, Л., 1968, с.53-55.

264. Кроль Ю.Л. "Записи историка" как литературное произведение. - В кн.: Литература древнего Китая. М., 1969, с. 231-259.

265. Кроль Ю.Л. Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок сехоуэй. - В кн.: Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с. 194-203.

266. Кроль Ю.Л. Древнейшие в Китае законы о критике (Цинь - Западная Хань). - В кн.: Научная конфер. "Общество и государство в Китае". Докл. и тезисы. Вып. I. М., 1970, с.115-124.

267. Кроль Ю.Л. Сыма Цинь - историк. М., "Наука", 1970. 447 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Библиогр.: с. 376-388. Указатели: с.389-446.

268. Кроль Ю.Л. Философская аллегория "История цветов" Лим Дже. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл. IY науч. конф. М., 1970, с.25-28.

269. Кроль Ю.Л. /Комментарии/ - В кн.: Черепаховый суп. Л., 1970, с.243-276.

270. Кузнецов Б.И. Морфологическое значение адверба в маратхи (попытка истолкования). - ПП и ПИКНВ, IY, Л., 1968, с.114-116.

271. Кузнецов Б.И. Синтаксические функции зависимых оборотов в маратхи. - В кн.: Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968, с.224-231.

272. Кузнецов Б.И. Принцип письма деванагари. - ПП и ПИКНВ, UI, М., 1970, с.177-180.

273. Куликова А.М. Обзор архивных материалов по истории преподавания восточных языков в Петербургском университете в 1816-1890-х гг. (по фондам архива Академии наук СССР). - ПП и ПИКНВ, IY, Л., 1968, с. 23-26.

274. Куликова А.М. Зарождение университетского востоковедения в России. - "Обществ.науки в Узбекистане", 1969, № 6, с.27-34. Резюме на узб. яз.

275. Куликова А.М. К вопросу о периодизации истории востоковедения в России до 1917 года. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.47-49.

276. Куликова А.М. Востоковедное образование в Петербургском университете в первой половине XIX века и учреждение факультета восточных языков. Автореф. дисс... канд.ист.наук. Л., 1970, 20 с. (ЛГУ, им. А.А.Жданова).

277. Куликова А.М. История одной малайской рукописи. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.51-53.

278. Кумеков Б.Е. Страна кимаков по ал-Идриси. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.26-28.

279. Кумеков Б.Е. Хозяйство кимаков. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с. 49-51.

280. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Автореф. дисс... канд. ист.наук, Алма-Ата, 1970, 16с. (АН Казах. ССР. Ин-т ист., археол. и этногр. им. Ч.Валиханова).

281. Кумеков Б.Е. Расселение кимакских племен в IX-XI вв. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с. 85-86.

282. Курдоев К.К. Об одном толковании сведений Ксенофонта о кардухах. - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл. науч. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева, М., 1969, с.25-28.

283. Курдоев К.К. Позиция союзного слова в курдском языке. (К вопросу о роли инверсии в курдском языке). - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с. 136-138.

284. Курдоев К.К. Объектная и безоъектная конструкция в заза и курманджи. - В кн.: Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тезисы докл., М., 1970, с.30-34.

285. Курдоев К.К. Труды Амиде Авдала (1906-1961) по курдской этнографии. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с. 54-56.

286. Кушев В.В. Кандагарский поэт в Бухаре. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с. 67-72.

287. Кушев В.В. Об одном кандагарском поэте, жившем в Бухаре. - "Кабул", 1968, № 585/4, с.18-24. (на яз.пашто).

288. Кушев В.В. Из истории афганского алфавита. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.138-141.

289. Кушев В.В. О нескольких версиях афганской "Повести о Махбубе и Джаллате". - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл. науч. конф., посвя. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с. 63-66.

290. Кушев В.В. Об участии сына Ахунда Дарвезы в литературной деятельности отца. - ПП и ПИКНВ, У., Л., 1969, сс. 95-98.

291. Кушев В.В. "Описание рукописей на языке пашто". - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, сс. 56-59.

292. Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., "Наука", 1968, 355 с. с карт., 1 л. илл.

293. Кычанов Е.И. Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя. - ПП и ПИКНВ, УУ, Л., 1968, с. 55-58.

294. Кычанов Е.И. Из истории экономики тангутского государства Ся (982-1227 гг.) - В кн.: Страны и народы Востока, вып. УШ, М., 1969, с. 113-121. Библиогр. в примеч.

295. Кычанов Е.И. "Крупинки золота на ладони" - пособие для изучения тангутской письменности. - В кн.: Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с. 213-222.

296. Кычанов Е.И. О некоторых тангутских наименованиях соседних народов. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с. 87-89.

См. также № 229.

297. Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Каратеппе. - В кн.: Буддийские пещеры Каратеппе..., М., 1969, с. 47-81. Библиогр. в примеч.

298. Лившиц В.А. и Кляшторный С.Г. Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с. 51-54.

299. Лившиц В.А. Хорезмийский календарь и эры Древнего Хорезма. - ПС, 1970, вып. 21(84), с. 161-169.

300. Livshitz V.A. A Sogdian alphabet from Panjikant. - В кн.: W.B. Henning memorial volume. London /1970/, p. 256-263, 1 pl.

См. также № 47.

301. Лундин А.Г. Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Л., 1968, 44 с. (ЛГУ им. А.А. Жданова).

302. Лундин А.Г. К дискуссии о сабейском эпонимате. (Ответ Г.М. Бауэру). - ВДИ, 1968, № 1, с. 120-126. Резюме на англ. яз.

303. Лундин А.Г. Новая сабейская надпись с формулой *dsryhw* - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с. 28-30.
304. Лундин А.Г. Эволюция государственного строя Саба'. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1968, с.10-12.
305. Лундин А.Г. Городской строй южной Аравии во II-IV вв. н.э. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.55-57.
306. Лундин А.Г. Новые южноарабские надписи музея в Сан'а. П. - ЭВ. 1969, XIX, с. 14-20.
307. Loundin A. Sur les rapports entre l'Ethiopie le Himyar du VIe siecle. М., 1969, 15 p. (IV Conference intern. des etudes ethiopiennes).
308. Lundin A. The list of Sabaean eponyms again. - JAOS, 1969, vol. 89, fasc.3, p.533-541.
309. Лундин А.Г. /Рец. на кн./: Höfner M. Sabaeica. Bericht über die archäologischen Ergebnisse seiner zweiten, dritten und vierten Reise nach Südarabien von Carl Rathjens. III. Teil. Hamburg, 1966, 56 S. - ПС, 1969, вып. 19(82), с.202-203.
310. /Лундин А.Г./ Нина Викторовна Пигулевская. /Некролог/. - ВИ, 1970, № 5, с. 221.
311. Лундин А.Г. Гонзаг Рикманс (10 декабря 1887 г. - 3 сентября 1969 г.) - ПС, 1970, вып. 21 (84), с. 249-251.
312. Лундин А.Г. Царская власть в Южной Аравии в I тыс. до н.э. - ВДИ, 1970, № 3, с. 3-16.
313. Лундин А.Г. /Рец. на кн./: Бауэр Г.М. Язык южно-арабийской письменности. М., 1966, 120 с. - ВДИ, 1970, № 1, с.152-155.
314. Мамедова, Ф.Дж. Термины НАҒАПЕТ и АЗҒАПЕТ в Алуэнских канонах. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.18-21.
315. Мартынов А.С. "Дальние" в системе "чаогун". - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с. 58-60.
316. Мартынов А.С. Место традиции в политической идеологии эпохи Цин. - В кн.: Симпозиум "Роль традиций в истории Китая". Тезисы докл. М., 1968, с. 47-48.
317. Мартынов А.С. Формулы "соответствия" и "действия" в императорских титулах династий Мин и Цин. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с. 58-60.

318. Мартынов А.С. О двух типах взаимодействия в традиционных китайских представлениях о государстве и государственной деятельности. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с. 90-92.

319. Меньшиков Л.Н. К вопросу о династийной периодизации китайской классической литературы. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока, Тезисы докл. III научн. конфер. М., 1968, с. 29-31.

320. Меньшиков Л.Н. Проблемы изучения окружения бянъвэнь. - В кн.: Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969, с. 275-281.

321. Меньшиков Л.Н. К истории жанра бянъвэнь. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с. 113-117.

322. Меньшиков Л.Н. и Павловская Л.К. Справочные пособия как показатель этапов развития китайской литературы. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. /Тезисы/. М., 1970, с. 34-36.

323. Миклухо-Маклай Н.Д. Забытый памятник Тимуридской историографии. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с. 73-76.

324. Миклухо-Маклай Н.Д. "Записки" Бабур и географическая литература XVI-XVII в.в. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1968. с.30-31.

325. Миклухо-Маклай Н.Д. Еще раз об авторе сочинения "Ад-жаиб ад-дунья" - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1969, с. 21-23.

326. Миклухо-Маклай Н.Д. "Рисала-и Малик-шахи" - географическое сочинение сельджукского времени. - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл. науч. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева, М., 1969, с. 28-31.

327. Миклухо-Маклай Н.Д. К характеристике среднеазиатской географической литературы XVI-XVII в.в. - ПП и ПИКНВ, - УИ, М., 1970, с. 59-61.

328. Миклухо-Маклай Н.Д. Некоторые уточнения к датировке текста Шараф-нама. - ПС, 1970, вып. 21 (84), с.214-221.

329. Мусаэлян Ж.С. Курдские народные песни из рукописного собрания Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1969, с. 98-101.

330. Мусаэлян Ж.С. Курдское народное сказание о Геври и Халил-беке (запись XIX в.) - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл. науч. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева, М., 1969, с. 66-69.

331. Мусаэлян Ж.С. История изучения курдского народного сказания "Замбильфреш". - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с.117-120.

332. Невелева С.Л. Сравнение в Махабхарате (классификация образов). - В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 3, Улан-Удэ, 1969, с. 177-188.

333. Невелева С.Л. Эпическая ономастика. (Опыт описания структуры).-ПП и ПИКНВ, У., Л., 1969, с. 142-144.

334. Нигматов Х.Г. Махмуд Кашгарский о взаимовлиянии тюркских и иранских языков. - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл.научн. конф., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с. 101-104.

335. Нигматов Х.Г. О классификации тюркских племенных языков М. Кашгарским. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с. 144-147.

336. Нигматов Х.Г. О понудительном и страдательном залогах. (По материалам Словаря Махмуда Кашгарского). - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с.156-160.

337. Никитина М.И. и Троцевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIX в. М., "Наука", 1969, 238 с. (АН СССР, Ин-т востоковедения). Библиогр.: с.233-234. (61 назв.).

338. Никитина М.И. Послесловие /Корейская новелла XV-XVII вв./ - В кн.: Черепановый суп. Л., 1970, с.216-229.

См. также № 185.

339. Николаева О.С. Из истории института пятидворок в Японии.-В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 6, М., 1968, с. 133-143.

Ниязов Х.Н. см. № 110.

340. Носова Н.И. Словообразование и формообразование с помощью префикса a - в бирманском языке. - ПП и ПИКНВ, ИУ, Л., 1968, с.117-118.

341. Носова Н.И. Именные членные предложения в бирманском языке. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с. 147-149.

342. Огнева Е.Д. Связь географических названий с именами горных божеств в тексте пятой главы тибетского эпоса о царе Гэсаре. - ПП и ПИКНВ, ИУ, Л., 1968, с.32-34.

343. Оранский И.М. Древнеиранская филология в СССР (1917-1967). - В кн.: IU сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. М., 1968, с. 74-75.

344. Оранский И.М. К имени бактрийского вождя *Karšivγs* (IV в. до н.э.). - В кн.: IU сессия по древнему Востоку. Тезисы докл., М., 1968, с.78-79.

345. Оранский И.М. О некоторых ареальных явлениях в области стыка индоарийских и иранских диалектов. - В кн.: Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968). Тезисы докл. и сообщ. сов. ученых, М., 1968, с. 51-52.

То же на англ.яз.: Oransky I.M., On some areal phenomena in the borderland between the Indo-Aryan and the Iranian Dialects. - В кн.: International Conference on the History, Archaeology and Culture of Central Asia... Abstracts of papers by Soviet Scholars. Moscow, 1968, p.52-53.

346. Оранский И.М. О чередовании z/d в некоторых персидско-таджикских диалектах, - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.118-119.

347. Оранский И.М. Памяти учителя /А.А.Фреймана/. - НАА, 1968, № 3, с. 224-227.

348. Оранский И.М. Еще один среднеазиатский вариант "Сказки о царе Салтане". - В кн.: Иранская филология. Кр.излож. докл. науч. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева, М., 1969, с.69-82.

349. Оранский И.М. /Рец. на кн./: Folk tales of Swat. Coll. and transl. by Inayat-ur-Rahman. Pt.1 Rome, 1968, 41, 59 p. - НАА, 1969, № 4, с. 226-227.

350. Оранский И.М. К имени бактрийского (?) вождя *Katiriz* (IV в. до н.э.). - ПС, 1970, вып. 21 (84), с. 155-160.

351. Оранский И.М. Тадж. *kati/qati* - осет. (диг.) *xäc-sä*. - В кн.: Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тезисы докл. М., 1970, с.35-37.

352. Оранский И.М. Indo-Iranica I. - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.160-163.

353. Оранский И.М. /Рец. на кн./: Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., "Наука", 1968, 112 с., 14 карт. - НАА, 1970, № 5, с. 196-201.

354. Оранский И.М. /Рец. на кн./: Gershevitch I. Old Iranian literature. Leiden-Köln, 1968. 30 p. - ВДИ, 1970, № 2, с.209-210.

355. Орбели Р.Р. Новые биографические данные о Мирзе Джафаре Топчибашеве (по материалам собрания грузинских рукописей). - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.34-40.

356. Павловская Л.К. Из истории текста "Пинхуа по истории пяти династий". - ПП и ПИКНВ, IY, Л., 1968, с.83-86.

357. Павловская Л.К. Пинхуа по истории пяти династий. (О некоторых вопросах структуры и приемах изложения истории). - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.61-63.

См. также № 322.

358. Пайкова А.В. Книга "Калила и Димна" как "зерцало". - ПС, 1969, вып. I9(82), с.94-117. Резюме на англ. яз.

359. Пайкова А.В. и Лебедева И.Н. Нина Викторовна Пигулевская. (К 75-летию со дня рождения). - НАА, 1969, № I, с.216-219.

360. Пайкова А.В. Старая сирийская легенда в новой арабской литературе. - ПП и ПИКНВ, Y, Л., 1969, с.101-104.

361. Пайкова А.В. /Пер. с араб./: Теймур, Махмуд. Его поезд ушел ...-Багдади, Шауки. В моем городе идет дождь. - В кн.: Современная восточная новелла. Сб. переводов. М., 1969, с. 162-173.

362. Пайкова А.В. и Юнусов К.О. В.И. Ленин на страницах ливанской прессы (1941-1969). - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с. 24-27.

363. Перепелкин Ю.Я. "Тайна Золотого гроба". М., "Наука", 1968. 173 с. с илл. (АН СССР, Ин-т народов Азии).

364. Периханян А.Г. Агнатические группы в древнем Иране. - ВДИ, 1968, № 3, с.28-53. Резюме на англ. яз.

365. Perikhanian A. Sur arm. panduxt. - RE Arm, 1969, N.S., t.6, p.1-14.

366. Perikhanian A. On some Pahlavi legal terms. - В кн.: W.B.Henning memorial volume. London, /1970/, p.349-357.

367. Петрова О.П. и Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 4. М., "Наука", 1969. 173 с. (АН СССР. Ин-т народов Азии).

368. Петросян Ю.А. Исследование культурного наследия по письменным памятникам. - ВАН СССР, 1968, № 2, с.61-66, с илл.

369. Петросян Ю.А. К характеристике основных черт идеологии младотурецкого движения. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с. 91-97.

370. Моисеев П.П. и Петросян Ю.А. У наших турецких коллег. - "Азия и Африка сегодня", 1968, № 10, с.55-57.

371. Моисеев П.П. и Петросян Ю.А. В университетах и научных центрах Турции. - НАА, 1969, № 2, с. 249-252.

372. Петросян Ю.А. Изучение истории в современной Турции. - ВИ, 1969, № 7, с. 189-194.

373. Петросян Ю.А. Политическая сатира младотурок. (По материалам малоизвестных сатирических газет). - НАА, 1969, № 6, с. 136-143, с илл.

374. Petrosjan Ju. A. Der Islam in der Ideologie der Jungtürken (in den Jahren der Tätigkeit der "Neuen Osmanen"). - МЮ, 1969, Bd. 15, Ht. 1, S.99-103.

Перев. на нем. яз. В.Г.Гузев.

375. Petrosjan Ju. 1859 yilindaki "Kuleli vakasi" nin Karakterine ve bunun Türkiye tarihindeki yerine dair. - "Belle-ten", Ankara, 1969, Cilt 33, N 132, s.587-593.

Пер. на тур. яз. статьи "К вопросу о характере "Кулелийского инцидента" 1859 г. и его месте в истории Турции". (НАА, 1961, № 6, с. 105-108).

376. Петросян Ю.А. В.И. Ленин и национально-освободительное движение народов Востока. - В кн.: Ленинизм - великое всепобеждающее учение миллионов. /Тезисы/, Л., 1970, с.273-280.

377. Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX - начало XX вв.). Автореф. дисс.... докт.ист.наук. М., 1970. 68 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

378. Пигулевская Н.В. Заседание Бюро Отделения истории АН СССР в Ленинграде. - ВИ, 1968, № 8, с. 150-153.

379. Пигулевская Н.В. Памятники сирийской письменности. - ВАН СССР, 1968, № 2, с. 67-72, с илл.

380. Пигулевская Н.В. Шапур П и советник Гухиштазад. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с.98-101.

381. Bank A.V., Granstrem Ye.E., Kurbatov G.L., Pigulevskaya N.V. Byzantine studies. M., "Nauka", 1968, 24 p. (Fifty years of Soviet Orient. stud. (brief reviews). Bibliogr.: p.15-24

382. Пигулевская Н.В. Город Ближнего Востока в раннем средневековье. - ВДИ, 1969, № 1, с.65-70. Резюме на англ.яз.

383. Пигулевская Н.В. Сирийская хроника пс. Дионисия Тельмахрского и византийская историография. - ПС, 1969, вып.19 (82), с. 118-126. Резюме на франц.яз.

384. Pigulevskaya N.V. Byzanz auf den Wegen nach Indien. Aus der Geschichte des byzantinischen Handels mit dem Orient vom. 4. bis 6 Jahrhundert. Berlin, Akad. - Verl., Amsterdam, 1969. 360 S.

385. Pigulevskaya N.V. Note sur les relations de Byzance et des Huns au VI s. - "Revue des etud. sud - est Europ", 1969, t.7, N 1, p.199-203.

386. Пигулевская Н.В. /Рец. на кн./: Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique, et les institutions maritimes, de Byzance aux VII-XV siècles. Paris, 1966. - ПС, 1969, вып. 19(82). с. 199-202,

387. Пигулевская Н.В. /Рец. на кн./: De Santos Otero, Aurelio. Das Kirchenslavische Evangelium des Thomas. Berlin, 1967. - ПС, 1969, вып. 19 (82), с. 195-196.

388. Пигулевская Н.В. /Рец. на кн./: Rodinson M. Islam et Capitalisme. P., "Edition du seuil", 1966, 304 p. - ВИ, 1969, N 6, с. 206-208.

389. Пигулевская Н.В. и Колесников А.И. Иран в III-IV вв. /Гл.7/. - В кн.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, с.112-121.

390. Пигулевская Н.В. /Рец. на кн./: Alexander P.J. The Oracle of Baalbek. The Tiburtine Sibyl in greek dress. Dumbarton Oaks Stud., 1967. - ПС, 1970, вып. 21(84), с.251.

391. Пигулевская Н.В. /Рец. на кн./: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R.J.G.Jenkins. Dumbarton Oaks, 1967, ПС, 1970, вып. 21(84), с.253.

392. Пигулевская Н.В. /Рец. на кн./: Nurudinovic B. Bibliografija Jugoslovenske Orientalistike (1945-1960), Orientalni Inst. u Sarajevu, Sarajevo, 1968. - ПС, 1970, вып. 21(84), с.255.

393. Пигулевская Н.В. /Рец. на кн./: Travaux et mémoires, 2. Publ. par le Centre de recherche d'hist. et civil. byzant. Paris, 1967. - ПС, 1970, вып. 21(84), с.253-255.

394. Пиотровский М.Б. Йеменский царь Шаммар Йур'иш в арабских источниках. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.40-42.

395. Пиотровский М.Б. Йеменский халиф на 40 дней. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.61-64.

396. Пиотровский М.Б. Арабская версия истории царицы Зенобии (аз-Заббы). - ПС, 1970, вып. 21(84), с.170-184.

397. Пиотровский М.Б. Йемениты и Йеменцы в Омейядской Сирии. - "Историко-филол. журнал", 1970, № 2, с. 252-256.

398. Пиотровский М.Б. Средневековые рассказы о древних погребениях Йемена. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.64-66.

399. Полосин В.В. О проявлении правила полярности при образовании некоторых типов имен собирательных в арабском языке. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.149-151.

400. Прозоров С.М. Филиация шиитских сект по "Фирак ан-ши'а" ал-Хасана б.Муся ан-Наубахти (конец IX - начало X в. н.э.). - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского, М., 1968, с.102-118.

401. Прозоров С.М. Из истории сложения имамитской традиции в шиитской ересиографии. (Вторая половина УШ - нач. X в. н.э.). - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.64-66.

402. Прозоров С.М. К вопросу об обожествлении в учениях крайних шиитов (гулат) в исламе в УШ в. н.э. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.66-68.

403. Рагоза А.Н. Письмо правительницы Арка (из собрания согдийских рукописей ИВ АН СССР). - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл. науч. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с. 36-38.

404. Рагоза А.Н. Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Ин-та востоковедения АН СССР. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.23-26.

405. Рагоза А.Н. Несколько афганских этимологий. - ПС, 1970, вып.21 (84), с.111-113.

406. Рагоза А.Н. Согдийские фрагменты *Saṃghasūtra* в Рукописном собрании ЛО ИВ АН СССР. - ПС, 1970, вып. 21(84), с.151-154.

407. Ромодин В.А. Илья Павлович Петрушевский. (К 70-летию со дня рождения). - НАА, 1968, № 6, с.210-212.

408. Ромодин В.А. И.П.Петрушевский - выдающийся советский исследователь истории Ближнего и Среднего Востока. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, ч.3-12.

409. Ромодин В.А. /Подготовка текста и примеч./: Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., "Наука", 1968, 76 с. (АН СССР. Ин-т народов Азии). (Примеч. - соавт. с В.А.Урваловым).

410. Ромодин В.А. Сведения об афганцах и Афганистане в сочинении Сайфи ал-Харави "Тарих-наме-йи Харат". - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с.119-120.

411. Ромодин В.А. "Сирāдж ат-тавāрийх". (т.Ш) как источник. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.42-45.

412. Romodin V.A. Afghan studies. Moscow, "Nauka", 1968. 32 p. (Fifty years of Soviet Orient.Stud. (Brief reviews).

413. Ромодин В.А. Источники "Сирāдж ат-тавāрийх". - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.26-29.

414. Ромодин В.А. Афганистан в XVI-XVIII вв. /гл.37/. - В кн.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, с. 563-573.

415. Ахрамович Р.Т. и Ромодин В.А. Афганистан. /История/. - БСЭ, 3-е изд. т.2, М., 1970, с.422-424.

См. также № 238, 438.

416. Руденко М.Б. Глагольная форма *geṭya* в памятниках средневековой курдской литературы (на северном диалекте). - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.120.

417. Руденко М.Б. Похоронные песни курдов-езидов Закавказья. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.87-88.

418. Руденко М.Б. Новая рукопись поэмы курдского поэта Селима Слемана "Юсуф и Зелиха". - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.29-31.

419. Руденко М.Б. О возможной контаминации имен Хан-Абдала и Амир-хана - главарей курдского восстания в Иранском Курдистане в 1608-1610 гг. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с. 68-70.

420. Руденко М.Б. О некоторых особенностях языка средневековой курдской литературы (по материалам поэмы Селима Слемана "Юсуф и Зелиха") - В кн.: Иранская филология. Кр.излож. докл.науч. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с. 104-107.

421. Руденко М.Б. Системы стихосложения в средневековой курдской классической поэзии на северном диалекте. - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.120-123.

422. Руденко М.Б. /Запись текстов, пер., предисловие и примеч./: Курдские народные сказки. М., Глав.ред.вост.лит., 1970, 248 с. ("Сказки и мифы народов Востока").

423. Руденко М.Б. Похоронные песни курдов-езидов Закавказья. - ПС, 1970, вып. 21 (84), с.70-86.

424. Руденко М.Б. Хронограммы в рукописи поэмы Селима Слемана "Юсуф и Зелиха". - ПС, 1970, вып. 21 (84), с.68-69.
425. Русинова Э.С. Ранний период англоязычной литературы Индии. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.104-107.
426. Русинова Э.С. Кастовая система в романах М.Р.Ананда 30-х годов. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.123-125.
427. Савельева Л.В. О синтаксической классификации глагола в гуджарати. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1968, с.120-121.
428. Савицкий Л.С. О некоторых особенностях тибетской литературы XIV-XVI вв. - В кн.: Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с.223-232.
429. Савицкий Л.С. Тибетская литература 13-14 вв. (некоторые общие вопросы). - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.107-110.
430. Салахетдинова М.А. Походы Ануша-хана на земли Бухарского ханства. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с.123-133.
431. Салахетдинова М.А. К исторической топонимике Балхской области. - ПС, 1970, вып. 21(84), с.222-228.
432. Салахетдинова М.А. Об источниках, использованных Хафиз-и Танышем в предисловии к "Шараф-нама-йи Шахи". - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.66-68.
433. Световидова И.А. Время, вид и способ действия в современном бенгали. - В кн.: Языки, Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968, с.214-223.
434. Световидова И.А. Глаголы действия-состояния в бенгальском языке. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1968, с.121-122.
435. Свиридов Г.Г. О двух мифах из "Кодзики" ("Летопись древних дел", Япония, VIII в. н.э.). - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.110-112.
436. Свиридов Г.Г. Особенности культурного развития Японии в XIII веке. - В кн.: Тезисы докладов к XV конференции восточного кружка /при Акад.художеств СССР/. Л., 1970, с.20-21.
437. Свиридов Г.Г. "Повести, собранные в Удзи" ("Удзи -ские моногатары") - памятники японской литературы XIII века. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.126-128.
438. Смирнова Л.П. и Ромодин В.А. Список трудов д-ра ист. наук проф. И.П.Петрушевского. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского, М., 1968, с.12-21.

439. Смирнова Л.П. Та'рих-и Систан" как возможный источник "Ихйе аз-мудук". - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с.150-158.

440. Смирнова Л.П. К характеристике "Истории Систана" как источника для изучения ранненовоперсидского языка. - В кн.: Иранская филология. Душанбе, 1970, с.81-90.

441. Смирнова Л.П. Литературное общество "Мактаб-е Са'иб" в Исфahanе. - В кн.: УІ Всесоюзн. науч. конфер. по актуальным проблемам иранской филологии (тезисы докладов). Тбилиси, 1970, с.144-145.

442. Смирнова Л.П. /Пер. с перс./; Дильмагани, Моваххед. Банка сардин. - В кн.: Тугой узел. Новеллы иранских писателей. М., 1968, с.88-92.

443. Смирнова О.И. Азаты как социальная категория населения Согда. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского, М., 1968, с.134-149.

444. Смирнова О.И. К имени наследников бухарского дикана Уйна. - В кн.: Иранская филология. Кр. излож. докл. науч. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с.38-40.

445. Смирнова О.И. К хронологии среднеазиатских династий УП-УШ вв. - В кн.: Страны и народы Востока, вып.8, М., 1969, с.204-221. Библиогр. в примеч.

446. Смирнова О.И. Потомок Гурека на процессе афшина. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.70-72.

447. Смирнова О.И. К вопросу о среднеазиатских культах. (Из среднеазиатской топонимики). - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.92-94.

448. Смирнова О.И. Согд. (К истории изучения страны и о задачах ее исследования). - ПС, 1970, вып.21(84), с.121-150.

449. Сорокина О.С. О проникновении буддизма в Бирму. (Постановка проблемы). - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.72-74.

450. Сорокина О.С. Синтаксическая классификация глаголов в бирманском языке. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.151-154.

451. Сорокоумовская Г.В. Концепция человека в творчестве Суад Дервиш (по материалам романа "Фосфорическая Джеврие"). - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.88-91.

452. Сорокоумовская Г.В. /Рец. на кн./: Айзенштейн Н.А. Из истории турецкого реализма. Заметки о турецкой прозе (70-е

годы XIX в. - 30-е годы XX в.). М., "Наука", 1968, 284 с. -
ИАА, 1969, № 4, с.222-224.

453. Сорокоумовская Г.В. Новое о Суад Дервиш. - ПП и ПИКНВ,
И, М., 1970, с.128-131.

454. Спириев В.С. Системно-структурный подход к древнекитай-
ским письменным памятникам идеологии. - НАА, 1969, № 4, с.117-
126.

455. Спирин В.С. Некоторые методологические проблемы изу-
чения древнекитайской философии (в связи с анализом структуры
текстов). Автореф. дисс. ... канд.философ. наук. М., 1970. 22 с.
АН СССР. Ин-т философии).

456. Старкова К.Б. Календарь Кумрана и Дамаск. - ПП и ПИКНВ,
И, М., 1969, с.74-76.

457. Старкова К.Б. /Подгот. к печ./: А.Я.Борисов. Эпиграфи-
ческие заметки. - ЭВ, 1969, XIX, с.3-13.

458. Стеблин-Каменский И.М. О первой публикации ваханского
поэтического фольклора. - В кн.: Иранская филология. Кр. излож.
докл. научн. конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М.,
1969, с.76-79.

459. Стеблин-Каменский И.М. Ваханское (𐎧𐎡𐎴)mak '(моя)
дуна', (𐎧𐎡𐎴)imak 'хвойник' и древнеиранское hauma. - В кн.:
Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейско-
го языкознания. Тезисы докл. М., 1970, с.39-40.

460. Стеблин-Каменский И.М. О ваханском вокализме. - ПП
ПИКНВ, VI, М., 1970, с.166-169.

461. Struve V.V. The problem of the genesis, development
and disintegration of the slave societies in the ancient Orient.
В кн.: *Ancient Mesopotamia*. М., 1969, p.17-69.

На рус. яз.опубл.: "Проблема зарождения,развития и разло-
жения рабовлад. обществ древнего Востока". (Изв. ГАИМК, 1834,
77).

462. Struve V.V. Some new data on the organization of
labour and on social structure in Sumer during the reign of the
Third Dynasty of Ur. - В кн.: *Ancient Mesopotamia*, М., 1969, p.127-
72. На рус.яз.опубл.: "Новые данные об организации труда и
оциальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура.
СВ, 1949, VI, с. 149-184).

463. Стулова Э.С. Проблема изучения жанра баоцзюань. -
кн.: Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с.158-
66.

464. Султанов Т.И. О некоторых источниках "Бахр ал-Асрār". - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.31-33.
465. Султанов Т.И. К вопросу о терминах "Ак-Орда", "Кок-Орда" и "Юз-Орда", - ПП и ПИКНВ, УИ, М., 1970, с.94-96.
466. Бонгард-Левин Г.М. и Темкин Э.Н. Фрагмент неизвестной рукописи "Саддхармапундарика" (*Saddharmapundarika*) из коллекции Н.Ф.Петровского. - В кн.: Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968, с.438-452.
467. Bongard-Levin G.M. and Tyomkin E.N. New Buddhist texts from Central Asia. - В кн.: Soviet Oriental studies. Calcutta, 1970, p.107-113.
468. Bongard-Levin G.M. and Tyomkin E.N. Fragment of the Saka version of the Dnarmasarira-sutra from the N.E.Petrovsky collection. - ИЛJ, 1969, vol. II, N 4, p.269-280.
См. также № 100.
469. Терентьев-Катанский А.П. Бумага из Хара-хото. - В кн.: Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с.3-13.
470. Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к старинным китайским географическим сочинениям. - В кн.: Страны и народы Востока, вып. 8, М., 1969, с.85-98, с илл.
471. Терентьев-Катанский А.П. "Неизвестные" знаки в памятниках тангутской письменности. - ЭВ, 1969, XIX, с.22-27.
См. также № 229.
472. Торопов А.А. Идиоматичность как один из основных признаков сложных лексических единиц (на материале средневекового китайского языка). - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.154-158.
473. Троицкая А.Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. По документам архива кокандских ханов. М., "Наука", 1969, 155 с. с илл. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
474. Троцевич А.Ф. Корейские легенды о предках - основателях государств Тонмёне и Чумоне. (Из истории сюжетосложения). - НАА, 1968, № 2, с.125-128.
475. Троцевич А.Ф. Предание о Тонмёне в записи Ким Бусика (к вопросу об истоках некоторых сюжетов и циклизации преданий). - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл.научн.конфер. М., 1968, с.47-49.
476. Троцевич А.Ф. /Факс.ксилографа, пер., предисл. и коммент./: Чхунхянджон квонджитан. ("Краткая повесть о Чхунхян").

М., "Наука", 1968, 96 с.; 64 с. (Памятники письменности Востока. I9). Резюме на англ. яз.

477. Троцевич А.Ф. /Пер. с корейск./: Лим Дже. История цветов. - В кн.: Черепаховый суп. Л., 1970, с.151-192.

См. также № 185, 337.

478. Тугушева Л.Ю. Синтаксические отношения в определительной группе существительных Ш. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.122-124.

479. Тугушева Л.Ю. Порядок слов в определительных конструкциях (на материале татарского языка). Автореф... канд.филол. наук. М., 1969. 15 с. (АН СССР. Ин-т языкознания).

См. также № 134, 136.

480. Туманович Н.Н. Семейная хроника рода гератских феодалов XV- начала XIX в. - В кн.: Ближний и Средний Восток. Сб. статей в честь 70-летия проф. И.П.Петрушевского. М., 1968, с.172-189.

481. Туманович Н.Н. К среднеазиатским вариантам "Сказки о царе Салтане". - В кн.: Иранская филология. Кр.излож. докл. науч. конфер. посвящ. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с.84-87.

482. Туманович Н.Н. Неизвестный персидский прозаический вариант "Бахтиар-наме". - ПС, 1970, вып.21(84), с.16-25.

483. Фихман И.Ф. Еще раз о ремесленном производстве в позднеримском Египте. - ВДИ, 1968, № 3, с.143-146. Резюме на англ.яз.

484. Фихман И.Ф. Земельные отношения в Оксиринхе IV-VI вв. н.э. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1968, с.14-15.

485. Фихман И.Ф. К развитию натроциниев в византийском Египте. - ВВ, 1968, XXIX, с.45-52.

486. Fichman I.F. Ein ägyptisches Archiv aus der Mitte des 4. Jahrhunderts u.Z. - B1C1Or, 1968, Bd.13, Ht.4, s.222-223.

487. Fichman I.F. Die Handwerker im spätromischen Ägypten auf Grund des Papyrusmaterials. - B1C1Or, 1968, Bd.13, Ht.14, s.223-224.

488. Fichman I.F. On the structure of the Egyptian large Estate in the sixth century. -BASP, 1968, t.5, N 2-3, p.59-60.

489. Fichman I.F. Die sowjetische Papyrologie und die Sozial und Wirtschaftsgeschichte des griechisch - römischen

Ägypten in den Jahren 1917-1966. - BIClOr, 1968, Bd. 13, Ht.5, s. 293-294.

490. Fichman I.F. Werkstadtsmiete im byzantinischen Ägypten. - BIClOr, 1968, Bd.13, Ht.5, s.294-295.

491. Fichman I.F. /Рец.на кн.: / Daris S.Documenti per lo storia dell'esercito romane in Egitto. Milano, 1964. - OIZ, 1968, Bd. 63, N 9/10, s.445-447.

492. Фихман И.Ф. /Статьи в СИЭ/:

Пигмалион. - СИЭ, т.II, М., 1968, с.132.

Политевма. - Там же, с.274.

493. Fichman I.F. Grundfragen der handwerklichen Produktion in Ägypten vom 4. bis zur Mitte des 7. Jahrhunderts u.Z. - "Gahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, 1969, N 4, с.149-171.

494. Фихман И.Ф. /Статьи в СИЭ/:

Селевкидов государство. - СИЭ, т.I2, М., 1969, с.717.

Селевкия в Пиерии. - Там же, с.717.

Селевкия на Тигре. - Там же, с.717-718.

495. Фихман И.Ф. Население Оксиринха в IV-VI вв. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.96-98.

496. Фишман О.Л. Эпоха Просвещения в Китае. - В кн.: Межвузовская научная конференция по истории литератур зарубежного Востока. Тезисы докл., Л., 1968, с.50-51.

497. Фишман О.Л. и Левинтон А.Г. Просвещение. - СИЭ, т.П, М., 1968, с.622-631.

498. Фишман О.Л. Конференция по теоретическим проблемам изучения литератур Дальнего Востока. - НАА, 1969, № I, с.238-249.

499. Фишман О.Л. В.И. Ленин и проблема взаимосвязи идеологии и художественной литературы. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.29-32.

500. Фишман О.Л. Использование статистических приемов для изучения творчества Цзи Юня. - НАА, 1970, № 4, с.87-98.

501. Фишман О.Л. и Лисевич И.С. Конференция по теоретическим проблемам изучения литератур Дальнего Востока. - НАА, 1970, № 5, с.231-234.

502. Фишман О.Л. О некоторых типологических схождениях китайского и английского Просвещения. (Цзи Юнь и сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона). - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.131-134.

503. Фишман О.Л. /Пер. с кит./: Гуляка и волшебник. Танские новеллы (УП-IX вв.) М., "Худож.лит.", 1970, 383 с. с илл. (Пер. совм. с Соколовой).

504. Ханин З.Я. Из истории происхождения дискриминации в Японии. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.6, М., 1968, с.125-132.

505. Ханин З.Я. Об особенностях явления дискриминации. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.60-61.

506. Ханин З.Я. О роли социально-экономических процессов в возникновении дискриминации в Японии. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.76-77.

507. Ханин З.Я. О роли японских париев в развитии ремесла и культуры страны в средние века (XV-XVI вв.). - ПП и ПИКНВ, VI, М., 1970, с.99-100.

508. Пештич С.Л. и Циперович И.Э. "История государства Российского" Н.М.Карамзина на китайском языке. - НАА, 1968, № 6; с.125-126.

509. Циперович И.Э. Китайские изречения цзацзуань и "Цзацзуань" Ли Шан-иня. Автореф. дисс... канд.филол.наук Л., 1969, 12 с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

510. Циперович И.Э. О жанре китайских изречений цзацзуань (История изучения и характеристика жанра). - В кн.: Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с.51-73.

511. Циперович И.Э. /Пер., предисл., и примеч./: Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX-XIX вв. М., "Наука", 1969. 100 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

512. Цукерман И.И. Диахроническая направленность вариантов. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.124-127.

513. Цукерман И.И. Логическая структура курдских народных трехстиший. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.91-94.

514. Цукерман И.И. Вариантность в языке и тексте. - ПП и ПИКНВ, V, Л., 1969, с.158-160.

515. Цукерман И.И. Вариантность как диахронический лимит языковой системы. - ПС, 1969, вып. 19(82), с.56-68. Резюме на англ.яз.

516. Цукерман И.И. Неопределенный артикль множественного числа в хорасанском курманджи. - В кн.: Иранская филология. Кр.излож. докл.науч.конфер., посвящ. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с.107-110.

517. Цукерман И.И. Об объективной стороне орфографии. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.160-163.

518. Цукерман И.И. Глагольные окончания в хорасанском курманджи (Диахроническая направленность вариантов). - ПС, 1970, вып.21(84), с.114-120.

519. Цукерман И.И. Посессивное предложение в хорасанском курманджи. - НП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.169-171.

520. Čižikova K. and Ferguson Ch. Bibliographical review of Bengali studies. - "Current trends in linguistics", 1969, t.5, p.85-98.

521. Чижикова К.Л. Библиография по бенгальскому языкознанию /Автоаннотация/. - ПП и ПИКНВ, У1, М., 1970, с.184-186.

522. Чугуевский Л.И. Китайская пресса периода Синьхайской революции (в русских переводах). - НАА, 1968, № 5, с.135-138.

523. Чугуевский Л.И. Фрагмент "Фаншу" из дуньхуанского фонда ИНА АН СССР. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1968, с.45-46.

524. Чугуевский Л.И. Китайские документы о выдаче зерна под проценты в эпоху династии Тан. (Из дуньхуанского фонда ЛО ИВ АН СССР) - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.34-36.

525. Шарафутдинова Р.Ш. Синтаксические связи в глагольно-объектных словосочетаниях в современном арабском литературном языке. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.163-167.

526. Шейнин В.Ю. Йосеф бен Танхум хай-Йерушалмй и его литературное наследие. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1968, с.94-98.

527. Шейнин В.Ю. Неизвестные рукописные фрагменты поэтических произведений Йосефа бен Танхума хай-Йерушалмй. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.112-114.

528. Sheynin V.Y. Der literarische Nachlass des Josef ben Tanchum Haj-Jeruschalmi Forschungen und Texte. - АОН, 1969, t.22, fasc. 2, p.245-271.

529. Шифман И.Ш. Возникновение государственного аппарата в Иудейско-Израильском обществе в конце II - начале I тысячелетия до н.э. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1968, с.12-14.

530. Шифман И.Ш. Организация караванной торговли в Сирии I-III вв. н.э. и проблема караванных городов. - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1968, с.64-66.

531. Каллистов Д.П., Нейхардт А.А., Шифман И.Ш., Шишова И.А. Рабство на периферии античного мира. Л., "Наука", 1968, 272 с. Библиогр. в подстр.примеч.

532. Шифман И.Ш. Царские люди в эллинистической Сирии и Малой Азии. - ПС, 1969, вып. 19(82), с.32-38. Резюме на англ. яз.

533. Шифман И.Ш. Сикарихон. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.100-103.

См.также № 47, 166.

534. Школяр С.А. К вопросу о причине смерти Мункэхан. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.66-69.

535. Школяр С.А. Военный трактат "У цзин цаунтяо" как источник по истории китайской доогнестрельной артиллерии. - В кн.: Страны Дальнего Востока и Юго-Вост.Азии. М., 1969, с.115-127. Библиогр.: с.125-127.

536. Школяр С.А. Камнеметная артиллерия и начальный этап развития порохового оружия в Китае. Автореф. дисс. ... канд. ист.наук. Л., 1970, 22 с. (ЛГУ, им. А.А.Бданова).

537. Шрон Г.С. Библиография работ сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР 1956-1967 /Авто-аннотация/. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.186-189.

538. Шумовский Т.А. Две главы из энциклопедии арабской морской географии XV века. - В кн.: Страны и народы Востока, вып.8, М., 1969, с.30-37.

539. Шумовский Т.А. Памяти учителя /В.В.Струве/. - В кн.: Страны и народы Востока, вып.8, М., 1969, с.5-6.

540. Щеглова О.П. Анонимная поэзия и проза на персидском языке в литографированных изданиях собрания ЛО ИНА. - ПП и ПИКНВ, ІУ, Л., 1968, с.98-99.

541. Щеглова О.П. К вопросу о центрах литографирования в Иране. - ПП и ПИКНВ, УІ, М., 1970, с.103-105.

542. Юзбашян К.Н. /Пер. с древнеарм., вступ.статья, коммент. и прилож./: Аристакэс Дастивертци. Повествование вардапета Аристакэса Дастивертци. М., "Наука", 1968. 194 с. (Памятники письменности Востока, 15). Библиогр.: с.177-179. Резюме на англ.яз.

543. Юзбашян К.Н. /Рец. на кн./: Garsoian N.G. The Paulician Heresy. A study of the origine and development of paulicianism in Armenia and the Eastern provinces of the Byzantine Empire. The Hague - Paris, 1967. 293 p. + 1 map. - "Историко-филол. журнал", 1968, № 4, с.243-248. (на арм.яз.).

544. Юзбашян К.Н. К происхождению имени "павликиане". - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.81-84.

545. Yuzbajjan K. /Рец. на кн. /: Garsojan N.G. The Paulician Heresy. A study of the origine and development of Paulicianism in Armenia and the Eastern provinces of the Byzantine empire. The Hague-Paris, 1967. 293 p., 1 carte. - REArm, N.S., 1969, t.6, p.421-426. (на франц.яз.).

546. Юсупова З.А. Изяфетное словосочетание и сложное слово. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.127-128.

547. Юсупова З.А. Курдско-русский словарь. (Южнокурдское наречие - сорани). - ПП и ПИКНВ, У, Л., 1969, с.167-169.

548. Юсупова З.А. Об особенностях употребления предлога в южном наречии курдского языка. - В кн.: Иранская филология. Кр.излож. докл.науч.конфер., посв. 60-летию проф. А.Н.Болдырева. М., 1969, с.III-II3.

549. Юсупова З.А. О некоторых особенностях употребления предлогов в курдском языке. - ПП и ПИКНВ, УI, М., 1970, с.171-173.

550. Якобсон В.А. О некоторых социальных терминах новоассирийского периода. - ПП и ПИКНВ, IV, Л., 1968, с.69.

551. Якобсон В.А. О характере законов Хаммурапи как юридического памятника. - В кн.: IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. М., 1968, с.45-46.

552. Jakobson V.A. The social structure of the Neo-Assyrian empire. - В кн.: Ancient Mesopotamia. М., 1969, p.277-295.

На рус.яз. опубл.: "Социальная структура новоассирийского царства", (ВДИ, 1965, № I, с.100-117).

553. Якобсон В.А. /Рец. на кн./: Менабде Э.А. Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование. Тбилиси, 1965, 229 с. - ВДИ, 1969, № 4, с.152-158.

554. Якобсон В.А. Ленинское учение о государстве и праве и проблемы исследования государства и права на древнем Востоке. - ПП и ПИКНВ, УI, М., 1970, с.32-35.

См. также № 47, 158.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ	- "Большая Советская Энциклопедия".
ВАН СССР	- "Вестник Академии наук СССР".
ВВ	- "Византийский временник".
ВДИ	- "Вестник древней истории".
ВИ	- "Вопросы истории".
ВЯ	- "Вопросы языкознания".
ГАИМК	- Государственная Академия истории материальной культуры.
ДГО	- "Доклады Географического общества".
ИАН СССР	- "Известия Академии наук СССР".
КЛЭ	- "Краткая Литературная Энциклопедия".
КСИА	- "Краткие сообщения Института археологии".
НАА	- "Народы Азии и Африки".
ПП и ПИКНВ	- "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов ... годичной научной сессии ЛО ИНА".
ПС	- "Палестинский сборник".
СА	- "Советская археология".
СВ	- "Советское востоковедение".
СИЭ	- "Советская Историческая Энциклопедия".
СЛЯ	- Серия литературы и языка.
СТ	- "Советская тюркология".
ТГЭ	- "Труды Государственного Эрмитажа".
ЭВ	- "Эпиграфика Востока".
AAnt	- "Acta Antiqua".
AOH	- "Acta Orientalia Hungaricae".
BASP	- "Bulletin of the American society of papyrologists".
Biclor	- "Bibliotheca Classica Orientalis".
Bior	- "Bibliotheca Orientalis".
IIJ	- "Indo-Iranian journal".
JAOS	- "Journal of American Oriental society".
MIO	- "Mitteilungen der Institut für Orientforschungen".
OLZ	- "Orientalistische Literaturzeitung".
REArm	- "Revue des études arméniennes".

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

	стр.
И.Д.Амусин. Об одном кумранском разночтении: "Любящие Йахве" вместо "Враги Йахве".	3
С.М.Бациева. "Автобиография" Ибн Халдūна как источник для изучения его жизни и творчества.	6
Ю.Е.Борщевский. Географические разделы персидской всеобщей истории "Муджмал ат-тавāрїх ва-л-хисас" (520/II26 г.).	8
Е.И.Васильева. Новое сочинение по истории иранского Курдистана ("Тāрїх-и Бани-Ардалан" Хусрава б.Мухаммада Бани-Ардалāна)	II
О М.И.Демидова. К вопросу о периодизации истории дунь-хуанской книги	13
э К.Б.Кенинг. Тангутский перевод утраченной китайской лэйшу.	16
С.Г.Кляшторный. Темирсугская руническая надпись . . .	19
К.К.Курдоев. Об авторстве и языке религиозных книг курдов XI-XII вв.	22
Н.Д.Миклухо-Маклай. О персидских переводах Абу Исаха Ибрахима ал-Истахри.	24
В.В.Полосин. Этноним "булгары" в арабских источниках. . .	26
М.Б.Руденко. К происхождению рукописи персидской поэтической версии "Бахтиар-наме".	29
В.И.Рудой. О тибетском эквиваленте термина "vaibhāsika"	32
В.И.Рудой. К вопросу об "Абхидхармине" в брахманской традиции	34
Э.Н.Темкин. Бхамаха и его трактат о поэзии.	36
Л.А.Тер-Петросян. Место жития Милеса в сборнике Маруты Майферкатского.	38
А.Б.Халидов. К идентификации автора одной арабской рукописи XII века	41
Л.А.Чугуевский. Заемные документы из Дуньхуана. . . .	43

Р.Ш.Шарафутдинова. Арабоязычные документы эпохи Шамиля из архива акад. Б.А.Дорна.	46
О.П.Щеглова. Персидская поэзия XIX века в литографских изданиях (по материалам ДО ИВ и ЛГУ)	49

ИСТОРИЯ.

К.В.Васильев. Эпиграфические данные о государственном хозяйстве в Древнем Китае (X-V вв. до н.э.)	52
А.Ф.Желтяков. Правовое положение печати в Турции (конец XVIII - начало XX в)	55
С.Г.Кляшторный, В.А.Лившиц. Тюрко-согдийский памятник из Южной Гоби.	58
Е.И.Кычанов. Из истории Приамурья и Приморья в первой половине XVIII в.	60
А.Г.Лундин. К столетию путешествия Ж.Халеви	63
Ю.А.Петросян. Уставы тайных организаций общества "Единение и прогресс" как источник для изучения истории младотурецкого движения	66
М.Б.Пиотровский. Состав и политическая направленность кахтанитского предания	69
В.А.Ромодин. Страница из истории эпохи пробуждения Азии. Новые данные о тайной организации конституционалистов в Афганистане.	71
О.И.Смирнова. Рунические монограммы на среднеазиатских монетах.	74
И.Ф.Фикман. Рабы в византийском Оксирихе	78
З.Я.Ханий. По какому признаку осуществляется дискриминация японских париев?	80

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

З.Н.Ворожейкина. Четверостишия Камала Исмаила Исфакхани.	83
О.Дж.Джалилов. К изучению курдских народных исторических песен.	86
В.В.Кушев. Первый нуристанский ученый и поэт.	88
Е.Н.Мещерская. К вопросу о времени создания "Учения Аддая"	90

Ж.С.Мусаэлян. Тематика курдских народных лирических песен.	91
С.Л.Невелева. О понятии функции применительно к описанию мифологических единиц первого порядка (богов).	94
Х.Н.Ниязов. К творческой биографии Фарид ад-Дина 'Аттара.	97
А.В.Пайкова. Легенда о Евфимии как памятник сирийской художественной литературы.	100
Э.С.Русинова. "Письма армянина из Ирландии друзьям в Трапезунде".	104
Л.С.Савицкий. Тибетская литература ХУП века (некоторые общие вопросы)	108
М.А.Салахетдинова. Хафиз-и Таныш и поэт Нахли	111
Л.П.Смирнова. Заметки о культурной жизни Исфахана (1969)	113
К.Чиллаев. О передатчиках дастана "Абу Муслим-наме" по рукописям ленинградских собраний.	118

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

М.Н.Боголюбов. Иранское наречие <i>azdā</i> в арамейском.	122
А.М.Газов-Гинзберг. Звуковой символизм как универсалия.	124
В.Г.Гузев. О словообразовательных и словоизменительных свойствах некоторых турецких и староанатолийско-тюркских именных форм.	127
И.М.Дунаевская. О последовательном размещении групп префиксальных показателей хаттского глагола	129
М.Н.Зислин. О некоторых отклонениях от норм тивериадской вокализации в рукописи неопубликованного сочинения "Мб'бр 'айин".	131
Г.Х.Каплан. Употребление видо-временных глагольных форм аккадского языка в среднеассирийских законах.	133
Б.И.Кузнецов. Диакритика в письме "бал-бодх"	134
И.М.Стеблин-Каменский. <i>Badakhshaniica I</i>	137
И.И.Цукерман. Геминация согласных в хорасанском курманджи.	140
З.А.Юсупова. К вопросу о курдском календаре.	144

БИБЛИОГРАФИЯ.

Г.С.Шрон. Материалы к библиографии работ сотрудников ИО ИВ АН СССР за 1968-1970 гг.	147
---	-----

Подписано к печати 14/У-1971 г.
А-05875 Тир. 250 экз. Объем 12 п.л. Зак. 246
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

